

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л. З. Сова

ИССЛЕДОВАНИЯ
 ПО
ЯЗЫКУ ЗУЛУ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008

Л. З. Сова. 1961 г.

L. Z. Sova

STUDIES
 IN
ZULU

ST.-PETERSBURG
2008

УДК
ББК

Л. З. Сова. Исследования по языку зулу // Отв. редактор В. А. Лившиц. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2008. 226 с.

ISBN

В книге собраны опубликованные в разные годы статьи автора по языку зулу, которые являются уточнением и развитием идей, изложенных в монографии «Конфигурационный синтаксис языка зулу. Ч. 1. Ленинград, 1968. Ч. 2. Ленинград, 1969». Приводятся фрагменты из монографии, не опубликованной автором: «Аналитическая морфология языка зулу», а также архивные материалы, отражающие положение дел в советской африканистике второй половины XX в.

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

ISBN

© Сова Л. З., 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. ЯЗЫК ЗУЛУ

<i>Классы глаголов</i>	6
<i>«Дефективные» глаголы</i>	21
<i>Связь подлежащего и сказуемого</i>	39
<i>Каузативный залог</i>	71
<i>Глагол как грамматическая категория</i>	105
<i>Таблицы частей речи</i>	128
<i>Идеофоны</i>	132

ЧАСТЬ 2. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Тезисы докладов</i>	139
<i>Заметки о Словнике африканских языков в издании «Языки и диалекты мира. Проспект и словарь» / АН СССР, Институт языкознания. Отв. ред. В. Н. Ярцева. (М., 1982). 208 с.</i>	142
<i>Рецензия на статью Н. В. Охотиной «Языки банту» в монографии «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы». Отв. ред. Н. З. Гаджиева (М., 1982). С. 274–290</i>	174
<i>Из личного архива</i>	184
<i>List of publications</i>	203
<i>Неопубликованные монографии</i>	209
<i>Unpublished monographs</i>	209
Приложение	
<i>Именной указатель</i>	210
<i>Индекс языков и диалектов</i>	214
<i>Аннотированное оглавление</i>	223
<i>Summary</i>	225

ЧАСТЬ 1. ЯЗЫК ЗУЛУ

Классы глаголов

Работа¹ состоит из двух частей: основной, представляющей описание системы классов глаголов языка зулу (т. 1), и вспомогательной (т. 2). В ней раскрывается аппарат исследователя и приводится обоснование способов решения таксономических задач, осуществление которых привело к построению системы классов, описанной в первом томе.

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Л. Э. СОВА

**КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ
В ЯЗЫКЕ ЗУЛУ**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель — доктор
филол. наук профессор А. А. ХОЛОДОВИЧ

ЛЕНИНГРАД
1988

1. Научный аппарат

Каждое предложение рассматривается как совокупность элементов, стоящих на пересечении парадигматических и синтагматических рядов. Парадигматические ряды делятся на классы, называемые частями речи, синтагматические — на классы, называемые членами предложения. Предложение, рассматриваемое по отношению к частям речи, определяется как последовательность парадигматических элементов. Предложение, соотношенное с системой членов предложения, выступает как последовательность синтагматических элементов. Предложение понимается как последовательность связанных между собой элементов. Любой элемент, входящий в любую из указанных последовательностей, фиксируется как знак, характеризуемый формой и значением. Рассматриваются типы связей между двумя компонентами. Формальной называется связь между элементами, записанными в терминах форм; смысловой — связь между элементами, записанными в терминах значений;

---

¹ Предлагаемая вниманию читателя работа является авторефератом на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Научный руководитель — доктор филологических наук профессор А. А. Холодович. Официальные оппоненты: чл.-корр. АН СССР, доктор филологических наук профессор Д. А. Ольдерогге и доктор филологических наук профессор С. Д. Кацнельсон.

формально-смысловой – связь между элементами, записанными в терминах форм и значений. Любой из названных типов связей устанавливается как между парадигматическими, так и между синтагматическими элементами. В качестве минимальной парадигматической единицы принимается слово как совокупность лексем и формальной принадлежности. С лексемой связывается значение слова, с формальной принадлежностью – форма. В предложении между двумя словами, рассматриваемыми как парадигматические элементы, устанавливаются следующие связи: 1) смысловая – между лексемами этих слов, 2) формальная – между их формальными принадлежностями, 3) формально-смысловая – между лексемой одного слова и формальной принадлежностью другого слова. Между двумя членами предложения устанавливаются следующие связи: 1) смысловая – между значениями членов предложения, 2) формальная – между формами, посредством которых эти значения выражаются, 3) формально-смысловая – между членами предложения в единстве их форм и значений. Различие в типах связей между синтагматическими и парадигматическими элементами объясняется через различия в самих системах (парадигматической и синтагматической). Перечисленные типы связей иллюстрируются на материале различных лингвистических работ.

Анализируются понимания валентности и управления, из которых исходят различные авторы. Устанавливается, что под управлением понимаются следующие типы связей (в терминах, предложенных выше): 1) управление как формальная связь между двумя парадигматическими элементами (Л. Ельмслев), 2) управление как формально-смысловая связь между двумя парадигматическими элементами (Л. В. Щерба), 3) управление как формальная связь между двумя синтагматическими элементами (И. И. Мещанинов), 4) управление как формально-смысловая связь между двумя синтагматическими элементами (С. Е. Яхонтов). Все остальные точки зрения описываются в терминах указанных типов¹.

---

¹ Рассматривая предложение 'Я читаю книгу' и говоря об управлении, различные исследователи имеют в виду различные вещи: 1) связь между формальной принадлежностью глагола 'читаю' и формальной принадлежностью существительного 'книгу', 2) связь между лексемой глагола 'читаю' и формальной принадлежностью существительного 'книгу', 3) выражение смысловой связи между сказуемым и дополнением посредством соотношения форм слов 'читаю' и 'книгу', 4) формально-

Перечисленные типы связей соотносятся с дихотомией «потенциальная возможность (язык) – осуществимость (речь)» и на основании этого типы связей противопоставляются типам способностей к связям. Рассматривается понимание валентности как способности одного элемента к связи с другим элементом в синтагматической цепи. «Валентность» в этом понимании коррелирует с планом языка, в плане речи ей сопоставляется «реализация валентности». Валентность и реализация валентности сравниваются с управлением и способностью к управлению в смысле 4. Доказывается эквивалентность этих терминов относительно предложенных систем связей. Рассматриваются различные средства выражения смысловых связей между синтагматическими элементами. Каждому члену предложения сопоставляется парадигма формантов, посредством которых обозначается его функция как члена предложения. Установление систем формальных связей между членами предложения рассматривается как выявление системы соотношений между формантами парадигм, являющихся средствами выражения функциональных значений синтагматических элементов.

Понятие о средствах выражения смысловых связей между синтагматическими элементами сопоставляется с дихотомией «язык – речь»: «средства выражения» соотносятся с «языком», «формы выражения» – с «речью». Определение «средств и форм выражения» смысловых связей между синтагматическими элементами сравнивается с пониманием управления и способности к управлению в смысле 3. Иллюстрируется их эквивалентность относительно описанных систем связей. Для устранения омонимии в терминологии предлагается «управление» и «способность к управлению в смысле 4» заменить терминами «реализация валентности» и «валентность». Вместо терминов «способность к управлению» и «управление в смысле 3» вводятся термины: «средства и формы выражения смысловых связей между синтагматическими элементами». Термины «управление» и «способность к управлению» предлагается сохранить за «управлением» и «способностью к управлению в смысле 1». Говоря об «управлении в смысле 2», предлагается указывать элементы, ответственные за управление.

смысловую связь между сказуемым и дополнением, выраженными словами 'читаю' и 'книгу'.

Анализируются такие связи, как согласование, примыкание, синтетизм. Строится логически непротиворечивая система формальных связей, компоненты которой (согласование, управление, примыкание, синтетизм) противопоставлены друг другу на основании одних и тех же критериев, установленных при анализе формальных принадлежности слов.

Рассматривается таксономическая задача: на основании типов сочетаемости распределить глаголы данного языка по классам. Предложенная задача формулируется в терминах понятий, введенных выше.

Исследуются типы классификаций: 1) классификации глаголов по управлению, 2) классификации глаголов по управлению, понимаемому как формально-смысловая связь между парадигматическими элементами, 3) классификации сказуемых, выраженных глаголами, на основании форм обозначения связей с остальными членами предложения, 4) классификации сказуемых, выраженных глаголами, по валентности. Показывается, что остальные классификации могут быть описаны в терминах перечисленных. Устанавливается зависимость типа классификации от сферы ее применения. Обосновывается выбор типа классификации глаголов в языке зулу. Предлагается классифицировать глаголы в зависимости от типов валентности сказуемых, выраженных данными глаголами, на другие члены предложения.

Описание изложенных соображений, вместе с обзором литературы по вопросам связей, управления, валентности и типов классификаций, а также необходимой аргументацией, рассматривается как аппарат исследователя.

2. Основная часть: Описание.

А. Основная часть диссертации (т. 1) состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении (стр. 1–6) формулируется необходимость различения двух типов описания:

- 1) описание процедуры лингвистического исследования и
- 2) описание его результатов.

Выдвигается тезис о необходимости формирования результатов таксономического исследования языковых элементов в систему и

построения формализованного описания этой системы. Первая, вторая и третья главы диссертации представляют попытку такого описания. В Заключение рассматриваются проблемы описания формализуемых и не формализуемых процедур лингвистического исследования.

Б. Первая глава (стр. 7–61) посвящена базису формализованного описания. Базисом в диссертации называется набор вспомогательных систем, в терминах которых строится описание, представленное во второй главе. К этим вспомогательным системам в языке зулу относятся система разрядов слов (частей речи), система функциональных классов (членов предложения), система структур (синтаксических конструкций) и система синтаксических множителей глаголов. Обоснование принципов построения этих систем в языке зулу, а также примеры аналогичных систем в других работах выносятся во вспомогательную часть диссертации.

В основной части каждая часть речи, член предложения, синтаксическая структура и синтаксический множитель представлены как элементы, абстрагированные от процесса их построения, значимость которых определяется по месту, занимаемому ими в системе. Аргументация такого подхода вынесена во вспомогательную часть работы.

На основании тезиса: «описать язык, – значит составить список синтагматических элементов и правил, на основании которых из них образуются предложения» рассматриваются интуитивные и формализованные процедуры построения грамматик и доказывається, что синтагматические элементы, из которых строятся тексты на языке зулу, невозможно получить путем формализованной процедуры. Поэтому принимается решение отказаться от каких-либо формализованных процедур извлечения информации из текста и классификации форм на основании форм. Вместо этого предлагается обратиться к сбору материалов о языке зулу посредством изучения результатов интуитивных процедур.

Так, выучив, что *umfana* 'мальчик', *umfazi* 'женщина' и т. д. – имена существительные, а *uyahamba* 'идет', *uyagijima* 'бежит' – глаголы, мы не ставили своей задачей формализовать выделение частей речи из текстов, но занимались иной проблемой: исследовали, чем слова, относящиеся к части речи «глагол», отличаются от

слов, относящихся к части речи «существительное», и искали критерии, на основании которых эти отличия могут быть описаны в виде логически непротиворечивой системы.

Приняв в качестве такого критерия рассмотрение слов как микросинтагматических цепей, мы описали каждую часть речи в терминах последовательностей морфем, которые характеризуют ту или иную часть речи. Так, взяв слова *umfana*, *abafana*, *kumfanyana*, мы сгруппировали все морфемы этих слов по принципу их соподчинности в одной микросинтагматической цепи: например, *и-*, *-т-*, *-fan-*, *-а;* *а-*, *-ба-*, *-fan-*, *-а* – конъюнктивные морфемы, *um-* – абидизъюнктивные.

Установив парадигмы дизъюнктивных морфем, мы поместили их в одну ячейку, указав, что в одной и той же словоформе не может быть несколько морфем, стоящих в одной и той же ячейке. Описав порядок в последовательности конъюнктивных морфем, мы построили табличку, которую затем приняли в качестве «метки» данной части речи. Метки частей речи мы назвали разрядами. Соотнеся каждую часть речи с разрядом, т. е. записав каждую часть речи в терминах системы разрядов, мы тем самым создали необходимые предпосылки для описания частей речи как системы элементов, сопоставимых по единому принципу.

Описание системы членов предложения («функциональных классов») было построено аналогично.

Система частей речи состоит из 10 компонентов; система членов предложения – из 14. В качестве формы каждой части речи принимается ее микросинтагматическая характеристика, в качестве значения – значение того комплекса категорий, которые манифестируются посредством форм (посредством таблиц формантов). Значение члена предложения соотносится с некоторым референционным типом, форма – с парадигмой форм, посредством которых выражается референционный тип, являющийся значением данного члена предложения. Таким образом, при описании системы частей речи за первичное принимается форма и затем ей сопоставляется значение, при описании членов предложения – наоборот: значениям сопоставляются формы, посредством которых они выражаются.

Установив обе системы, мы записали каждое исследованное зулусское предложение в их терминах и, исходя из обоснованного вы-

ше типа классификации, выделили глаголы, выступающие в роли сказуемых, в качестве парадигматического подкласса синтагматического класса. Затем на основании проделанной работы мы приступили к построению непротиворечивой классификации, основанной на сопоставлении одних синтагматических элементов с другими («сказуемых» с различными «функциональными классами»).

Запись предложений языка зулу в терминах базисных систем дала возможность выделить 37 синтаксических структур, различные варианты которых реализованы в текстах. Обоснование принципов выделения структур, разрядов слов и функциональных классов, в соответствии с изложенной точкой зрения, вынесено во вспомогательную часть работы. В основной части синтаксические структуры представлены в виде системы, компоненты которой упорядочены по принципу количества элементов, входящих в структуру.

Приведем примеры, иллюстрирующие реализацию в речи некоторых вариантов выделенных структур¹.

№ структуры	Структура в языке	Вариант структуры в речи	Предложение на языке зулу	Перевод на русский язык
1	$\Phi_7\Phi_8$	$\emptyset$	<i>Kwahlwa</i> (1)	<i>Вечерело</i> (1)
2	$\bar{\Phi}_9\Phi_8$	Φ_2	<i>Kwabonakala(1) ukuthi(2) indoda(3) le(4) yaikhathele(5)</i>	<i>Было(1) видно(1), что(2) этот(4) мужчина(3) устал(5)</i>
3	$\bar{\Phi}_4\Phi_7\Phi_8$	Φ_4	<i>Kuhlwile(1) kimina(2)</i>	<i>На(2) меня(2) что-то наило(1)</i>
4	$\Phi_1\bar{\Phi}_{10}$	Φ_{10}	<i>Wabuye(1) wathula(2)</i>	<i>Он(1) снова(1) замолчал(2)</i>
5	$\Phi_1\bar{\Phi}_9$	Φ_9	<i>Nize(1) ningiphuzise(2)</i>	<i>Нанюите(1+2) меня(2)</i>

¹ Символом Φ с нижним индексом обозначен функциональный класс, валентность на который имеют сказуемые, образующие данную структуру; надстрочным знаком «-» отмечается тот функциональный класс, представитель которого не может отсутствовать в данной структуре.

6	$\Phi_1\bar{\Phi}_{10}\bar{\Phi}_{11}$	$\Phi_{10}\Phi_{11}$	<i>Bathi(1) ukuба(2) ба- xabana(3) wase (4) esasazelwa (5) nge- zinja(6)</i>	<i>Когда(1+2) они(1) поссорились(3), его(4) стали(4) травить(5) собаками(6)</i>
7	$\Phi_1\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{14}$	Φ_{14}	<i>Saba(1) sibomvu(2)</i>	<i>Она(1) стала(1) крас- ной(2)</i>
8	$\Phi_1\Phi_6\Phi_7\Phi_8$	$\emptyset$	<i>Wafinyela(1)</i>	<i>Он(1) съежился(1)</i>
9	$\Phi_1\bar{\Phi}_6\Phi_7\Phi_8$	Φ_6	<i>Wafunga(1) ngodade(2) waбо(3)</i>	<i>Он(1) поклялся(1) сво- ей(3) сестрой(2)</i>
10	$\Phi_1\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_9$	Φ_9	<i>Wathi(1) kasehlike(2)</i>	<i>Он(1) приказал(1) спуститься(2)</i>
11	$\Phi_1\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{11}$	Φ_{11}	<i>Wathi(1) uzakufuna(2) umsebenzi(3)</i>	<i>Он(1) думал(1), что найдет(2) работу(2)</i>
12	$\Phi_1\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{10}$	Φ_{10}	<i>Waqala(1) ukufunda(2)</i>	<i>Он(1) начал(1) чи- тать(2)</i>
13	$\Phi_1\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{12}$	Φ_{12}	<i>Wavuma(1) ukuthi(2) izwile(3)</i>	<i>Он(1) подтвердил(1), что(2) понял(3)</i>
14	$\Phi_1\Phi_2\Phi_6\Phi_7\Phi_8$	Φ_2	<i>Wamshaya(1) umfana(2)</i>	<i>Он(1) избил(1) маль- чика(2)</i>
15	$\Phi_1\bar{\Phi}_5\Phi_6\Phi_7\Phi_8$	Φ_5	<i>Wahabulana(1) nezijingi(2)</i>	<i>Он(1) напился(1) изи- жинги(2)</i>
16	$\Phi_1\Phi_4\bar{\Phi}_6\Phi_7\Phi_8$	$\Phi_4\Phi_6$	<i>Wabanga(1) nesithebe(2) кибо(3)</i>	<i>Он(1) хвастал(1) пе- ред(3) ними(3) цинно- вой(2)</i>
17	$\Phi_1\Phi_4\Phi_6\Phi_8\Phi_{10}$	Φ_{10}	<i>Waya(1) ukuzin- gela(2)</i>	<i>Он(1) пошел(1) охо- тится(2)</i>
18	$\Phi_1\Phi_4\Phi_6\Phi_8\Phi_{12}$	Φ_{12}	<i>Waya(1) ukuба(2) angenisele(3) khona(4)</i>	<i>Он(1) поехал(1), что- бы(2) поселиться(3) там(4)</i>

19	$\Phi_1\Phi_2\bar{\Phi}_4\Phi_7\Phi_8$	$\Phi_2\Phi_4$	<i>Ngabuza(1) indlela(2) kumfana(3)</i>	<i>Я(1) спросил(1) доро- гу(2) у(3) мальчика(3)</i>
20	$\Phi_1\Phi_2\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{11}$	Φ_{11}	<i>Ngambona(1) wahamba(2)</i>	<i>Я(1) видел(1), как он(1+2) шел(2)</i>
21	$\Phi_1\Phi_2\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{10}$	Φ_{10}	<i>Ngamale(1) ukubeta(2)</i>	<i>Я(1) запретил(1) ему(1) курить(2)</i>
22	$\Phi_1\Phi_2\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{12}$	Φ_{12}	<i>Ngamale(1) ukuβα(2) abeme(3)</i>	<i>Я(1) запретил(1), что- бы(2) он(1+3) курил(3)</i>
23	$\Phi_1\Phi_2\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_9$	Φ_9	<i>Ngamnika(1) akalethe(2) iβuku(3)</i>	<i>Я(1) разрешил(1), что- бы он(1+2) принес(2) книгу(3)</i>
24	$\Phi_1\Phi_4\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{13}$	$\Phi_4\Phi_{13}$	<i>Ngithi(1) kuye(2), “Qha(3)”</i>	<i>Я(1) говорю(1) ему(2): «Нет(3)»</i>
25	$\Phi_1\bar{\Phi}_6\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{13}$	$\Phi_6\Phi_{13}$	<i>Ngathi(1) ngomfana(2), “Nguyena(3)”</i>	<i>Я(1) подумал(1) на(2) мальчика(2): «Это(3) он(3)»</i>
26	$\Phi_1\bar{\Phi}_6\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{12}$	$\Phi_6\Phi_{12}$	<i>Ngazwa(1) ngomfana(2) ukuthi(3) bahlangana(4)</i>	<i>Я(1) узнал(1) от(2) мальчика(2), что(3) они(4) встретились(4)</i>
27	$\Phi_1\bar{\Phi}_5\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{11}$	$\Phi_5\Phi_{11}$	<i>Ngivumelana(1) naye(2) uqinisile(3)</i>	<i>Я(1) соглашюсь(1) с(2) ним(2) – он(3) прав(3)</i>
28	$\Phi_1\bar{\Phi}_5\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{12}$	$\Phi_5\Phi_{12}$	<i>Ngavumelana(1) naye(2) ukuthi(3) uqinisile(4)</i>	<i>Я(1) согласился(1) с(2) ним(2), что(3) он(4) прав(4)</i>
29	$\Phi_1\bar{\Phi}_5\bar{\Phi}_6\Phi_7\Phi_8$	$\Phi_5\Phi_6$	<i>Udlala(1) nawe(2) ngezinkomo(3)</i>	<i>Он(1) дразнит(1) те- бя(2) скотом(3)</i>

30	$\Phi_1\Phi_2\bar{\Phi}_6\Phi_7\Phi_8$	$\Phi_2\Phi_6$	<i>Ngaloya(1) umfana(2) ngemotokala(3)</i>	<i>Я(1) околдовал(1) мальчика(2) машиной(3)</i>
31	$\Phi_1\Phi_2\Phi_6\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{14}$	$\Phi_6\Phi_{14}$	<i>Ngayithe(1) hluthuluzi(2) ngetshe(3)</i>	<i>Я(1) убил(1+2) его(1) камнем(3)</i>
32	$\Phi_1\Phi_2\bar{\Phi}_6\Phi_7\Phi_8\Phi_{11}$	$\Phi_6\Phi_{11}$	<i>Waluzwa(1) ngoqhunguqhu(2) wephunga(3) ubisi(4) seluchithekela(5) esitofini(6)</i>	<i>Он(1) почувствовал(1) это(1) по(2) запаху(2+3), – молоко(4) расплескалось(5) в(6) печи(6)</i>
33	$\Phi_1\Phi_2\Phi_3\Phi_6\Phi_7\Phi_8$	Φ_2	<i>Ngamnika(1) imali(2)</i>	<i>Я(1) дал(1) ему(1) денег(2)</i>
34	$\Phi_1\Phi_2\bar{\Phi}_4\bar{\Phi}_6\Phi_7\Phi_8$	$\Phi_4\Phi_6$	<i>Wayithumela(1) kuye(2) ngomfana(3)</i>	<i>Он(1) послал(1) его (письмо) (1) ей(2) с(3) мальчиком(3)</i>
35	$\Phi_1\Phi_2\Phi_3\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{12}$	$\Phi_2\Phi_{12}$	<i>Ngamthumela(1) imali(2) ukiба(3) evela(4) eJohannesburg(5)</i>	<i>Я(1) послал(1) ему(1) денег(2), чтобы(3) он(4) приехал(4) в(5) Йоганнесбург(5)</i>
36	$\Phi_1\Phi_2\bar{\Phi}_4\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{10}$	$\Phi_4\Phi_{10}$	<i>Ngimhambisa(1) kuye(2) ukuyolalela(3)</i>	<i>Я(1) веду(1) его(1) к(2) нему(2) послушать(3) судебный процесс</i>
37	$\Phi_1\Phi_2\bar{\Phi}_4\Phi_7\Phi_8\bar{\Phi}_{12}$	$\Phi_4\Phi_{12}$	<i>Zayisa(1) kwoninalume(2) ukiба(3) ahlale(4) khona(5)</i>	<i>Они(1) отнесли(1) его(1) к(2) дяде(2), чтобы(3) он(4) там(5) жил(4)</i>

Приняв систему структур в качестве структурного основания сущностной классификации, мы разбили глаголы на синтаксические множители в зависимости от того, варианты каких структур они реализуют в речи. Результат отображения глаголов языка зулу на систему структур был представлен в виде неупорядоченной системы синтаксических множителей. Упорядочивая эту систему, мы сгруппировали синтаксические множители вокруг структур, которые они реализуют в речи. В результате получился набор классов

синтаксических множителей глаголов. Эти классы были сформированы в систему по принципу упорядочения структур, вокруг которых они образованы.

Затем мы перешли к доказательству логической непротиворечивости полученной системы классов и возможности на ее основе представить глаголы как дискретные величины (классы не пересекаются, соотношения между ними не зависят от величины выборки, но только определяются структурными основаниями классификации, элементы, входящие в класс, обладают свойством эквивалентности относительно структуры, вокруг которой они группируются, дискретный характер синтаксических множителей дает возможность представлять глаголы как комплексы дискретных величин, а не как непрерывные переменные).

В. Упорядочив классы синтаксических множителей глаголов в систему, мы приступили к их описанию. В качестве средства построения формализованного описания системы классов глаголов в языке зулу была предложена анкета, состоящая из девяти вопросов: общая характеристика класса, функциональная, специфическая, референционная, семантическая, микросинтагматическая, позиционная и типологическая.

Отобрав классы глаголов, которые содержат синтаксические множители, реализующиеся в вариантах таких структур, в состав которых входит не более четырех компонентов (структуры №№ 1–13), мы образовали подсистему из тринадцати классов и построили их описание как ответы на вопросы анкеты в терминах базисных систем.

Это описание составляет вторую главу диссертации (С. 62–331).

Г. Третья глава (С. 332–461) посвящена итогам классификации.

На основании разграничения языковых элементов (например, *umfana* в *Umfana wahamba*), конструктивных языковых элементов (например, «синтаксический множитель», «глагол», «часть речи» и т. д.) и конструктивных лингвистических элементов (например, «валентность», «связь», «управление» и т. п. отношения) отмечается, что вторая глава посвящена описанию системы языковых элементов, тогда как в первой и третьей главах идет речь о системах конструктивных элементов. Описание в третьей главе строится в

соответствии с описанием во второй как подведение итогов по рубрикам каждого параграфа (например, на основании «общих характеристик» классов, описанных в §§ 1–13 второй главы, построен § 1 третьей главы; на основании «микросинтагматических характеристик» – § 8 и т. д.). Проводится различение системы и структуры (система элементов – и система связей между элементами, или структура системы элементов).

Описывается структура системы функциональных классов¹. Ставится вопрос о полноте системы функциональных классов в языке зулу, ее единственности, а также о верхней и нижней границах такой системы. Исследуются возможности дедуктивного построения системы функциональных классов на основании аксиом, в качестве которых можно принять результаты данной работы (§ 1). Рассматривается структура комплексной системы связей. В состав комплекса входят формальные связи (управление, примыкание и др.) и смысловая связь – валентность. Исследуется структура этой системы (§ 2).

Рассматриваются языковые конструктивные элементы «предложение» и «глагол». Обосновывается необходимость при определении категории «глагол» рассматривать глагол как элемент, соотношенный с системой синтагматических и системой парадигматических рядов. Показывается несоизмеримость различных определений категории «глагол», основанных на соотношении этой категории либо с парадигматикой, либо с синтагматикой. Доказывается, что определение: «глаголы – это слова, обозначающие действия или состояния предметов», не может быть принято ни в качестве синтагматической, ни в качестве парадигматической характеристики данной категории. Рассматриваются инвариантные признаки категории «глагол», которые могут быть приняты в качестве параметров при ее определении (§ 4).

Ставится вопрос о связях, выделяемых в объективной действительности. Формируется система смысловых связей (каузальная, ориентационная, партитивная и др.). Показывается соотношение между системой функциональных классов и системой смысловых связей. Обосновывается взаимоперевоодимость обеих систем. Отме-

---

¹ Ср.: в первой главе была описана система функциональных классов, в третьей главе – структура этой системы.

чается универсальный характер системы смысловых связей. Констатируется, что построение системы функциональных классов, значения которых основаны на универсалиях, а формы – на специфических явлениях каждого языка, является необходимой предпосылкой типологического исследования.

Проводится анализ средств выражения формальных отношений между синтагматическими элементами в языке. Формируется система, которая рассматривается как форма манифестации системы смысловых связей. Ставится вопрос о представлении предложений в терминах обеих систем, о построении парадигм форм, посредством которых выражается каждая смысловая связь, и о построении парадигм значений, с которыми соотносится каждый формант. В качестве иллюстрации берется смысловая предикативная связь; рассматривается формант, служащий показателем этой связи в одном из предложений языка зулу, затем строится парадигма формантов, выступающих показателями предикативной связи в языке зулу (парадигма «субъектных согласователей»). Отмечается, что каждый формант, наряду с значением «быть показателем предикативной связи», передает множество других значений.

Строится система оппозиций, дающая возможность выделить эти «другие» значения перечисленных формантов, затем формируется система значений, передаваемых субъектным согласователем в языке зулу (одним из этих двадцати трех значений является функция «обозначать предикативную связь»), и каждому из значений сопоставляются форманты, посредством которых эти значения выражаются (так, значение «обозначать предикативную связь» передается двенадцатью элементами: *a-*, *ба-*, *би-*, *i-*, *ку-*, *ли-*, *лу-*, *нги-*, *ни-*, *си-*, *у-*, *зи-*, значение неопределенности лица субъекта – одним элементом *ки-* и т. п.). Строится система взаимного много-многозначного соответствия между обеими системами.

Не останавливаясь особо на обзоре остальных параграфов третьей главы, отметим, что в ней также рассматривается система морфологических множителей (§ 7) и система операторов (§ 8). Операторами называются морфемы, изменяющие валентность лексем, к которым они присоединяются (например, показатель фактитивного преобразования *-is-*, префикс *окw-*, нейтрализующий действие *-is-* и т. п.).

Д. В Заключении (С. 462–521) описываются процедуры построения некоторых конструктивных объектов. Показывается, что конструктивные языковые объекты можно получить только вследствие комплексной процедуры, лишь отдельные звенья которой формализуемы на данном этапе развития науки. Наоборот, построение конструктивных лингвистических объектов может быть полностью формализовано уже теперь. В связи с этим выдвигается тезис о двухчастном строении лингвистической теории как теории языковых и теории лингвистических элементов. Отмечается, что первая теория может строиться только как дескриптивное описание объектов, полученных в результате формализуемых и интуитивных процедур.

Говоря о формализации этой теории, необходимо иметь в виду стандартизацию описания объектов, но не их получения (например, формализацию описания объектов по типу той, которая предложена во второй главе диссертации). Никакие аксиоматизации при построении этой теории применяться не должны. На основании результатов дескриптивной теории, представленных в виде стандартизованного описания, можно построить теорию лингвистических элементов как формально-логическую систему. В качестве аксиом этой теории должны быть приняты аксиомы о конструктивных языковых элементах, установленные на предварительном этапе работы (при построении дескриптивной теории), а также различные аксиомы «нелингвистического характера». На основании них и правил вывода предлагается представить конструктивные лингвистические элементы посредством цепочек вывода из аксиом данной теории.

Высказанные соображения иллюстрируются выводом лингвистических элементов «валентность» и «связь». Утверждается, что возможность дедуктивного вывода лингвистических элементов является основой построения дедуктивной лингвистической теории как формализма особого типа.

Некоторые положения диссертации отражены в работах:

1. Л. З. Сова. Опыт классификации языков на основании выделения типов бинарных словосочетаний // Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965. С. 229–234.

2. Л. З. Сова, В. С. Храковский. О соотношении языковых подсистем // Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965. С. 235–238.

3. Л. З. Сова, В. С. Храковский. Каузативное преобразование как одно из средств типологической классификации языков // Совещание по типологии восточных языков. Тезисы. М., 1963. С. 82–83.

«Дефективные» глаголы

Согласно теории конфигураций¹ проф. А. А. Холодовича², сказуемые (и в частности, сказуемые, выраженные финитными глаголами) можно разбить на классы, члены которых имеют изотипное окружение, т. е. такое окружение, элементы которого можно записать в терминах одних и тех же членов предложения. Члены предложения устанавливаются как смысловые единицы. Их материальным субстратом являются особые формальные парадигмы. В качестве основания классификации сказуемых принимается система типов окружения (система конфигураций), представляющая собой набор различных последовательностей членов предложения, которые могут употребляться друг с другом в одной и той же синтагматической цепи.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

Л. З. СОВА

КОНФИГУРАЦИОННЫЙ
СИНТАКСИС
ЯЗЫКА
ЗУЛУ

ЧАСТЬ 1
(КОНФИГУРАЦИИ 1–14)

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД - 1949

Такая теория дает возможность построить классификацию сказуемых по смысловым (неформальным) критериям и получить классы слов, эквивалентных друг другу по смыслу, — с точностью до смысла терминов конфигурации. Описание результатов классификации сказуемых можно построить в виде дедуктивной формально-логической системы, в качестве

аксиом которой приняты постулаты «смысловой» классификации.

В соответствии с этой концепцией было проведено исследование языка зулу. Была построена система членов предложения (система четырнадцати функциональных классов), в терминах которой были записаны окружения глаголов, выступающих в роли сказуемых.

¹ В статье приняты следующие условные обозначения: Φ_i — функциональный класс ($i = 1, 2, \dots, 14$), N — существительное, P — личное местоимение, A — прилагательное, V — глагол, D_i — элементы объективной действительности, как мы их себе представляем (D — действие, D_1 — деятель, D_2 — детерминатор действия), H_1 — названия соответствующих элементов (H — название действия, H_1 — название деятеля, H_2 — название детерминатора действия).

² Один из фрагментов этой теории см.: А. А. Холодович. Опыт теории подклассов слов // Вопросы языкознания. 1960. № 1.

После этого все глаголы были разбиты на классы, характеризующиеся тем, что члены одного и того же класса могут сочетаться только с одним, фиксированным для данного класса, набором членов предложения. Другими словами, были получены классы глаголов, эквивалентных относительно системы членов предложения. Вопрос об эквивалентности глаголов какого-либо класса относительно конкретных представителей функциональных классов (например, относительно слова *umfana* 'мальчик' или словосочетания *umfana omncane* 'маленький мальчик') не ставился.

В данной статье рассматривается класс глаголов, которые могут сочетаться только с представителями двух функциональных классов: Φ_1 и Φ_{10} . Этот класс глаголов, называемых дефективными¹, можно представить как ориентированный относительно системы функциональных классов² следующим образом:

---

¹ В исследованиях по зулу глаголы описываемой группы фигурируют под следующими названиями: deficient verbs (С. М. Doke. Bantu Linguistic Terminology. London, 1935; С. М. Doke. Zulu Syntax and Idiom. London, 1954; J. A. Louv. The Syntactical Nature of the Deficient Verb and its Complement in Zulu // African Studies. V. 13. 1954. № 3, 4), auxiliary verbs (С. М. Doke. Text-book of Zulu Grammar. London, 1935; R. C. A. Samuelson. Zulu Grammar. Durban, 1925), hilfs-verbs (P. W. Wanger. Konversations-Grammatik der Zulu-Sprache. Mariannhill, 1918), defective verbs (R. L. Grout. Izizulu. Natal, 1859), relational verbs (R. L. Grout. Указ. соч.), idiomatic verbs (R. L. Grout. Указ. соч.), particles (R. C. A. Samuelson. Указ. соч.). Из названий видно, что существуют два подхода при анализе слов, которые мы называем дефективными глаголами: 1) рассматривать их как несамостоятельные слова, т. е. как частицы или словоформы, с помощью которых образуются сложные глагольные формы, 2) считать их самостоятельными словами – глаголами, которые образуют особую группу в системе глаголов языка зулу. Мы разделяем вторую точку зрения.

² Если бы в русском языке была построена система членов предложения в соответствии с теми же принципами, что и в зулу, между двумя системами членов предложения (функциональных классов) можно было бы установить некоторую таблицу соответствий. Тогда Φ_1 , описываемый в статье, в большинстве случаев соответствовал бы русскому подлежащему; Φ_2 , Φ_3 , Φ_4 и Φ_5 – различным типам русских прямых и косвенных дополнений (напр., дополнениям «объекта действия», «адресата», «содержания», «инструмента» и т. п.); Φ_6 – обстоятельству причины; Φ_7 – обстоятельству места; Φ_8 – обстоятельству времени; Φ_9 – обстоятельству цели (чаще всего обстоятельству цели, выраженному придаточным с союзом 'чтобы'); Φ_{10} , Φ_{11} и Φ_{12} – приглагольным дополнительным членам различных типов; Φ_{13} – дополнению, выраженному прямой речью; Φ_{14} – присвязочному (именному) дополнительному члену. Здесь речь идет не о «соответствиях» в строгом смысле слова, но только о некоторых приблизительных сопоставлениях между системами.

Φ_1	Φ_2	Φ_3	Φ_4	Φ_5	Φ_6	Φ_7	Φ_8	Φ_9	Φ_{10}	Φ_{11}	Φ_{12}	Φ_{13}	Φ_{14}
(+)	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-

Под знаком «-» понимается невозможность для любого элемента класса сочетаться ни с одним представителем функционального класса, обозначенного соответствующим индексом (обязательное отсутствие валентности у элементов класса глаголов на данный функциональный класс); под знаком «+» – невозможность не сочетаться с каким-либо представителем данного функционального класса (обязательная валентность у элементов класса глаголов на данный функциональный класс); под знаком «(+）」 – возможность сочетаться с каким-либо представителем данного функционального класса (факультативная валентность у элементов класса глаголов на данный функциональный класс).

Ориентация глаголов относительно системы функциональных классов дается в плане языка. В плане речи обязательное отсутствие валентности у некоторого элемента X на некоторый функциональный класс Y проявляется в том, что ни в одном предложении исследуемого языка элемент X не употребляется в связи с каким-либо представителем класса Y . Обязательная валентность у X на Y состоит в том, что ни в одном из предложений элемент X не употребляется отдельно от какого-либо представителя класса Y ; факультативная валентность у X на Y реализуется так, что в одних предложениях элемент X употребляется в связи с каким-либо представителем класса Y , «вместе с ним», а в других предложениях – вне связи с представителем класса Y , «отдельно от него».

Дефективные глаголы в зулу имеют только одну факультативную валентность на Φ_1 и одну обязательную валентность на Φ_{10} . Это такие глаголы: *-ahle* 'может быть', *-anela* 'только, просто', *-bange* 'не, никогда не', *-bonange* – 'не, никогда не', *-bonaze* – 'не, никогда не', *-biye* 'снова, затем', *-cisha* 'чуть не', *-damene* 'всегда, часто', *-dane* – 'всегда, часто', *-de:* – 'всегда, часто', *-fane* 'просто, как раз', *-fike* 'сначала, прежде', *-hambe* 'всегда', *-hle(nje)* 'однажды', *-hleze* 'всегда', *-kade* 'прежде', *-ke* 'однажды', *-libele* 'всегда', *-ló:* 'все еще', *-lokhu* – 'все еще', *-tane* 'должен, как раз', *-tusa* 'не должен', *-ncé:* 'тотчас', *-ngá:* 'пусть', *-phinda* 'снова', *-sale* 'затем, лучше, надо', *-sanda* 'как раз', *-se* 'начинать', *-shaye* 'во всю', *-simze* 'просто', *-thi* 'едва, почти' (иногда не переводится), *-thi* *икиба* 'наконец, дей-

ствительно', -vange 'не, никогда не', -zange – 'не, никогда не', -za 'уже, наконец', -ze 'не', -zinge 'всегда'.

А. Характеристика семантического тождества элементов класса

Обычно пишут, что глаголы обозначают действия и состояния предметов¹. Дефективные глаголы не подходят под это определение. Не обозначая действий или состояний предметов, они служат для выражения двух типов значения: а) связь между некоторым действием (или процессом) и субъектом этого действия (или процесса) и б) различные характеристики действий, описываемых не-дефективными глаголами (например, аспект, модальность, соотносительность во времени с другим действием, способ отношения к объективной действительности и т. д.)².

Б. Функциональная характеристика класса

1. Форма слов, входящих в окружение глаголов описываемого класса³.

1. 1. В роли Φ_1 при дефективных глаголах употребляются предстатели следующих типов слов:

1. 1. 1. Имя существительное в основной форме⁴ –

---

¹ См., напр.: С. М. Doke. Text-book of Zulu Grammar. P. 115 и др.

² Различные форманты системы глагольного спряжения в зулу можно рассматривать как синонимы к некоторым дефективным глаголам; например, модальность передается либо морфологически (потенциальное наклонение, формантом которого является инфикс -ng-), либо синтаксически (с помощью таких дефективных глаголов, как -ahle, -mane и др.), интенсивность – либо посредством суффикса -isis-, либо с помощью дефективного глагола -shaye и т. д.

³ Для описания материального субстрата членов предложения (их форм) приходится обращаться к записи членов предложения в терминах частей речи. Например, подлежащее в предложении 'Дом стоит у реки' можно записать в терминах системы частей речи как *N*, подлежащее в предложении 'Большой дом стоит у реки' – как *AN*, а подлежащее в предложении 'Я стою у реки' – как *P*. Каждый член предложения допускает запись посредством парадигмы терминов частей речи (в приведенных примерах член предложения «подлежащее» может быть записан посредством парадигмы терминов *N*, *AN*, *P*). Эту парадигму мы и принимаем в качестве материального субстрата данного члена предложения.

⁴ Всего нами выделено в зулу десять частей речи: глагол, существительное, прилагательное, абсолютное местоимение, притяжательное местоимение, кванторное местоимение, указательное местоимение, наречие, идеофон, союз. Внутри каждой части речи мы фиксируем формальные типы, в терминах которых и производим запись членов предложения. Формальные типы, на наш взгляд, бывают релевант-

1. *Ujesi (1) waphinda (2) wathi (3) . . . [VIII]¹. 'Джесси (1) снова (2) спросила (3) . . .'*

В предложении 1 при дефективном глаголе *-phinda* (стоит в форме *waphinda*) в роли Φ_1 выступает существительное в основной форме *uJesi*.

1. 1. 2. Абсолютное местоимение в основной форме –

2. *Yena(1) wayelokhu(2) ezondile(3) [VIII]. 'Он(1) все(2) еще(2) испытывал(3) ненависть(3)'*.

В предложении 2 при дефективном глаголе *-lokhu* (стоит в форме *waelokhu*) в роли Φ_1 выступает абсолютное местоимение в основной форме *yena*.

1. 1. 3. Местоимение *-onke* 'весь' в основной форме –

3. *Baze (1) batuzwa (2) bonke (3) [VII]. 'Наконец (1) об этом (2) услышали (2) 'все (3)'*.

В предложении 3 при дефективном глаголе *-ze* (стоит в форме *baze*) в роли Φ_1 выступает местоимение *-onke* в основной форме *bonke*.

ные для описания системы классов глаголов и нерелевантные. Релевантными для описания системы классов глаголов языка зулу принимаются следующие формы существительного: 1) основная форма, 2) префиксная на *ku-*, 3) префиксная на *na-*, 4) префиксная на *nga-*, 5) локативная префиксная на *e-*, 6) локативная циркумфиксная на *e-ini*, 7) предикативная префиксная на *ng-*, *yi-*, 8) предикативная с элизией начального гласного. Релевантными являются формы глагола: 1) инфинитив, 2) инфинитивная префиксная форма на *nga-*, *na-*, 3) финитная форма изъявительного наклонения, 4) императивная форма зависимого наклонения, 5) неимперативная форма зависимого наклонения, 6) форма ситуативного наклонения. Примером нерелевантных для описания системы классов глаголов являются такие формы, как притяжательная форма имени, основная форма прилагательного, притяжательного местоимения, копулятивная форма наречия и т. д.

¹ Каждое слово на языке зулу занумеровано определенной цифрой, рядом с его эквивалентом на русском языке стоит та же цифра. Римские цифры в квадратных скобках в конце примера указывают на первоисточник в соответствии с приводимым ниже перечнем: I – H. Callaway. *Izinganekwane, nensumansumane, nezindaba zabantu*. V. 1. P. 1–6. Natal – London, 1865; II – C. M. Doke, B. W. Vilakazi. *Zulu-English Dictionary*. Johannesburg, 1959; III – R. R. Dhlomo. Ushaka. Johannesburg, 1936; IV – «Ikhwezi Lama-Afrika». Johannesburg, 1962–1964; V – «Ilanga laseNatal». Johannesburg, 1962–1964; VI – J. Ngubane. *Uvalo lwezinhlonzi*. Johannesburg [A. d. 1]; VII – S. Nyembezi. *Mntanam!* Johannesburg [A. d.]; VIII – Silomo. *Indaba kaMbulawa*. Cape Town – Johannesburg, 1925.

1. 1. 4. Словосочетание имени существительного в основной форме и имени прилагательного, местоимения или существительного, согласованного с ним в классе, –

4. . . . *umlungu* (1) *wakhe* (2) *waphinda* (3) *wayikhulisa* (4) *imali* (5) *yakhe* (6) [VIII]. 'Его (2) хозяин (1) снова (3) повысил (4) ему (6) зарплату (5)'.

В предложении 4 при дефективном глаголе *-phinda* (стоит в форме *waphinda*) в роли Φ_1 выступает словосочетание имени существительного в основной форме *umlungu* с согласованным с ним притяжательным местоимением *wakhe*.

1. 2. В роли Φ_{10} при дефективных глаголах употребляются предстатели следующих типов слов:

1. 2. 1. Инфинитив¹ –

5. *Ubale* (1) "Izikhali (2) *zamatuhla* (3)" *ngesizulu* (4) *ne* "Nkambo (5) *kaDingane* (6)" *esanda* (7) *kiphuma-nje* (8) [V]. 'Он (1) написал (1) по-зулуски (4): «Оружие (2) наших (3) дней (3)» и (5) «Обычаи (5) Дингане (6)», которые как (7) раз (7) вышли (8) из (8) печати (8)'.

В предложении 5 при дефективном глаголе *-sanda* (стоит в форме *esanda*) в роли Φ_{10} выступает инфинитив *kiphuma*.

1.2. 2. Финитный глагол в одной из неимперативных форм зависимого наклонения –

6. *Ngiyathemba* (1) *ukuthi* (2) *sizakibuye* (3) *sibonane* (4) [VIII]. 'Я (1) надеюсь (1), что (2) мы (3) снова (3) увидимся (4)'.

В предложении 6 при дефективном глаголе *-буйе* (стоит в форме *sizakibuye*) в роли Φ_{10} выступает глагол *-бонана* в неимперативной форме настоящего времени зависимого наклонения *sibonane*.

1. 2. 3. Финитный глагол в одной из форм ситуативного наклонения –

---

¹ В этом пункте можно было написать: «инфинитив или словосочетание инфинитива и имен, управляемых им». Слова, которыми управляет инфинитив, зависящий от классифицируемого глагола, также считаются нерелевантными для описания системы классов глаголов. Количество пунктов 1. 2 можно было бы увеличить за счет перечисления сочетаемости инфинитива с нерелевантными для классификации типами слов, подобно тому, как это сделано в пункте 1. 1 (см. 1. 1. 4).

7. *Abekade* (1) *ehluphekile* (2) *ngenxa* (3) *икиба* (4) *engenampheki* (5) *ofaneleyo* (6) [VIII]. 'Как (1) раз (1) перед (1) этим (1) хозяйке приходилось (2) трудно (2), потому (3) что (4) у (5) нее (5) не (5) было (5) подходящего (6) повара (5)'.

В предложении 7 при дефективном глаголе *-kade* (стоит в форме *abekade*) в роли Φ_{10} выступает глагол в форме ситуативного наклонения *ehluphekile*.

1. 2. 4. Финитный глагол в одной из форм изъявительного наклонения –

8. *Umfana* (1) *umane* (2) *uyalwa-nje* (3) [III]. 'Мальчик (1) дерется (3)'.

В предложении 8 при дефективном глаголе *-mane* (стоит в форме *umane*) в роли Φ_1 выступает глагол *-lwa* в форме настоящего длительного времени изъявительного наклонения *uyalwa*.

2. Связи между словами, входящими в окружение глаголов описываемого класса.

2. 1. Между явлениями объективной действительности, описываемыми дефективным глаголом и словами, выступающими в роли Φ_1 , не существует смысловой связи. Между дефективным глаголом и словами, выступающими в роли Φ_1 , существует грамматическая связь, показателем которой является субъектный согласователь, который вводится в дефективный глагол и указывает на класс имени, выступающего при нем в роли Φ_1 . Так, в предложении 1 в дефективный глагол *-phinda* введен субъектный согласователь *wa-* по классу имени *uJesi*, выступающего в роли Φ_1 . В этом случае речь идет о наличии грамматической контрадикторной связи между дефективным глаголом и словами, выступающими в роли Φ_1 .

Смысловая структура	Грамматическая структура
D_1	H_1 ————— H_2
D_2	

2. 2. Между явлениями объективной действительности, описываемыми словами, выступающими в роли Φ_{10} , и словами, выступающими в роли Φ_1 , существует смысловая связь: «действие – деятель». Между словами, выступающими в роли Φ_{10} (см. 1. 2. 1), и словами, выступающими в роли Φ_1 , не существует грамматической связи. К этому выводу можно прийти на основании того, что

оформление слов, выступающих в роли Φ_1 , не зависит от слов, выступающих в роли Φ_{10} , т. е. нет формантов, указывающих на связь между ними. В этом случае мы говорим о наличии смысловой анафорической предикативной связи между действием и деятелем ($D-H_1$)¹.

Смысловая структура

Грамматическая структура

2. 3. Между явлениями объективной действительности, описываемыми дефективным глаголом, и словами, выступающими в роли Φ_{10} , существует смысловая детерминантная связь: «действие и его модальная, аспектная или темпоральная детерминация». Между дефективным глаголом и словами, выступающими в роли Φ_{10} (см. 1. 2. 1), существует грамматическая связь, показателями которой являются форманты инфинитива.

Смысловая структура

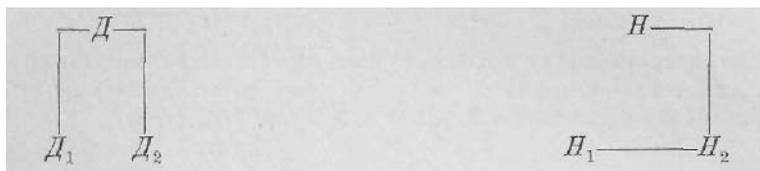
Грамматическая структура

Следовательно, для предложений, которые представляют собой совокупность элементов, описанных в 1. 1 и 1. 2. 1, мы имеем:

Смысловая структура

Грамматическая структура

¹ Об анафорических связях см.: L. Tesnière. *Éléments de syntax structurale*. Paris, 1959.

2. 4. Между явлениями объективной действительности, которые выражены словами, выступающими в роли Φ_{10} , и словами, выступающими в роли Φ_1 , существует, как отмечалось выше, смысловая предикативная связь: «действие – деятель». Между словами, выступающими в роли Φ_{10} (см. 1. 2. 2 и 1. 2. 3), и словами, выступающими в роли Φ_1 , существует грамматическая связь. Показателем этой связи является субъектный согласователь, который вводится в глагол, выступающий в роли Φ_{10} , и указывает на класс имени, выступающего в роли Φ_1 . Так, в предложении 8 в глагол *-lwa*, выступающий в роли Φ_{10} , введен субъектный согласователь *и-* по классу имени *umfana*, выступающего в роли Φ_1 .

Смысловая структура

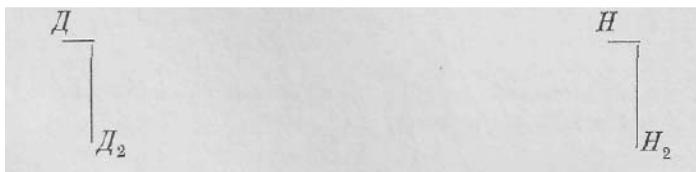
Грамматическая структура

2. 5. Между явлениями объективной действительности, описываемыми дефективным глаголом и словами, выступающими в роли Φ_{10} , существует смысловая детерминантная связь: «действие и его модальная, аспектная или темпоральная детерминация»¹. Между

Смысловая структура

Грамматическая структура

глаголом описываемого класса и словами, выступающими в роли Φ_{10} (см. 1. 2. 2 и 1. 2. 3), существует грамматическая связь, показанная

¹ Глагол-сказуемое в смысловом плане является здесь пояснением к другому слову; он передает модальную, аспектную или темпоральную детерминацию действия, выраженного грамматически зависящим от сказуемого словом. Этим дефективные глаголы отличаются от таких глаголов, как *-hamba 'идти'*, *-bona 'видеть'* и т. д., которые, выступая в роли сказуемого, не являются детерминаторами других слов, но которые нуждаются в детерминации – модальной, аспектной или темпоральной – со стороны зависящих от них слов.

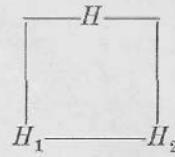
телями которой являются форманты зависимого и ситуативного наклонений.

Следовательно, для предложений, которые представляют собой совокупность элементов, описанных в 1. 1, а также в 1. 2. 2 и 1. 2. 3, мы имеем:

Смысловая структура

Грамматическая структура

2. 6. Для слов, описанных в 1. 2. 4, существует такая же смысловая предикативная связь: «действие – деятель» и такая же грамматическая связь (с субъектным согласователем), как и для слов в 1. 2. 2 и 1. 2. 3 (ср. 2. 4), т. е.

Смысловая структура

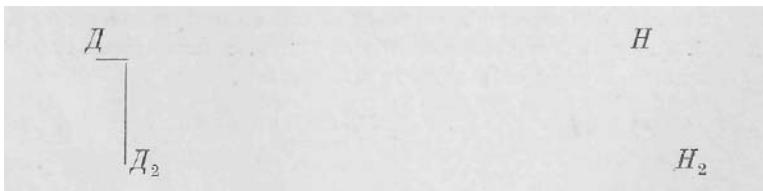

Грамматическая структура

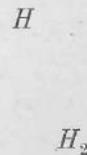

2. 7. Между явлениями объективной действительности, описываемыми дефективным глаголом и словами, выступающими в роли Φ_{10} , существует смысловая связь: «действие и его модальная, аспектная или темпоральная детерминация», тогда как грамматической связи между глаголом описываемого класса и словами, выступающими в роли Φ_{10} (см. 1. 2. 4), не существует, т. е. оформление слов, выступающих в роли Φ_{10} , не зависит от дефективного глагола.

Смысловая структура

Грамматическая структура

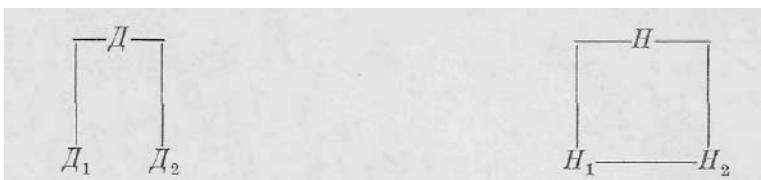

В этом случае мы говорим о наличии смысловой анафорической детерминантной связи ($D - D_2$).

Следовательно, для предложений, которые представляют собой совокупность элементов, описанных в 1. 1 и 1. 2. 4, мы имеем:

Смысловая структура

Грамматическая структура

3. В зависимости от сочетаемости дефективных глаголов с представителями различных типов слов в роли Φ_1 и Φ_{10} (их форм и связей между ними), дефективные глаголы можно разбить на четыре подкласса:

Таблица 1

№ под- класса	Диагностические формы слов, выступающих в роли Φ_{10}			
	инфинитив	неимперати- вная форма зависимого наклонения	формы си- туативного наклонения	формы изъяви- тельного наклоне- ния
1	+	-	-	-
2	-	+	-	-
3	-	-	+	-
4	-	-	-	+

В. Специфическая характеристика класса

1. Характеристика первого подкласса.

1. 1. Список глаголов первого подкласса: *-anela*, *-cise*, *-fane*, *-libele*, *-musa*, *-phinda*, *-sanda*, *-thi*.

1.2. Слова, выступающие в роли Φ_1 при глаголах первого подкласса, обозначают предметы или явления объективной действительности, которым приписывается какой-либо признак посредством словосочетания, выраженного дефективным глаголом и зависящим от него словом в роли Φ_{10} .

Слова, выступающие в роли Φ_{10} , обозначают действия или процессы, которые характеризуют объекты, выступающие в роли Φ_1 . Связь между словами, выступающими в роли Φ_1 и Φ_{10} (например, между действующим лицом и действием), обозначена не в самих этих двух элементах, а «вне них», в дефективном глаголе. Дефективный глагол, кроме того, оформлен всеми видовременными показателями, посредством которых передаются время и аспект действия, обозначенного словом, выступающим в роли Φ_{10} . Так, в предложении:

9. *Uzophinde (1) ukuya (2) khona (3) [III]. 'Он (1) пойдёт (2) туда (3) опять (1)'* при глаголе *-phinda* (стоит в форме *uzophinde*) в роли Φ_1 выступает слово, на именной класс которого указывает субъектный согласователь *u-*; в роли Φ_{10} – словосочетание *ukuya khona*. Показатель связи между действием, выраженным инфинитивом *ukuya* с зависящим от него словом *khona*, и производителем действия, а также показатель времени и аспекта этого действия введены в дефективный глагол в виде префиксов *izo-*.

2. Характеристика второго подкласса.

2. 1. Список глаголов второго подкласса: *-ahle, -anela, -bange, -bonange, -bonaze, -buye, -cise, -fane, -fike, -hle, -ke, -mane, -nce-, -phinda, -sale, -se, -shaye, -simze, -thi, -thi ukuiba, -vange, -zange, -ze*.

2. 2. Значение Φ_1 и Φ_{10} аналогично значению Φ_1 и Φ_{10} при глаголах первого подкласса. Связь между словами, выступающими в роли Φ_1 и Φ_{10} (например, между действующим лицом и действием), обозначена посредством субъектного согласователя, введенного в глагол, выступающий в роли Φ_{10} . Дефективный глагол, так же как и глагол, выступающий в роли Φ_{10} , оформлен субъектным согласователем по классу имени, выступающего в роли Φ_1 . Так, в предложении

10. ... *lendllela (1) ahamba (2) ngayo (3) ingeke (4) ilunge (5) kahle (6) [VI]. 'Путь (1), которым (3) он (2) шел (2), никогда (4) не (4) был (5) правильным (5)'*

при дефективном глаголе *-ke* (стоит в форме *ingeke*) в роли Φ_1 выступает слово *lendllela*, в роли Φ_{10} – словосочетание *ilunge kahle*. Показатель класса имени, выступающего в роли Φ_1 , введен в качестве субъектных согласователей в каждый из глаголов (дефектив-

ный глагол и глагол, выступающий в роли Φ_{10}). В оба глагола также введены показатели аспекта и времени совершения действия, выраженного глаголом, который выступает в роли Φ_{10} ; в дефективный глагол, кроме того, введен префикс *nge-*, посредством которого передается отрицание признака, описываемого словосочетанием *ilunge kahle*.

3. Характеристика третьего подкласса.

3. 1. Список глаголов третьего подкласса: *-bange, -bonange, -bonaze, -damene, -dane, -de:, -fane, -hambe, -hleze, -kade, -libele, -lo:, -lokhu, -sale, -vange, -zange, -ze, -zinge*.

3. 2. Аналогично 2. 2. В предложении:

11. *Basale (1) себебуа (2) [П]. 'Им (1) надо (1) вернуться (2)'*

при дефективном глаголе *-sale* (стоит в форме *basale*) в роли Φ_1 выступает слово, на именной класс которого указывает субъектный согласователь *ба-*; в роли Φ_{10} – финитный глагол *себебуа*. Показатель класса имени, выступающего в роли Φ_1 , введен в качестве субъектных согласователей в каждый из глаголов (дефективный глагол и глагол, выступающий в роли Φ_{10}). Субъектные согласователи, введенные в оба глагола, отражают также время совершения действия, передаваемого глаголом, который выступает в роли Φ_{10} .

4. Характеристика четвертого подкласса.

4. 1. Список глаголов четвертого подкласса: *-fane, -tane, -nga:, -phane, -simze, -za, -ze*.

4. 2. Аналогично 2. 2. В предложении:

12. *Umfana (1) waza (2) wangena (3) [П]. 'Мальчик (1) наконец (2) вошел (3)'* при дефективном глаголе *-za* (стоит в форме *waza*) в роли Φ_1 выступает слово *umfana*, в роли Φ_{10} – слово *wangena*. Показатель класса имени, выступающего в роли Φ_1 , введен в качестве субъектных согласователей в каждый из глаголов (дефективный глагол и глагол, выступающий в роли Φ_{10}). В оба глагола также введены показатели аспекта и времени совершения действия, выраженного глаголом, который выступает в роли Φ_{10} .

Г. Семантическая характеристика класса

Дефективные глаголы можно подразделить на три семантические группы:

1. Глаголы первой семантической группы характеризуют действие или процесс, описываемый посредством слов, выступающих в роли Φ_{10} , с точки зрения его мощности (интенсивности). К этой группе относятся глаголы *-shaye* (13) и *simze* (14):

13. *Ushaye* (1) *washanshula* (2) [III]. 'Он (1) умчался (1+2)' [букв. «он (1) удалился (2) на (1) полной (1) скорости (1)»].

14. *Abanye* (1) *besimze* (2) *bathi* (3) *uyisiphoxo* (4) [VI]. 'Другие (1) просто (2) говорили (3), что он (4) идиот (4).'

2. Глаголы второй семантической группы передают модальные характеристики действия или процесса, описываемого посредством слов, выступающих в роли Φ_{10} . К этой группе относятся глаголы *-ahle* (15), *-mane* (16), *-musa* (17), *-nga*, *-sale* (18):

15. ... *uMsi* (1) *H.* (2) *Matiseni* (3) *wathi* (4) *lingahle* (5) *lihambe* (6) *kabi* (7) *enkantolo* (8) [VI]. 'Мистер (1) Х. (2) Матисени (3) сказал (4), что, возможно (5), будет еще хуже (7), если дело пойдет (6) в (8) суд (8)!'.

16. *Mane* (1) *uhambe* (2) [III]. 'Иди (2+1) немедленно (1)!'.

17. *Musa* (1) *ukwenza* (2) *lokhu* (3) [III]. 'Не (1) делай (2 + 1) так (3)!'.

18. *Asisale* (1) *seqe* (2) [III]. 'Мы (1) бы лучшие (1) убежали (2)!'.

3. Глаголы третьей семантической группы характеризуют действие или процесс точки зрения его аспекта [инхоативность (19), континуативность (20), результативность (21), ингрессивность (22), сёмельфактивность (23), многократность (24), однократность (25)], соотносительности во времени с некоторым событием (26), способа отношения к действительности (27). К этой группе мы относим все глаголы, не включенные в первую и вторую группы.

19. . . . *Abese* (1) *ephulula* (2) *amadevu* (3) [VI]. ' [Масовеньеза] начинает (1) поглаживать (2) усы (3).'

20. *Ngilokhu* (1) *ngithanda* (2) [III]. 'Я (1) все (1) еще (1) люблю (2)'.
(2)'.
21. *Yaza* (1) *yafika* (2) *ingwe* (3) *iphethe* (4) *impunzi* (5) [I].
'Наконец (1), появился (2) леопард (3), неся (4) антилопу (5)'.
22. *Lavuka* (1) *izimu* (2), *lathi* (3) *liyavula-ke* (4) [II]. 'Людоед (2)
встал (1) и приоткрыл (3+4) дверь' [букв. «слегка (3) открыл (4)
дверь»].
23. *Ahle* (1) *asidumele* (2) *isilevu* (3) *esesula* (4) [VII].
'Зулумацанси дернул (1+2) за бороду (3), вытирая (4) ее' [букв.
«один (1) раз (1) потянул (2) бороду (3)»].
24. *Vazinge* (1) *bemdelela* (2) *njalo* (3) [I] '[Соплеменники] всегда
(1) презирали (2) его (2)'.
25. *Asho* (1) *ngenhliziyo* (2) *athi* (3) *selokhu* (4) *abakhona* (5)
akazange (6) *ake* (7) *ambone* (8) [VII]. 'Про (2) себя (2) он (1) сказал
(1), что никогда (6), ни (7) разу (7) в жизни, он (8) не (7) видел (8)
такой красавицы'.
26. *Uma* (1) *kugcagca* (2) *izintombi* (3) *kudilike* (4) *amaphoyisa* (5)
akwaHulumeni (6) *ezobeka* (7) *ukuthi* (8) *lingaphindi* (9) *lichitheke* (10)
igazi (11) [VI]. 'Когда (1) устроили свадьбу (2+3), как (4) снег (4) на
голову (4), свалилась (4) правительственная (6) полиция (5) наблю-
дать (7), чтобы (8) снова (9) не (9) пролилась (10) кровь (11)'.
27. *Angikaze* (1) *ngizwe* (2) *kuthiwa* (3) *uyeshela* (4) *nomaphi* (5)
[IV]. 'Я (1) не (1) слышала (2), чтобы говорили (3), будто [у Ману-
ланы] есть (4) где-нибудь (5) любовница (4).

Д. Референционная характеристика класса

Дефективные глаголы являются одnoreферентными.

Е. Позиционная характеристика класса

1. Порядок слуг по отношению к хозяину. Положение слов, выступающих в роли Φ_{10} , является строго фиксированным: они всегда следуют за дефективным глаголом; слова, выступающие в роли Φ_I , мобильны по отношению к дефективному глаголу (V).

2. Слова, выступающие в роли Φ_I и Φ_{10} , не фиксированы в отношении друг друга, однако чаще всего слова, выступающие в роли Φ_I , предшествуют словам, выступающим в роли Φ_{10} .

3. Формулы замеченного порядка слов: $\Phi_1 V \Phi_{10}, V \Phi_{10} \Phi_1$.

Ж. Микросинтагматическая характеристика класса

1. В своей морфологической структуре почти все дефективные глаголы имеют непроезвонные основы, оканчивающиеся на *i, e, è, o, ó, u* вместо регулярного для глаголов языка зулу конечного гласного основы *a*.

В качестве глагола *-thi икиба* мы рассматриваем совокупность словоформ *-thi* и *икиба*, представляющих не разложимое на компоненты словосочетание:

28. *Kuthe-ke (1) икиба (2) afike (3) uSikulumi (4) [I]. 'Наконец (1+2), пришел (3) Сикулуми (4)'*.

В пользу рассмотрения этого словосочетания как идиоматического можно привести следующие аргументы:

- а) невозможность перестановки слов внутри словосочетания;
- б) невозможность вставки слов между элементами словосочетания;
- в) невыводимость значения словосочетания в целом из значений составляющих его компонентов (так, все словосочетание *-thi икиба* означает *'наконец, уже, действительно'*, а *-thi* и *икиба* соответственно *'сказать, подумать'* и *'чтобы'*);
- г) изофункциональность с другими дефективными глаголами как элементами данного класса, каждый из которых представляет собой нерасчленимую на синтаксическом уровне единицу¹.

2. От основ дефективных глаголов, как правило, не образуются суффиксальные синтетические формы каузатива, пассива, статива, диминутива, интенсива и т. п. Дефективные глаголы имеют непол-

---

¹ В статье «О терминах „устойчивость“ и „идиоматичность“» (Вопросы языкознания». 1960. № 4) И. А. Мельчук приводит критерии установления идиоматичности в плане речи, т. е. фактически критерии опознавания идиоматических словосочетаний в речи. Но, если считать, что в речи только выявляются, а не появляются различные закономерности и что существуют они в виде потенциальных языковых возможностей, то в таком случае целесообразно, наряду с критериями опознавания идиоматических словосочетаний в речи, установить критерии их выделения в языке (ср.: В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А. А. Шахматов. М.–Л., 1947. С. 339–364).

ные парадигмы спряжения: к основам дефективных глаголов присоединяется очень ограниченное число аффиксов, посредством которых передаются видовременные характеристики глаголов в зулу,

3. Типологическая характеристика класса

1. Дефективные глаголы переводятся на русский язык: а) наречиями (29), б) частицами (30), в) модальными словами (31) или г) различными формантами видовременной системы глагола (22, 23):

29. *Lizinge* (1) *liyeqa* (2) *ekupheleni* (3) *liidle* (4) [II]. 'Всегда (1), попрыгав (2) над убитым зверьком, ласка, наконец (3), съедает (4) его (4)'.

30. *Angaze* (1) *ashesha* (2) *ukiya* (3) *kuBajwayele* (4), *intombi* (5) *kaManamuzi* (6) *ayefuna* (7) *ukiya* (8) *imgane* (9) [VI]. '[Зулумацанси] не (1) спешил (2) идти (3) к (4) Бажваеле (4), дочери (5) Манамузы (6), на которой хотел (7) жениться (8+9)'.

31. *Laze* (1) *lafika* (2) *ilanga* (3) *lokuphuma* (4) *ejele* (5) [IX]. 'Наконец (1), пришел (2) день (3) его выхода (4) из (5) тюрьмы (5)'.

Глаголы, выступающие в роли Φ_{10} (грамматически подчиненные дефективным глаголам), переводятся на русский язык почти всегда финитными формами глаголов и изредка инфинитивом (например, в предложении 19).

Таким образом, при переводе словосочетания, состоящего из дефективного глагола и слов, которые выступают в роли Φ_1 и Φ_{10} , наблюдается в случаях а), б), в) метатаксис¹ типа 1 + 2 + 3, а в случае г) – метатаксис типа 2 + 3 + 4 + 5. Цифры здесь означают: 1 – изменение грамматической категории одного из переводимых слов (слово, являющееся дефективным глаголом в зулу, переводится на рус-

---

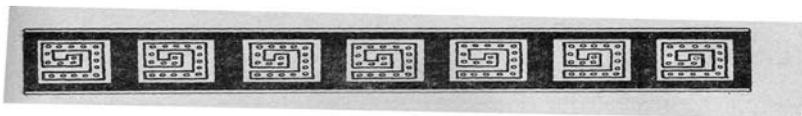
¹ См.: L. Tesnière. Указ. соч. Под метатаксисом Л. Теньер понимает явление, которое возникает при переводе (с сохранением семантического инварианта) с одного языка на другой. Метатаксис предполагает различие между структурой фразы в одном языке и ее эквивалента в другом языке. Л. Теньер выделил типы метатаксиса в зависимости от того, какие именно структурные изменения происходят при осуществлении перевода. В данной статье иллюстрируются некоторые из выделенных им типов. Поскольку каждый класс глаголов ведет себя по-разному при переводе, т. е. каждому классу глаголов свойственны определенные типы метатаксиса, то целесообразно рассматривать явления метатаксиса как одну из характеристик всего класса дефективных глаголов.

ский язык наречием, частицей или модальным словом); 2 – изменение структурного центра внутри данного словосочетания (хозяин в языке зулу, выраженный дефективным глаголом, становится в русском языке слугой; слуга в языке зулу, выраженный словом, выступающим в роли Φ_{10} , становится хозяином в русском языке); 3 – переподчинение элементов внутри данного словосочетания (эквивалент к слову, выступающему в роли Φ_1 в языке зулу и являющемуся слугой дефективного глагола, становится слугой русского эквивалента к слову, выступающему в зулу в роли Φ_{10}); 4 – изменение количества словоформ внутри данного словосочетания (дефективный глагол опускается при переводе на русский язык, так что общее количество словоформ в данном сочетании убывает на единицу); 5 – изменение типа связи между элементами словосочетания (аналитическая связь между словами, выступающими в роли Φ_1 и Φ_{10} в зулу, превращается в синтетическую связь между морфемами одного слова, которое является эквивалентом к двум словоформам)¹.

---

¹ Статья опубликована в журнале «Народы Азии и Африки». 1966. № 4. С. 184–194. Она представляет собой фрагмент моей кандидатской диссертации «Классы глаголов в языке зулу» (Ленинград, 1965). Материалы диссертации опубликованы в виде монографии «Конфигурационный синтаксис языка зулу» (Ч. 1. Конфигурации 1–15. Ленинград, 1968 и Ч. 2. Конфигурации 16–40. Ленинград, 1969). Данная статья (с некоторыми изменениями) является первой главой первой части монографии (С. 43–57). Каждая из 40 глав монографии посвящена описанию одной из конфигураций языка зулу: 37 конфигураций образованы глаголами, остальные – именами и наречиями. Все главы построены однотипно в соответствии с анкетой, представленной в данной статье. Вместо термина «грамматическая структура» в моих последующих работах, когда идет речь об означаемом смысловой структуры, употребляется термин «формальная структура».

Связь подлежащего и сказуемого

§ 1. Семиотическая теория членов предложения

1. Анализируя системы членов предложения, почти каждый исследователь указывает на контroversы у своих предшественников. Например, он отмечает, что главные члены предложения выделены на основании логических критериев, а второстепенные – на основании каких-то других, не сопоставленных с первыми (см. упреки А. А. Потебни Ф. И. Буслаеву и т. п.). Установив логическую ошибку в теории предшественника, ученый следующего поколения, как правило, делает вывод о несостоятельности прежних синтаксических систем и направляет свои усилия либо на построение новой системы, либо на создание новой аргументации в пользу старой системы¹.

В итоге все мы знаем, что критерии выделения главных и второстепенных членов предложения в русском или каком-либо другом языке несоизмеримы, что дополнение и подлежащее в традиционном синтаксисе нельзя рассматривать как элементы одной и той же системы, что традиционный синтаксис устарел и т. д. Однако, классическая пятиэлементная система членов предложения (подлежащее, сказуемое, прямое дополнение, косвенное дополнение и обстоятельство), несмотря на свою «логическую несостоятельность», побеждает на практике другие системы, создаваемые лингвистами.

Попробуем разобраться в причине происходящего. Будем рассуждать так. Поскольку указанная пятиэлементная система ощущается носителями языка, которые занимаются анализом его синтагматики, как объективная реальность, предположим, что эта система потенциально существует в языке (и языковой интуиции говорящих).

---

¹ Примеры в изобилии представлены в кн.: Н. М. Александров. Проблемы второстепенных членов предложения в русском языке. Л., 1963.

Не будем пока ставить вопрос о том, как научились носители языка отличать сказуемое, дополнение или обстоятельство от подлежащего, – вследствие ли обучения в школе или наития свыше. Будем исходить из того, что на вопрос: «Назови подлежащее и дополнение в предложении *'Петя видит Машу'*» мы услышим ответ: «*'Петя'* – подлежащее, *'Машу'* – дополнение» хотя бы от девяти из десяти русских, которые не зададут вопроса о том, что такое подлежащее и дополнение.

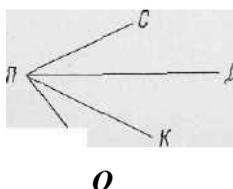
Давая ответ на поставленный вопрос, испытуемые меньше всего думают, на основании каких критериев (логических, психологических или грамматических) они отвечают. Просто срабатывает механизм, одинаковый в голове у девяти испытуемых, и результат выдается интуитивно. Если так, возникает проблема: закономерно ли вообще поступают лингвисты, когда пытаются представить указанную пятиэлементную систему членов предложения как функцию описываемых ими критериев?

Другими словами, можно предположить следующее. В интуиции носителей языка существует система членов предложения, элементы которой на основании определенных признаков распознаются в речи говорящими. Лингвисты, отмечая эти факты, стараются связать указанную систему с какими-то другими системами, которые они также наблюдают на практике, но которые не являются внутриязыковыми (например, с системой общечеловеческих понятий, системой восприятий, логических или психологических категорий и т. д.). Втискивая внутриязыковую систему в прокрустово ложе других систем, исследователи не учитывают, что наблюдаемые ими системы могут быть не зависящими друг от друга, и необоснованно пытаются вывести закономерности одной системы из другой, т. е., предварительно не выяснив соотношение обеих систем, пытаются записать одну систему (внутриязыковую) в терминах другой (экстралингвистической), которую они рассматривают как изоморфную данной, хотя сам изоморфизм предварительно установлен не был.

Приняв эти предположения в качестве некоторой теории, необходимо заняться изучением указанных систем как имманентных данностей, вне какой-либо их связи друг с другом, и только затем, охарактеризовав каждую из систем в отдельности, перейти к построению комплекса, в состав которого войдут какие-то из рассмотренных предварительно систем.

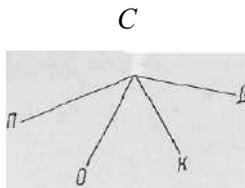
2. Исходя из изложенных соображений, мы решили описать элементы: подлежащее, сказуемое, прямое дополнение, косвенное дополнение и обстоятельство как члены системы, ориентированные относительно друг друга и имеющие свои значимости благодаря соотношениям, которые установлены внутри данной системы. Для этого мы взяли подлежащее (*П*) и провели вокруг него поле связей со сказуемым (*С*), прямым дополнением (*Д*), косвенным дополнением (*К*) и обстоятельством (*О*):

Схема 1

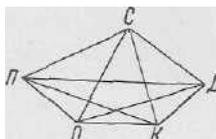
Затем то же самое мы проделали со сказуемым:

Схема 2

и остальными членами предложения. В результате получилась система, все элементы которой фиксированы в отношении друг друга и могут быть описаны в терминах комплекса, объединяющего связи всех пяти полей:

Схема 3

3. Представив указанным образом объект исследования, мы перешли к рассмотрению каждого узла данного комплекса как знака, имеющего форму и значение. При этом мы руководствовались следующими соображениями.

Предположим, что уже сконструирована система членов предложения как система элементов, имеющих форму и значение. Тогда каждый элемент этой системы должен рассматриваться как объект, который в плане языка имеет некоторое значение и некоторый материальный субстрат, а в плане речи их реализует:

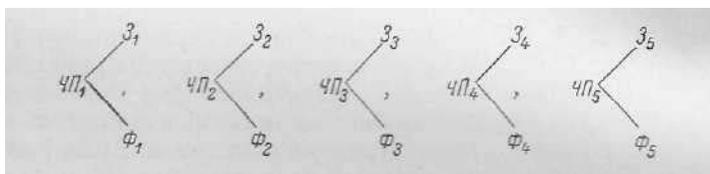
Схема 4

Процесс функционирования членов предложения в этом случае можно представить так.

Допустим, в интуиции некоторого субъекта (A) существовала пятиэлементная система членов предложения ($ЧП_1, ЧП_2, ЧП_3, ЧП_4, ЧП_5$). Это значит, что в голове этого индивида были зафиксированы пять некоторых значений ($З_1, З_2, \dots, З_5$), с каждым из которых была связана языковая форма ($\Phi_1, \Phi_2, \dots, \Phi_5$):

Схема 5

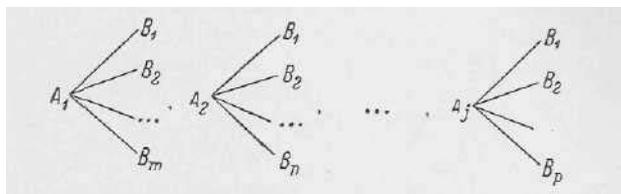

Встречая в конкретном предложении ту или иную форму (Φ_i), субъект A связывал с ней значение $З_i$ и знал, что перед ним – член предложения $ЧП_i$. При появлении второго индивида (B) возникла необходимость взаимопонимания, и A решил объяснить B , что такое $ЧП_i$. Для этого A , показав B форму $ЧП_i$, отметил, что с этой формой у него связано значение $З_i$. Состоялась конвенция, и оба индивида стали понимать друг друга в вопросе о членах предложения. Это взаимопонимание наступило независимо от того, на основании каких критериев субъект A установил свои пять элементов. Важным явилось не то, как он до этого додумался, а то, какие формы он связал с интуитивно установленными им элементами.

Индивид B , хотя и не знает, как изобрел индивид A значения элементов, также становится носителем тех же самых значений (через посредство сообщенных ему форм). Это происходит даже в том случае, если B не знает, с чем соотносятся эти значения, откуда они берутся и т. д. Другими словами, незнание генезиса элементов не мешает B пользоваться приобретенными им элементами в процессе общения, поскольку эти элементы, кроме экстралингвистического значения, известного только A , приобретают внутриязыковые значения как элементы данной системы и благодаря этим значениям функционируют в речевой ситуации. Перефразируя А. А. Потебню, можно сказать: если мы не хотим, чтобы языкознание превратилось в одно огромное заблуждение, мы и не должны заниматься соображениями, на основании которых субъект A изобрел свои значения; мы должны исследовать только систему знаков, форма которых дает возможность опознавать внутриязыковое значение, участвующее в «игре» обоих индивидов.

Говоря о том, что мы рассматриваем каждый член предложения как знак, имеющий форму и значение, мы сталкиваемся с такими случаями: а) одно значение (например, *быть подлежащим*) обозначено одним формантом (например, таксемой порядка слов); б) одно значение (например, *быть подлежащим*) обозначено посредством парадигмы формантов (например, посредством таксемы порядка слов, суффикса, префикса и т. д.); в) ряд значений обозначен посредством одного форманта; г) имеется набор формантов $A_1, A_2, \dots, A_j$, каждый из которых передает несколько значений:

Схема 6

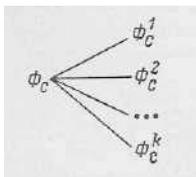
В последнем случае каждый из формантов имеет одно значение (B_1), общее для всей группы формантов (A_1-A_i); поэтому оно может выступать как признак, на основании которого перечисленные форманты можно объединить в один класс, т. е. класс формантов, эквивалентных относительно этого общего значения. Иначе говоря, мы можем составить набор формантов, каждый из которых одновре-

менно указывает на функцию данного слова в предложении (на основании этого форманта мы говорим, что данное слово является членом предложения $ЧП_i$) и на некоторую иную функцию этого же слова (например, на то, что действие, выраженное данным словом, предшествует моменту речи, что оно выполняется некоторым определенным лицом и т. д.).

По-видимому, в реальных языках чаще всего представлен последний случай. Так, если мы возьмем сказуемое 'читала' в предложении 'Девочка читала книгу', то сможем констатировать, что 'ла' передает, например, такие значения: 1) функцию «быть сказуемым» (ср.: 'девочка читала' – 'читающая девочка'); 2) функцию «связь между подлежащим и сказуемым» (ср.: 'девочка читала' – 'мальчик читал'); функцию «соотношение с моментом речи» (ср.: 'девочка читает' – 'девочка читала') и т. д. С другой стороны, если мы обратимся к таким примерам, как 'Девочка – пионерка', 'Девочка – в саду', то увидим, что 'ла' – не единственный способ передачи значения «быть сказуемым». Это значение выражается посредством парадигмы формантов, в состав которой входят: 1) аффиксы финитных форм глагола; 2) аффиксы именительного падежа; 3) аффиксы локатива и т. д.

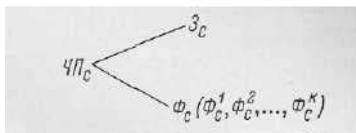
Таким образом, говоря об описании системы членов предложения как системы знаков, нужно сопоставить каждому члену предложения, выделенному в соответствии с нашей интуицией, парадигму форм, посредством которой он выражается. Например, члену предложения «сказуемое» ($ЧП_C$) мы должны сопоставить парадигму форм, посредством которой выражается значение «быть сказуемым» ($З_C$).

Схема 7

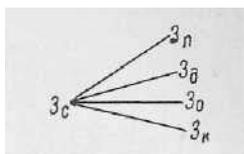
Тогда член предложения $ЧП_C$ будет описан как знак, значением которого является функция «быть сказуемым», а формой – данная парадигма форм:

Схема 8

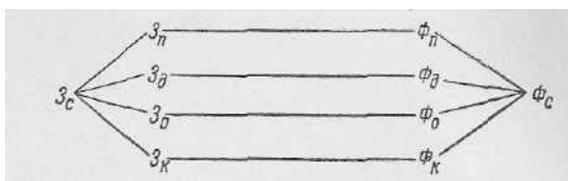
4. Суммируя изложенное, можно сказать, что каждый член предложения описывается как знак. Его значением является комплекс функций, а формой – парадигма форм, посредством которых они выражаются. Например, член предложения «сказуемое» можно представить как знак $ЧП_C$, значение ($З_C$) которого определяется как функция от значений других членов предложения ($З_П, З_Д, З_О, З_К$):

Схема 9

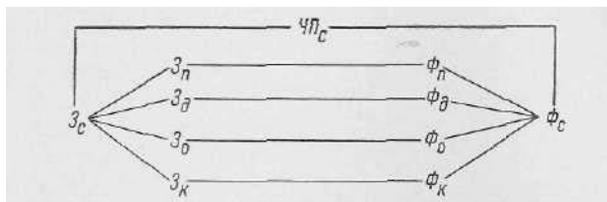
Формой сказуемого ($Ф_C$) является система формантов, посредством которых передается комплекс $З_C$:

Схема 10

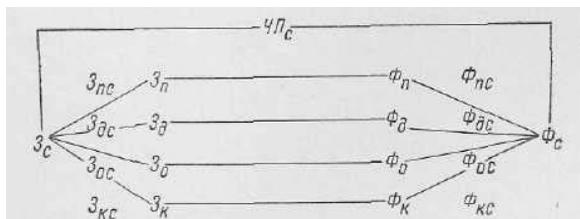
Член предложения «сказуемое» в единстве формы и значения можно представить посредством схемы 11.

Схема 11

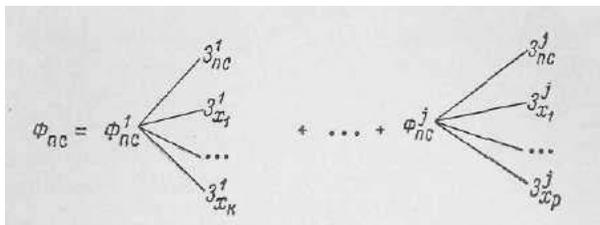
Обозначая через Φ_{nc} форму выражения связи между сказуемым и подлежащим, через Z_{nc} – значение функции «связь между сказуемым и подлежащим» (аналогично через Φ_{dc} – форму выражения связи между сказуемым и дополнением и т. д.), эту схему можно уточнить посредством схемы 12:

Схема 12

где Φ_{nc} можно представить в виде схемы 13.

Схема 13

5. Чтобы в соответствии с изложенной выше теорией¹ описать систему членов предложения в каком-либо конкретном языке (например, в зулу), надо рассмотреть соотношение сказуемого с каждым членом предложения, подлежащего с каждым членом предложения и т. д. и затем представить эти соотношения в терминах форм (показателей связи), посредством которых они выражаются. Начнем с пары «подлежащее – сказуемое».

6. Обычно в грамматиках языка зулу отмечают, что связь между подлежащим и сказуемым обозначается посредством субъектного согласователя – префикса, который вводится в сказуемое и указывает на класс имени, выступающего в роли подлежащего. В соответствии с изложенным выше, если бы субъектный согласователь

¹ Более подробно об этих вопросах см.: Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970; Л. З. Сова. Конфигурационный синтаксис языка зулу. Ч. 1. Ленинград, 1968.

употреблялся только для обозначения связи между подлежащим и сказуемым, можно было бы, составив список субъектных согласователей, рассматривать его как форму выражения связи между подлежащим и сказуемым и считать свою задачу (описать связь между подлежащим и сказуемым, ее форму и значение) выполненной. Однако субъектный согласователь употребляется не только для обозначения связи между подлежащим и сказуемым, но и для передачи других значений. Поэтому можно установить:

1) значения, которые имеют непосредственное отношение к функции «связь между подлежащим и сказуемым в зулу» и на основании которых складываются наши представления об этой функции;

2) значения, которые к интересующей нас функции субъектного согласователя непосредственного отношения не имеют.

К значениям первой группы отнесем факты, связанные с тем, какой тип подлежащего может стоять при данном сказуемом, как мыслится субъект действия данного предложения, каков характер связи между исследуемыми элементами, какими классами и подклассами слов они могут быть выражены, как отражается употребление (неупотребление) подлежащего на функционировании сказуемого.

В качестве значений второй группы будем рассматривать, например, такие функции, как передача временных и аспектных характеристик действия, типа модальности высказывания и т. п. Поскольку значения второй группы не имеют непосредственного отношения к вопросу о значимостях членов предложения в зулу, вторую группу из рассмотрения исключим и обратимся к исследованию значений первой группы.

7. Прежде всего, зафиксируем средства, с помощью которых будут регистрироваться значения субъектного согласователя. Проблема тождества и различия значений решается так: если при рассмотрении значений двух элементов можно указать две различные формы, посредством которых они материализуются, можно считать, что перед нами – два различных значения. Если таких двух различных форм указать нельзя, мы констатируем, что в обоих случаях представлено одно и то же значение.

Другими словами, предполагается, что любое различие языковых значений материализуется посредством форм, которые должны быть найдены исследователем в процессе работы. При этом в качестве форм могут выступать не только отдельные форманты, но также их парадигмы и оппозиции (см. список значений субъектного согласователя и список формальных оппозиций, посредством которых они выражаются, на с. 65.).

Для осуществления сформулированной выше цели можно представить в данной работе только результаты исследования. В этом случае непонятно не только то, как именно были получены эти результаты, но и то, насколько полно и адекватно они отражают факты зулу. Во избежание этого мы решили предпослать описанию результатов исследования описание эксперимента, с помощью которого они получены.

Эксперимент состоял в следующем: рассмотрев всевозможные случаи употребления субъектного согласователя, установить (в терминах значений) различия и затем их описать (в терминах форм). Работа была организована так. Зафиксировав некоторые значения (факторы 1–5)¹, мы обратились к зулу с целью выяснить, различаются ли они в нем с помощью субъектного согласователя, т. е. отражаются ли на форме субъектного согласователя (эта часть работы, представленная в § 2, может быть названа описанием функционирования субъектного согласователя в двусоставных предложениях языка зулу). Затем мы отметили, что указанные значения входят в поле значений субъектного согласователя, но это поле не ограничивается только ими², и обратились к еще не рассмотренным случаям употребления субъектного согласователя. Беря каждый раз тот или иной согласователь (его форму и значение), мы исследовали, какой круг значений связывается в зулу с этой формой. Если эти значения попадали в круг тех, которые были описаны выше, мы

---

¹ Фактически этот этап представляет собой проверку результатов аналитического исследования текста, в результате которого мы получили наши «факторы», и синтезирующей процедуры, с помощью которой мы «собрали» значение субъектного согласователя из факторов и постулировали субъектный согласователь как совокупность этих элементарных значений.

² Проверка показала, что постулированный нами конструкт *субъектный согласователь* не есть тот грамматический формант, из анализа которого мы исходили. Поэтому мы стали «добирать» те свойства, которых не хватало у нашего субъектного согласователя, чтобы быть настоящим субъектным согласователем.

«вычитали» их и занимались рассмотрением «остатка». В результате мы получили дополнительный набор значений («факторов»), которые также манифестируются посредством языковых форм, но которые по каким-либо причинам не были учтены на первом этапе работы (эта часть статьи, представленная в § 3, может быть названа описанием функционирования субъектного согласователя в односоставных предложениях языка зулу). Проделав указанную работу, мы перешли к окончательному этапу¹ и составили полный набор значений, образующих семантическое поле субъектного согласователя при функционировании в роли показателя связи между подлежащим и сказуемым в зулу (эта часть работы названа: «Суммирование функций субъектного согласователя»).

§ 2. Функции субъектного согласователя в двусоставных предложениях языка зулу²

В роли подлежащего при сказуемом, выраженном финитным глаголом, в зулу могут выступать различные типы слов и словосочетаний: а) имя существительное в основной форме; б) абсолютное местоимение в основной форме; в) словосочетание имени в основ-

---

¹ От аналитической процедуры мы перешли к синтезу, т. е. к представлению значения субъектного согласователя в виде комплекса элементарных значений (факторов), установленных на предыдущем этапе исследования.

²Отдельные указания по этому вопросу имеются в следующих работах: С. М. Doke. Text-book of Zulu Grammar. London, 1931; С. М. Doke. Zulu Syntax and Idiom. London, 1954; L. Grout. Isizulu. London, 1852, и др. Наиболее подробно на функционировании подлежащего и сказуемого останавливается К. Док. Так, в работе "Text-book of Zulu Grammar" (с. 275–276) он рассматривает такие вопросы: а. "The normal word-order of the substantive when subject is before the predicative in the sentence, and the predicative usually contains a subjectival verb-concord agreeing concordially with the class of substantives". б. "In impersonal construction the subject may succeed the predicate, in which case the concord with the predicate is that of the verbal or impersonal Class 8". в. "When two or more nouns of different classes are used as subjects or objects of one predicate, it is usual to employ the impersonal Class 8 concord". г. Still, there also other ways of expressing concordial agreement: 1. By using the concord of the substantive nearest to the predicate. 2. By using the Class 1 plural concord when the substantives indicate persons, even when belonging to different classes. 3. By using the Class 5 plural concord, when the substantives indicate animals. 4. By placing one substantive before the predicate and the others after the predicate, in which case the concord of the one before the predicate is used, and that is the real subject, the others becoming adverbial in their force. 5. By placing the predicate first, and employing the impersonal construction. 6. By a repetition of the predicate."

ной форме и зависящего от него определения¹; г) словосочетание имен (одиночных или с зависящими от них определениями), связанных конъюнктивным префиксом *na-*; д) предложение, и т. д.

На связь между словами, выступающими в роли подлежащего и сказуемого, указывает, как это отмечалось выше, префикс, называемый в грамматиках зулу субъектным согласователем. Форма этого префикса зависит от следующих факторов:

Φ₁) мыслится ли субъект действия, выраженного глаголом, как некоторый определенный предмет или он имеет неопределенно-личное значение;

Φ₂) выражен ли субъект действия одним словом или словосочетанием;

Φ₃) какой тип связи установлен между элементами словосочетания;

Φ₄) к какому классу слов (части речи) принадлежит слово, выступающее в роли подлежащего;

Φ₅) к какому подклассу слов (семантическому) принадлежит слово, выступающее в роли подлежащего².

Проведем описание процедуры, предшествовавшей этому результату, в виде инструкции выбора формы префикса под действием тех или иных условий (анализ этих условий и реакции на них субъектного согласователя дал нам возможность построить список факторов, приведенный выше).

---

¹ Определение в составе подлежащего может быть выражено: а) прилагательным; б) притяжательным, указательным, квалификативным или перечислительным местоимением; в) уточняющим именем в основной форме; г) уточняющей группой имен в основной форме, связанных конъюнктивным префиксом *na-*; д) именем в посессивной форме; е) глаголом в определительной форме.

² Можно учитывать также фактор эмоциональной окраски (ср., например, передачу уничижительной окраски посредством употребления субъектного согласователя *ku-* в следующих предложениях: *Umfana nekati kufikile*. 'Мальчик и кот явились'; *Abantu nezinkoto kuyabaleka-nje*. 'Люди и домашний скот бегут' (D) по сравнению с предложениями, в которых употреблены субъектные согласователи *ba-*, -и: *Umfana nekati ufikile*. 'Мальчик пришел с котом'; *Abantu nezinkoto bayabaleka*. 'Люди уходят с домашним скотом'.

1. Если субъект действия, выраженного глаголом, имеет неопределенно-личное значение, в глагол-сказуемое вводится префикс, начинающийся с согласного *k*. При этом субъект действия может быть выражен:

1.1. Одиночным именем существительным или абсолютным местоимением, принадлежащим к любому из именных классов. Например, в предложении *Kwaddlula (1) izinsuku (2) kuthe (3) nua (4). 'Минуло (1) несколько дней (2), но ничего (4) не (3) случилось (3).'*' (IKh)¹ в глагол-сказуемое *kwaddlula* введен субъектный согласователь *kwa-*, поскольку субъект действия, выраженный одиночным именем существительным в основной форме *izinsuku*, мыслится неопределенно.

1.2. Именем существительным или абсолютным местоимением в основной форме с зависящими от него определениями. Например, в предложении *Kwashona (1) usuku (2) lwalunye (3) ehambile (4) wase (5) eyofihlwa (6).*² *'Прошел (1) еще один (3) день (2) после (5) его смерти (4), и Гумеде похоронили (6).'*' (NU) в глагол-сказуемое *kwashona* введен субъектный согласователь *kwa-*, поскольку субъект действия, выраженный существительным *usuku* с зависящим от него определением *lwalunye*, мыслится неопределенно.

1.3. Группой имен, связанных конъюнктивным префиксом *na-*. Например, в предложении *Kwashona (1) ilanga (2) umusi (3) usuthe (4) tbo (5) sekusingqike (6) izinkabi (7) nezimbuzi (8).* *'Село солнце, и дым окутал предсмертные судороги быков и козлов'* (букв.: *'Село (1) солнце (2), стоял (4+5) дым (3), быки (7) и (8) козлы (8) были (6)*

---

¹ Картотека составлена на основании сплошной росписи текстов: J. K. Ngubane. Uvalo Iwezinhlonzi. Johannesburg, n. d. (NUL); Silomo. Indaba kaMbulawa. Cape Town and Johannesburg, 1925 (IKM); H. Callaway. Izinganekwane nensumansumane, nezindaba zabantu. Natal-London, 1868 [CI]; сплошной росписи отдельных глав или страниц из текстов: F. L. Ntuli. Umbuso kaShaka. Mariannahill-Natal, n. d. (NU); R. R. Dlomo. UShaka. Pietermaritzburg, 1936 (RD); B. W. Vilakazi. Inkondlo kaZulu. Johannesburg, 1935 (V), а также сплошной росписи статей из газет: Ilanga laseNatal (II) и Ikhwezi (Ikh) за 1963–1964 гг. Примеры, взятые из книги: С. М. Doke. Zulu Syntax and Idiom (London, 1954), помечены индексом (D), из книги: L. Grout. Isizulu (London, 1852) – индексом (G).

² Примеры даются без соблюдения орфографии первоисточников, а в соответствии с орфографией, принятой в словаре: С. М. Doke, B. W. Vilakazi. Zulu-English Dictionary. Johannesburg, 1954 (за исключением различия эксплозивного *b* и импловизивного *ḃ*).

в (6) судорогах (6)'). (IKh) в глагол-сказуемое *kwashona* введен субъектный согласователь *kwa-*, поскольку субъект действия, выраженный группой имен *izinkabi nezimbuzi*, связанных конъюнктивным префиксом *na-*, мыслится неопределенно.

1.4. Группой имен, связанных конъюнктивным префиксом *na-*, и таких, что каждое из них может иметь при себе определение. Например, в предложении *Kwahlala (1) amatshitshi (2) amabili (3), neqhikiza (4) elilodwa (5). 'Здесь жили (1) две (3) его маленькие (2) дочери (2) и (4) одна (5) взрослая (4).'*' (NUL) в глагол-сказуемое *kwahlala* введен субъектный согласователь *kwa-*, поскольку субъект действия, выраженный группой имен, связанных конъюнктивным префиксом *na-*, с зависящими от них словами *amatshitshi neqhikiza*, мыслится неопределенно.

2. Если субъект действия, выраженного глаголом, имеет «определенное» значение, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь, форма которого выбирается в зависимости от действия факторов 2–5:

2.1. Если в роли подлежащего выступает одиночное имя существительное в основной форме единственного или множественного числа, принадлежащее к любому из восьми именных классов, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь по классу этого имени¹. Например, в предложении *UAntonio (1) wayethabe (2) kakhulu (3). 'Антонио (1) был (2) очень (3) рад (2).'*' (IKM) в глагол-сказуемое *wayethabe* введен субъектный согласователь *kwa-* по первому именному классу, к которому принадлежит слово *uAntonio*, выступающее в роли подлежащего.

2.2. Если в роли подлежащего выступает одиночное абсолютное местоимение в основной форме единственного или множественного числа, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь по этому местоимению. Например, в предложении *Thina (1) sisalinde (2) icala (3) lapha (4). 'Мы (1) дождались-таки (2) решения (3) суда.'* (NUL) в глагол-сказуемое *sisalinde* введен субъектный согласователь *si-* по местоимению *thina*, выступающему в роли подлежащего.

---

¹ См. таблицы субъектных согласователей для настоящего и прошедшего времени: С. М. Doke. Text-book of Zulu Grammar. London, 1931. P. 268.

2.3. Если в роли подлежащего выступает имя существительное (или абсолютное местоимение) в основной форме с зависящими от него определениями, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь по классу (или лицу) этого имени. Например, в предложении *Zadlula (1) izinsuku (2) zakhe (3) zokuboshwa (4). 'Дни (2) его (3) заключения (4) миновали (1).'*' (ИКМ) в глагол-сказуемое *zadlula* введен субъектный согласователь *za-* по пятому именному классу, к которому принадлежит слово *izinsuku*, выступающее в роли подлежащего.

2.4. Если в роли подлежащего выступает группа слов, представляющих предложение, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь, начинающийся с согласного *k*. Например, в предложении *Кибонакале (1) ukuthi (2) nakhona (3) ebandla (4) uZulumacansi (5) unabo (6) abavuma (7) uena (8). 'Ясно (1), что (2) и (3) здесь (3), в (4) Совете (4), у (6) Зулумацанси (5) есть (6) сторонники (7)'* в глагол-сказуемое *кибонакале* введен субъектный согласователь *ki-*, указывающий, что в роли подлежащего выступает предложение.

2.5. Если в роли подлежащего выступает группа слов, не являющихся предложением, но представляющих бинарное сочетание имен (одиначных или с зависящими от них определениями), связанных конъюнктивным префиксом *na-*, выбор формы субъектного согласователя определяется в соответствии со следующей инструкцией:

2.5.1. Если конъюнктивный префикс *na-* рассматривается как показатель присоединительной связи, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь по классу имени, являющегося первым (по порядку следования) членом группы и стоящего в основной форме без префикса *na-*. Например, в предложении *Kwathi (1) ukiaba (2) zidlule (3) izinsizwa (4) nehubo (5) lazo (6) zigubuzelwe (7) ngumnyama (8) wathi (9) uZazini (10) kowabo (11). . . 'Когда (1+2) юноши (4) исчезли (3) со (5) своей (6) песней (5), скрытые (7) темнотой (8), Зазини (10) сказала (9) подругам (11). . .'* (ИК) в глагол-сказуемое *zidlule* введен субъектный согласователь *zi-* по классу имени *izinsizwa*, стоящего в основной форме без префикса *na-*.

2.5.2. Если конъюнктивный префикс *na-* рассматривается как показатель сочинительной связи, выбор формы субъектного согласователя осуществляется следующим образом:

2.5.2.1. Если группа имен, связанных сочинительной связью посредством конъюнктивного префикса *na-*, состоит из имен существительных, принадлежащих к одному и тому же именному классу, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь по множественному числу того же именного класса, что и оба имени. Например, в предложении *UNomcebo(1) noBembesile (2) baphelekezelwa (3) ngabaku(4) ba(5) kogana (6) kwenkosi (7)*. 'Номцебо (1) и (2) Бембесиле (2), сопровождаемые (3) родственниками (4), отправились (5) на (6) смотрины (6) к (7) вождю (7).'

(IKh) в глагол-сказуемое *ba(5)* введен субъектный согласователь *ba* по множественному числу первого класса, к которому принадлежат оба имени *uNomcebo, uBembesile* (субъектный согласователь по любому из них был бы *wa-*).

2.5.2.2. Если группа имен, связанных посредством конъюнктивного префикса *na-*, состоит из существительных, принадлежащих к различным именным классам, форма субъектного согласователя устанавливается так:

2.5.2.2.1. Если в состав группы входят существительные со значением лиц и одно из имен принадлежит к первому именному классу, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь *ba-* по множественному числу первого именного класса независимо от того, к какому именному классу принадлежит второе имя и к какому из имен присоединяется префикс *na-*. Например, в предложении *Nembala (1) bahlangana(2) Umanemane (3) penduna (4)*. 'Действительно (1), Уманемане (3) и (4) капитан (4) встретились (2).'

(G) в глагол-сказуемое *bahlangana* введен субъектный согласователь *ba-* по множественному числу первого класса, к которому принадлежит слово *Umanemane* (слово *induna* принадлежит к пятому именному классу, префикс *na-* присоединен не к имени, по классу которого производится согласование); в предложении *Izizwe (1) ezinye (2) nabantu (3) abantu (4) abakhathaleli (5) imiphefumulo (6) uabo (7)*. 'Некоторые (2) племена (1) и (3) некоторые (4) люди (3) не (5) заботятся (5) о своей (7) душе (6).'

(G) в глагол-сказуемое *abakhathaleli* введен субъектный согласователь *ba-* по множественному числу первого класса, к которому принадлежит слово *abantu* (слово

izizwe относится к четвертому именному классу, префикс *na-* присоединен к имени, по классу которого производится согласование).

2.5.2.2.2. Если в состав группы входят существительные со значением лиц, ни одно из которых не принадлежит к первому именному классу, но хотя бы одно из них относится к пятому именному классу, то в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь *zi-(za-)*¹. Например, в предложении *Izintombi (1) namadoda (2) zathi (3). . . 'Девушки (1) и (2) юноши (2) сказали (3). . .'* (IKh) в глагол-сказуемое *zathi* введен субъектный согласователь *za-* по множественному числу пятого класса, к которому принадлежит слово *izintombi*.

2.5.2.2.3. Если в состав группы входят существительные со значением лиц, ни одно из которых не принадлежит к первому или пятому именным классам, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь *ba-*. Например, в предложении *Amaxhegu (1) nezalukazi (2) bayahleka (3). 'Старушки (1) и (2) старухи (2) смеются (3).'* (D) в глагол-сказуемое *bayahleka* введен субъектный согласователь *ba-* (по множественному числу первого класса, несмотря на то, что слово *amaxhegu* относится к третьему классу, а слово *izalukazi* – к четвертому).

2.5.2.2.4. Если в состав группы входит абсолютное местоимение первого лица единственного (*mina*) или множественного (*thina*) числа, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь *si-(sa-)* по множественному числу первого лица независимо от того, чем выражен второй элемент, присоединяемый конъюнктивным префиксом *na-*. Например, в предложении *Mina (1) nendoda (2) yami (3) siyanthandana (4). 'Я (1) и (2) мой (3) муж (2) любим (4) друг (4) друга (4).'* (IKh) в глагол-сказуемое *siyanthandana* введен субъектный согласователь *si-* по множественному числу первого лица (субъектный согласователь по *mina* был бы соответственно *ngi-*, по *indoda* – *i-*)².

---

¹ Форма субъектного согласователя дается нами для Present Indefinite Tense изъявительного наклонения, а в предложении глагол стоит в Past Indefinite Tense и происходит чередований гласных *zi* → *za*.

² Аналогично: если в состав группы входит абсолютное местоимение второго лица единственного (*wena*) или множественного (*nina*) числа, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь *ni-* (*na-*) (по множественному числу второго лица) независимо от того, чем выражен второй элемент, присоединяемый конъюнктивным префиксом *na-*.

2.5.2.2.5. Если в состав группы не входят имена, описанные выше, но входят названия животных, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь *zi-* (*za-*) по множественному числу пятого класса независимо от того, чем выражен второй элемент, присоединяемый конъюнктивным префиксом *na-*. Например, в предложении *Izinkomo (1) namahhashi (2) azidingi (3) ukuphuza (4) lawa(5)-manzi (6)*. 'Быки (1) и (2) лошади (2) не (3) должны (3) пить (4) эту (5) воду (6).'

(D) в глагол-сказуемое *azidingi* введен субъектный согласователь *zi-* по множественному числу пятого класса, к которому принадлежит слово *izinkomo* (*amahhashi* относится к третьему классу).

2.5.2.2.6. Если в состав группы не входят имена, описанные в 2.5.2.2.1.–2.5.2.2.5, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь по классу имени, ближайшего к сказуемому. Например, в предложении *Amandla (1) nobudoda (2) buligugu (3)*. 'Сила (1) и (2) мужество (2) – редчайшие (3) качества (3).'

(D) в сказуемое *buligugu* введен субъектный согласователь *bi-* по классу имени *ibudoda*, ближайшего к сказуемому².

2.6. Если в роли подлежащего выступает группа слов, не являющаяся предложением, но представляющая сочетание имен (одиночных или с зависящими от них определениями) в количестве больше двух, которые связаны конъюнктивным префиксом *na-*, вопрос о выборе формы субъектного согласователя решается в зависимости от того, к какому из рассмотренных выше случаев можно свести данное словосочетание. Например, в предложении *Ikati (1) nengwe (2) nofudu (3) zeqile (4)*. 'Кот (1), леопард (2) и (3) чепенха (3) убе-

---

конъюнктивным префиксом *na-*. То же самое – для абсолютного местоимения третьего лица единственного или множественного числа (субъектный согласователь *ba-*).

¹ Примеров, когда в этом случае в роли сказуемого выступает финитный глагол, в моей картотеке нет; предложения этого типа (с глаголом в роли сказуемого) по моей просьбе конструировали информаторы М. Мудзи и М. Тшабалала, поэтому я считала возможным рассматривать данный случай в ряду других.

² Иногда, хотя и очень редко, в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь по классу ближайшего к сказуемому имени, даже если в составе словосочетания есть одно из имен, описанных выше. Например, в предложении *Izinkomo (1) namahhashi (2) akadingi (3) ukuphuza (4) amanzi (5) manje (6)*. 'Быки (1) и (2) лошади (2) не (3) должны (3) сейчас (6) пить (4) воду (5).'

(D) в глагол-сказуемое *akadingi* введен субъектный согласователь *a* по классу имени *amahhashi*, ближайшего к сказуемому (третьему классу) (ср. это предложение с предложением 2.5.2.2.5.). Информаторы не видят за указанной дифференциацией форм субъектных согласователей каких-либо смысловых или функциональных различий.

жали (4).' (D) в глагол-сказуемое *zeqile* введен субъектный согласователь *zi-* (см. 2.5.2.2.5.), поскольку в роли подлежащего выступает группа имен, принадлежащих к различным именным классам и обозначающих животных. В предложении *Isalukazi (1) ne:xegu (2) nomfana (3) nentombi (4) bagodukile (5) bonke (6)*. '*Старуха (1), старик (2), мальчик (3) и (4) девочка (4) пошли (5) домой (5).*' (D) в глагол-сказуемое *bagodukile* введен субъектный согласователь *ба-* по первому именному классу (см. 2.5.2.2.1.), поскольку в роли подлежащего выступает группа имен, принадлежащих к различным именным классам, и в состав этой группы, обозначающей лиц, входит имя первого класса *umfana*.

2.7. Если в состав группы входят имена, которые принадлежат к разным классам, и такие, что каждое из них подпадает под одно из приведенных выше правил (т. е. существует возможность неединственного выбора формы субъектного согласователя), в глагол-сказуемое вводится субъектный согласователь *ku-*. Например, в предложении *Abafazi (1) nezintombi (2) namaxegu (3) nezinsizwa (4) kuyahamba (5) endleleni (6) lapho (7)*. '*Женщины (1), девушки (2), старики (3) и юноши (4) идут (5) по (6) дороге (6).*' (D) в глагол-сказуемое *kuyahamba* введен субъектный согласователь *ku-* (группу из четырех имен, выступающих в роли подлежащего в данном предложении, можно разбить на две подгруппы, например на *abafazi nezintombi* и *amaxegu nezinsizwa*; каждая из этих подгрупп как бы требует своего согласователя: первая подгруппа – согласователя *ба-* в соответствии с 2.5.2.2.1, а вторая – *зи-* в соответствии с 2.5.2.2.2. Дилемма решается в пользу «третьего» субъектного согласователя *ku-*)¹.

---

¹ Случай этого типа мы принципиально отличаем от тех случаев, когда постановка субъектного согласователя *ku-* диктуется неопределенностью субъекта (§ 2. 1). Признаком, на основании которого К. М. Док выделяет неопределенно-личную и безличную конструкции, является порядок слов в предложении: в неопределенно-личной и безличной конструкции подлежащее, как правило, следует за сказуемым (см. предложения § 2. 1). Если считать, что подлежащим в предложении *Amathole (1) nezimbuzi (2) kwabulalwa (3) yizimpisi (4) konke (5)*. '*Телята (1) и (2) козлы (2) – все (5) убиты (3) гиенами (4).*' (D) является слово *konke*, а *amathole nezimbuzi* рассматривать как уточняющие определения к слову *konke*, то и здесь подлежащее стоит в постпозиции к сказуемому. Тогда этот случай, вопреки мнению К. М. Дока, может быть подведен под рубрику предложений, субъект которых мыслится как имеющий неопределенно-личное значение. Целесообразность именно такого рассмотрения описываемых предложений (как неопределенно-личных) вызывается

Отметим, что при описании предложений, в которых есть слова, выступающие в роли подлежащего и сказуемого, мы идем от функционального значения к форме, в которой это значение проявляется. Так, мы говорим, что «форма префикса зависит от таких факторов, как тип связи между элементами словосочетания, тип класса, к которому относится тот или другой элемент словосочетания» и т. п.

Поэтому все правила данного параграфа построены по принципу: как найти форму субъектного согласователя, исходя из информации о значении элементов, выступающих в роли подлежащего и сказуемого.

§ 3. Функции субъектного согласователя в односоставных предложениях

Обратимся к предложениям, в которых нет слов, выступающих в роли подлежащего (сказуемое в этих предложениях выражено глаголом в финитной форме). Попытаемся решить задачу, обратную той, на которой мы останавливались в § 2: исходя из формы субъектного согласователя, попробуем установить его функциональное значение. Другими словами, обратившись к предложениям, в глаголы-сказуемые которых введены субъектные согласователи, будем фиксировать различия в формах субъектных согласователей, присоединяемых к тем или иным глаголам, и на основании этого опишем различия в передаваемых ими значениях. Рассмотрим следующие случаи.

Если глагол-сказуемое может соединяться в любом предложении только с субъектным согласователем, начинающимся с согласного *k*, подлежащее, выраженное отдельным словом или словосочетанием, при таком глаголе стоять не может. Например, с глаголом *-hlwa*, выступающим в функции сказуемого, может сочетаться только префикс, начинающийся с согласного *k* (*Kuyaba (1) nguMgqibelo (2); kusehlwa (3)*. . . '*Суббота (1+2); вечереем (2)*. . .') (NUL). Поскольку подлежащее в предложение введено быть не может, аналогий ни с одним из случаев § 2 нет. Субъектный согласователь передает в этом случае невозможность постановки какого бы то ни было слова в роли подлежащего.

еще и тем, что в них подлежащее всегда оформлено безличным префиксом *ku-* и сказуемое только согласуется с этим оформлением.

Если глагол-сказуемое может употребляться в каком-либо контексте с любым субъектным согласователем, но в данном контексте соединяется только с одним строго определенным согласователем, можно выделить такие случаи:

2.1. Если в данном предложении глагол-сказуемое может употребляться только с субъектным согласователем *ku-* (*kwa-*), в этом случае *ku-* (*kwa-*) является показателем безличности субъекта. Например, в предложении *Nempela (1) kwahlaliwa (2) phansi (3) kwalungiswa (4) kwalalwa (5). 'И вправду (1), они улеглись (2+3) и приготовились (4) ко (5) сну (5).'* (IKh) субъектный согласователь *kwa-* в глаголах-сказуемых *kwahlaliwa (phansi)*, *kwalungiswa* и *kwalalwa* является показателем того, что действие мыслится безотносительно к субъекту.

Если в такое предложение ввести слова, играющие роль подлежащего, субъектный согласователь будет выступать как показатель того, что субъект действия мыслится неопределенно (один из случаев § 2. 1). Поэтому можно сказать, что у рассматриваемых сказуемых безличное значение трансформируется в неопределенно-личное в зависимости от наличия/отсутствия подлежащего, причем субъектный согласователь не отражает этой трансформации значения (т. е. субъектный согласователь передает все время одно и то же значение: невозможность постановки какого бы то ни было слова с определенно-личным значением в роли подлежащего).

2.2. Если в данном предложении глагол-сказуемое может употребляться только с одним определенным субъектным согласователем, но не *ku-* (*kwa-*), это означает, что субъект действия мыслится определенно. При этом возможны такие случаи:

2.2.1. Предложения, в которых подлежащего нет. В сказуемое введен некоторый определенный субъектный согласователь, являющийся показателем того, что в роли подлежащего может выступать одно-единственное слово. Если в предложение данного типа ввести слово, играющее роль подлежащего, субъектный согласователь будет выступать как показатель именно этого единственного слова. При этом существуют две возможности:

Значение предложения с подлежащим не отличается от значения предложения без подлежащего. Например, в предложении *Bahamba (1) laze (2) layoshona (3.) 'Они (1) шли (1) до (2) захода (3) солнца'*.

(IKh) субъектный согласователь *la-* (в сказуемом *laze layoshona*) является показателем того, что в роли подлежащего может выступать только одно-единственное слово *ilanga* 'солнце' независимо от более широкого контекста. Введение слова *ilanga* в предложение не изменяет его значения. Субъектный согласователь передает в этом случае возможность постановки одного определенного слова в роли подлежащего.

2.2.1.2. Значение предложения с подлежащим отличается от значения предложения без подлежащего (происходит изменение логической акцентуации слов в предложении). Например, отличие предложения с подлежащим, выраженным словом *mina* 'я' [*Kodwa (1) mina (2) ngibona (3) isiphoxwana (4) sidlala (5) ngami (6) nezinkoto (7) singenazo (8)*. 'Но (1) я(2)-то вижу (3), что этот негодяй (4) дразнит (4) меня (6) быками (7), которых (8) у (8) него (8) нет (7) .'], от того же предложения без подлежащего [*Kodwa (1) ngibona (2) isiphoxwana (3) sidlala (4) ngami (5) nezinkoto (6) singenazo (7)*. 'Но (1) я (2) вижу (2), что этот негодяй (3) дразнит (4) меня (5) быками (6), которых (7) у (7) него (7) нет (7).'] передается при переводе на русский язык с помощью выделительной частицы 'то' (или оборота 'что касается меня, то. . .'). Субъектный согласователь указывает в этом случае на невозможность постановки подлежащего, выраженного одним каким-то определенным словом, без изменения значения предложения в целом.

2.2.2. Предложения, в которых подлежащего нет. Если в сказуемое введен субъектный согласователь, он является показателем того, что в роли подлежащего может выступать слово, принадлежащее к зафиксированному посредством формы субъектного согласователя классу слов, причем выбор этого слова из класса обуславливается контекстом. Например, в предложении *Waphendukela (1) kulo (2)*. . . 'Он (1) повернулся (1) к (2) нему (2). . .' (IKh) в сказуемое *waphendukela* введен субъектный согласователь *wa-*, который является показателем того, что в роли подлежащего может выступать любое слово, принадлежащее к первому именному классу. Выбор конкретного слова и постановка его в предложении обуславливаются контекстом (так, в соответствии с данным текстом в предложение может быть введено слово *uMaphulana*). Значение предложения при введении в него слова, выступающего в роли подлежащего, не меняется. Субъектный согласователь указывает на воз-

возможность постановки подлежащего при данном глаголе-сказуемом без какого-либо изменения значения предложения в целом.

2.2.3. Предложения, в которых подлежащего нет. Если в сказуемое введен субъектный согласователь *ба-*, он является показателем того, что в роли подлежащего может выступать группа слов, принадлежащих либо к одному и тому же классу (первому) (§ 2, 2.5.2.1), либо к разным классам, но являющихся названиями лиц, хотя бы одно из которых относится к первому классу (§ 2, 2.5.2.2.1). Перечень самих названий задается контекстом. Например, в предложении *Bathi (1) ukiuba (2) bahabane (3) wase (4) esasazelwa (5) ngezinja(6). 'Когда (1+2) они (3) поссорились (3), на (5) него (5) направили (5) собак (6).'*' (NUL) в сказуемое *bahabane* введен субъектный согласователь *ба-*, являющийся показателем того, что в роли подлежащего может выступать группа слов, относящихся к первому классу лиц и связанных конъюнктивным префиксом *на-*, причем сами конкретные слова (*uMasovenyeza noZulumacansi*) задаются контекстом (§ 2, 2.5.2.1).

В предложении *Baze (1) bafika (2) eJohannesburg (3) nxa (4) ilanga (5) lisand (6)' ukushona (7). 'Они (1) прибыли (1+2) в (3) Йоханнесбург (3), когда (4) солнце (5) уже (6) село (7).'*' (ИКМ) в сказуемое *baze bafika* введен субъектный согласователь *ба-*, который является показателем того, что в роли подлежащего может выступать группа слов, относящихся к различным классам и связанных конъюнктивным префиксом *на-*, причем сами конкретные слова (*uMbulawa nendoda (uMbulawa* принадлежит к первому именному классу, *indoda* – к пятому) также задаются контекстом (§ 2, 2.5.2.2.1)¹.

3. Если в роли подлежащего выступает одна из следующих групп слов, она, как правило, не опускается (предложение; группа слов, которая не является предложением и в которой *на-* выступает как показатель присоединительной связи; группа слов, которая не является предложением и в состав которой входят связанные конъюнктивным префиксом *на-* названия лиц, не принадлежащих к первому классу; группа слов, связанных конъюнктивным префиксом *на-*, в состав которой входят абсолютные место-

---

¹ Аналогично § 2 (2.5.2.2.5) согласователь *зи-* является показателем того, что в роли подлежащего выступает группа слов, являющихся названиями животных.

имения; группа слов, связанных конъюнктивным префиксом *па-*, в состав которой входят названия различных предметов – не названия лиц или животных, принадлежащих к различным именным классам). Поэтому среди предложений без подлежащего нет таких, которые можно отнести при введении в них подлежащего к одному из перечисленных здесь случаев.

4. Таким образом, при исследовании предложений, в которых нет слов, выступающих в роли подлежащих, можно отметить, что форма и употребление субъектного согласователя в них зависит от следующих факторов¹:

Φ_6) может или не может глагол-сказуемое данного предложения употребляться в каком-либо контексте с подлежащим;

Φ_7) изменяет или нет значение данного предложения постановка в него слов в функции подлежащего;

Φ_8) какой круг слов может быть избран на роль подлежащего в зависимости от той или иной формы субъектного согласователя.

Следовательно, если рассматривать субъектный согласователь как некоторую лингвистическую единицу, имеющую определенное, присущее только ей функциональное значение («значение значимости»), и определенную, присущую опять-таки только ей форму, в которой это значение реализуется, можно сказать, что восемь названных факторов являются параметрами данной лингвистической единицы, исследуемой в единстве ее формы и значения.

§ 4. Суммирование функций субъектного согласователя

1. Выше мы отмечали, что субъектный согласователь служит для обозначения связи между подлежащим и сказуемым.

Рассмотрим следующую искусственную ситуацию. Допустим, у нас есть некоторое слово X и некоторое слово Y и известно, что X выступает в роли подлежащего ($И$), а Y – в роли сказуемого ($С$). Обозначим соответственно этот факт так: $X_n V_c$. Если дано также, что X_n выступает в роли подлежащего при V_c , а V_c – в роли сказуемого при подлежащем X_n , то мы можем, например, обозначить этот факт так: X_n^y, V_c^x . Иначе говоря, мы как бы ввели в слово X показатель функции, в которой выступает слово X , а также показа-

---

¹ Нумерацию факторов мы проводим как сплошную через весь этот раздел.

тель того слова $У$, при котором $Х$ выступает в этой функции. То же самое мы проделали со словом $У$. Нижние индексы n и c можно рассматривать как показатели функций, в которых выступают данные слова, а верхние индексы y и x – как показатели слов, при которых они выполняют данную функцию. Если $Х$ выполняет при $У$ некоторую функцию и если $У$ при $Х$ выполняет некоторую функцию, так что оба слова функционируют вместе, мы говорим, что $Х$ и $У$ связаны друг с другом. Приняв это допущение, можно рассматривать совокупность верхних индексов при $Х$, $У$ как показатель связи между $Х_n$ и $У_c$.

2. Если вернуться к рассмотренному выше субъектному согласователю, можно увидеть, что за любым из рассмотренных в § 2–3 случаев стоит выполнение субъектным согласователем той же функции, которую несет совокупность верхних индексов при $У$, $Х$ в приведенной нами искусственной ситуации (в тех случаях, когда субъектный согласователь указывает на невозможность постановки слова в роли подлежащего, можно считать, что он обозначает «отрицательную» связь между подлежащим и сказуемым).

Обозначим эту функцию субъектного согласователя через F_1 . Таким образом, F_1 будет выступать в качестве показателя связанности между двумя словами, одно из которых функционирует в роли подлежащего, а другое – в роли сказуемого.

Перечислим остальные функции субъектного согласователя, которые были установлены в ходе описанного выше исследования:

F_2 – указывать на то, мыслится определенно или неопределенно субъект действия;

F_3 – указывать на то, какого типа валентность имеет сказуемое на подлежащее:

F_3^1 – подлежащее при сказуемом невозможно (обязательная валентность первого вида сказуемого на подлежащее),

F_3^2 – подлежащее при сказуемом обязательно (обязательная валентность второго вида сказуемого на подлежащее),

F^3_3 – подлежащее при сказуемом возможно, и его наличие или отсутствие не меняет смысл предложения (факультативная валентность подлежащего на сказуемое);

F_4 – указывать на то, какие референты обозначены в подлежащем:

F^1_4 – выступают ли в роли подлежащего слова, обозначающие лиц, или слова, обозначающие не лиц,

F^2_4 – выступают ли в роли подлежащего слова, обозначающие животных, или слова, обозначающие не животных,

F^3_4 – выступают ли в роли подлежащего слова, обозначающие перечислимое множество предметов, или нет;

F_5 – указывать на то, чем выражено подлежащее:

F^1_5 – выражено ли подлежащее одним словом или группой слов,

F^2_5 – если подлежащее выражено группой слов, является ли эта группа совокупностью слов, принадлежащих к одному и тому же классу (подклассу) или к разным классам (подклассам),

F^3_5 – если подлежащее выражено одним словом, к какому именному классу оно принадлежит;

F_6 – указывать на то, какие синтаксические связи установлены внутри словосочетания, выступающего в роли подлежащего:

F^1_6 – выступает ли в роли подлежащего предложение (подчинительная связь первого типа),

F^2_6 – выступает ли в роли подлежащего словосочетание, состоящее из однородных членов, связанных конъюнктивным префиксом *na-* (сочинительная связь),

F^3_6 – выступает ли в роли подлежащего словосочетание, состоящее из неоднородных членов, связанных конъюнктивным префиксом *na-* (подчинительная связь второго типа)¹.

---

¹ На F^2_6 и F^3_6 указывает не один субъектный согласователь, но субъектный согласователь в сочетании с меткой подкласса глагола, выступающего в роли сказуемого, и подкласса имени, выступающего в роли подлежащего. На определительную связь внутри словосочетания, выступающего в роли подлежащего, субъектный согласователь вообще не указывает.

Кроме этих функций, отметим еще одну: F_7 – указывать на то, что данная языковая единица является словом¹ (если от любого глагола как оформленного слова отнять субъектный согласователь, слово как таковое перестает существовать: оно превращается в формант – глагольную основу). Следовательно, если мы обозначим субъектный согласователь как формант связи между подлежащим и сказуемым² буквой S , то сможем записать следующим образом значение S_{zn} , рассматриваемое как комплекс, состоящий из семи рассмотренных функций, каждая из которых может быть принята в качестве элементарного значения:

$$S_{zn} = (F_1 \& F_2 \& F_3 \& F_4 \& F_5 \& F_6 \& F_7)$$

Поскольку любое значение выступает всегда в некоторой форме, то можно записать, что S_{zn} манифестируется в форме одного из префиксов:

$$S_{\phi} = \{a, ба, би, i, ku, li, lu, ngi, ni, si, u, zi\}^3$$

3. В этой записи отсутствует указание на то, в какой именно форме манифестируется каждая из функций, составляющих комплексное значение S . Другими словами, полученная регистрация не дает указания на то, посредством какой формы передается каждое элементарное значение.

Поэтому ниже мы приводим список форм, в которых реализуется каждая из вышеприведенных функций. Этот список строится в виде бинарных оппозиций: левый член каждой оппозиции состоит из форм, которые указывают на наличие признака, сформулированного при описании соответствующей функции; правый член – на отсутствие этого признака. Для функции F^3_5 приводится один-

¹ На остальных функциях субъектного согласователя в данной работе мы не останавливаемся, – например, на функции «указывать на протекание во времени действия, обозначенного глагольной основой» (ср. *Uhamba 'Он идет'* и *Wahamba 'Он шел'*), или на функции «указывать на тип соотносительности с некоторым действием действия, обозначенного глагольной основой» (ср. *Wahamba wablabelela. 'Он шел и шел'* и *Ehamba wahlabelela. 'Он шел на ходу'*).

² Поскольку субъектный согласователь (см. прим. 1) – более сложный комплекс, чем описываемый нами, то уточнение «как формант связи» – существенно. По сути, через S мы обозначили не весь субъектный согласователь, а только ту его часть, которая занимает место в системе значимостей членов предложения в зулу.

³ Мы не приводим алломорфов данных префиксов.

надцать бинарных оппозиций, посредством которых можно описать принадлежность слова к некоторому именному классу.

Список формальных оппозиций, в которых реализуются функциональные значения $F_1, F_2, F_3, F_4, F_5, F_6, F_7$:

1. F_1 : (*а, ба, би, и, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи*) – (любые другие префиксы в языке зулу).

Левый член оппозиции (α_1) состоит из префиксов, посредством которых обозначается связь между подлежащим и сказуемым в зулу, правый (β_1) – из префиксов, посредством которых не обозначается связь между подлежащим и сказуемым в зулу.

2. F_2 : (*а, ба, би, и, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи*) – (*ку*).

Левый член оппозиции (α_2) состоит из префиксов, посредством которых обозначается, что субъект действия имеет определенно-личное значение, правый (β_2) – что субъект действия имеет неопределенно-личное значение.

3. F_3^1 : (*ку*) – (*а, ба, би, и, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи*).

Левый член оппозиции (α_3) состоит из префикса, посредством которого отмечается, что подлежащее при данном сказуемом невозможно (обязательная валентность первого вида сказуемого на подлежащее), правый (β_3) – что сказуемое не имеет на подлежащее обязательной валентности первого вида.

4. F_3^2 : (*ба, ку, ни, си, зи*) – (*а, ба, би, и, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи*).

Левый член оппозиции (α_4) состоит из префиксов, посредством которых обозначается, что подлежащее при данном сказуемом необходимо (обязательная валентность второго вида сказуемого на подлежащее), правый (β_4) – что сказуемое не имеет на подлежащее обязательной валентности второго вида.

5. F_3^3 : (*нги, ни, си, у*) – (*а, ба, би, и, ку, ли, лу, ни, си, у, зи*).

Левый член оппозиции (α_5) состоит из префиксов, посредством которых обозначается, что постановка подлежащего при данном сказуемом меняет смысл первоначального предложения (факультативная валентность первого вида), правый (β_5) – что постановка подлежащего не отражается на смысле предложения (факультативная валентность второго вида).

6. $F^1_4: (a, ба, ку, ли, нги, ни, си, у, зи) - (a, ба, би, и, ку, ли, лу, си, у, зи)$.

Левый член оппозиции (α_6) состоит из префиксов, посредством которых могут обозначаться названия лиц, выступающих в роли подлежащих, правый (β_6) – названия не лиц, выступающих в роли подлежащих.

7. $F^2_4: (a, ку, ли, си, у, зи) - (a, ба, би, и, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи)$. Левый член оппозиции (α_7) состоит из префиксов, посредством которых могут обозначаться животные¹, правый (β_7) – не животные (в том числе: «могут обозначаться только не животные»).

8. $F^3_4: (a, ба, и, ку, ни, си, зи) - (a, би, и, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи)$.

Левый член оппозиции (α_8) состоит из префиксов, которые указывают на то, что в роли подлежащего выступают слова, обозначающие перечислимое множество предметов, правый (β_8) – что в роли подлежащего выступают слова, обозначающие не перечислимое множество предметов (слова, которые обозначают либо один предмет, либо множество, мыслимое как единое целое).

9. $F^1_5: (a, ба, би, и, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи) - (a, ба, и, ку, ни, си, зи)$.

Левый член оппозиции (α_9) состоит из префиксов, которые указывают на то, что подлежащее выражено одним словом, правый (β_9) – что подлежащее выражено не одним словом.

10. $F^2_5: (a, ба, и, ку, зи) - (ба, ку, ни, си, зи)$.

Левый член оппозиции (α_{10}) состоит из префиксов, которые указывают на то, что подлежащее выражено группой слов, принадлежащих к одному и тому же классу или подклассу слов, правый (β_{10}) – что подлежащее выражено группой слов, не относящихся к одному и тому же классу или подклассу (т. е. выражено группой слов, принадлежащих к разным классам или подклассам).

11. $F^3_5: (ба, у) - (a, ба, би, и, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи)$.

Левый член оппозиции (α_{11}) состоит из префиксов, которые указывают на то, что подлежащее выражено словами первого класса

---

¹ Случаи персонификации не исследуются. При персонификации префиксы *ба-*, *нги-*, *ни-*, *си-*, *у-* надо рассматривать в составе префиксов левого члена оппозиции.

существительных, правый (β_{11}) – что подлежащее выражено словами не первого класса.

12. $F^3_5: (i, u) - (a, ба, бу, i, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи)$.

Левый член оппозиции (α_{12}) состоит из префиксов, которые указывают на то, что подлежащее выражено словами второго класса существительных, правый (β_{12}) – что подлежащее выражено словами не второго класса.

13. $F^3_5: (a, li) - (ба, бу, i, ку, лу, нги, ни, си, у, зи)$.

Левый член оппозиции (α_{13}) состоит из префиксов, которые указывают, что подлежащее выражено словами третьего класса существительных, правый (β_{13}) – что подлежащее выражено словами не третьего класса.

14. $F^3_5: (si, zi) - (a, ба, бу, i, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи)$.

Левый член оппозиции (α_{14}) состоит из префиксов, которые указывают, что подлежащее выражено словами четвертого класса существительных, правый (β_{14}) – что подлежащее выражено словами не четвертого класса.

15. $F^3_5: (i, zi) - (a, ба, бу, i, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи)$.

Левый член оппозиции (α_{15}) состоит из префиксов, которые указывают, что подлежащее выражено словами пятого класса существительных, правый (β_{15}) – что подлежащее выражено словами не пятого класса.

16. $F^3_5: (lu, zi) - (a, ба, бу, i, ку, ли, нги, ни, си, у, зи)$.

Левый член оппозиции (α_{16}) состоит из префиксов, которые указывают, что подлежащее выражено словами шестого класса существительных, правый (β_{16}) – что подлежащее выражено словами не шестого класса.

17. $F^3_5: (бу) - (a, ба, i, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи)$.

Левый член оппозиции (α_{17}) состоит из префикса, который указывает, что подлежащее выражено словом, принадлежащим к седьмому классу существительных, правый (β_{17}) – что подлежащее выражено словом или словами, относящимися не к седьмому классу.

18. $F^3_5: (ku) - (a, ба, бу, i, ку, ли, лу, нги, ни, си, у, зи)$.

Левый член оппозиции (α_{18}) состоит из префикса, который указывает, что подлежащее выражено существительным восьмого класса, правый (β_{18}) – что подлежащее выражено словом или словами не восьмого класса.

19. $F^3_5: (ngi, si) - (a, ба, би, i, ku, li, lu, ni, si, u, zi)$.

Левый член оппозиции (α_{19}) состоит из префиксов, которые указывают, что подлежащее выражено абсолютным местоимением первого лица, правый (β_{19}) – что подлежащее выражено не абсолютным местоимением первого лица.

20. $F^3_5: (ni, u) - (a, ба, би, i, ku, li, lu, ngi, ni, si, u, zi)$.

Левый член оппозиции (α_{20}) состоит из префиксов, которые указывают, что подлежащее выражено абсолютным местоимением второго лица, правый (β_{20}) – что подлежащее выражено не абсолютным местоимением второго лица.

21. $F^3_5: (ба, u) - (a, ба, би, i, ku, li, lu, ngi, ni, si, u, zi)$.

Левый член оппозиции (α_{21}) состоит из префиксов, которые указывают, что подлежащее выражено абсолютным местоимением третьего лица, правый (β_{21}) – что подлежащее выражено не абсолютным местоимением третьего лица.

22. $F^1_6: (ku) - (a, ба, би, i, ku, li, lu, ngi, ni, si, u, zi)$.

Левый член оппозиции (α_{22}) состоит из префикса, который указывает, что подлежащее выражено предложением (подчинительная связь первого типа), правый (β_{22}) – что подлежащее выражено любой последовательностью слов, не являющейся предложением¹.

23. $F_7: (a, ба, би, i, ku, li, lu, ngi, ni, si, u, zi) - (\emptyset)$.

Левый член оппозиции (α_{23}) состоит из префиксов, которые указывают, что данная языковая единица является цельнооформленным словом, правый («нулевой префикс» β_{23}) – что данная языковая единица не является словом.

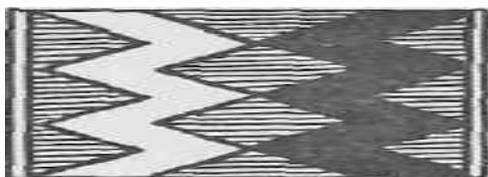
---

¹ Для перечисления форм, в которых реализуется функциональное значение F^2_6 или F^3_6 , в первую очередь, необходимо указание на подкласс глагола, выступающего в роли сказуемого (см. прим. на с. 64); поэтому формальных оппозиций, соответствующих функциям F^2_6 и F^3_6 , мы не приводим.

4. Описанные соотношения формы и значения лингвистической единицы «*субъектный согласователь*» можно выразить формулой:

$$S = \frac{F_1}{\alpha_1 R \beta_1} \& \frac{F_2}{\alpha_2 R \beta_2} \& \frac{F_3}{\alpha_3 R \beta_3} \& \dots \& \frac{F_7}{\alpha_{23} R \beta_{23}},$$

где S – определяемая лингвистическая единица; F_i^k – одна из составляющих функционального значения ($i = 1, 2, \dots, 7, k = 1, 2, 3$); $\alpha_j R \beta_j$ – форма, в которой эта составляющая реализуется (α_j, β_j – члены формальной бинарной оппозиции, R – отношение «быть членом какой-либо бинарной оппозиции»; $\&$ – знак конъюнкции составляющих, которые образуют комплекс S^l).

---

¹ Работа написана в 1965 г. Ее удалось опубликовать в 1972 г.: Л. З. Сова. Связь между подлежащим и сказуемым в языке зулу // *Africana IX*. Ленинград, 1972. С. 160–180.

Каузативный залог

Суффикс *-isa* относится к числу тех формантов, без описания которых не строится ни одна грамматика языка зулу: вместе с такими суффиксами, как *-ana*, *-eka*, *-ela* и *-wa*, он участвует в образовании залоговой системы языка зулу (является показателем каузативной формы глаголов).

Хотя о залогах вообще и в частности о залогах в языках банту написано много¹, тем не менее, вопрос о том, какие понятия можно связать с терминами «каузативный залог в языке Я₁», «каузативный залог (в любом языке)», «(любой) залог (в любом языке)», остается открытым. Цель данной работы – сформулировать вопросы, решение которых необходимо для построения определений понятий об этих объектах.

Прежде всего, остановимся на методах решения интересующей нас задачи и посмотрим, каким образом можно установить определения понятий, которые должны быть связаны с приведенными выше терминами. Начнем с рассмотрения того, как можно эксплицировать определение понятия одного из терминов, например термина «каузативный залог в языке зулу».

Отметим две возможности: 1) рассмотреть определения, которые даются этому термину различными исследователями, соотнести их

---

¹См., например: А. А. Азер. Категория залога в современном азербайджанском языке. Автореферат кандидатской диссертации. Баку, 1955; К. Б. Зиннатуллина. Взаимно-совместный залог в татарском языке // Вопросы татарского языкознания. Кн. 2. Казань, 1965; К. Б. Зиннатуллина. О возвратном и страдательном залогах в татарском языке. Там же; К. Б. Зиннатуллина. Понудительные глаголы в татарском языке и способы передачи их в русском. Там же; С. Н. Иванов. Категория залога в определительных сочетаниях с формой на *-gan* в узбекском языке. Вопросы языкознания. 1957. № 2; К. В. Ломтатитзе. К вопросу о категории залога в абхазском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 8. 1956; К. М. Любимов. О двух функциях залоговых аффиксов в турецком языке // Турецкий сборник. М., 1958; Е. Н. Мячина. Глагольные суффиксы в языке суахили // Afriçana. М.–Л., 1966; Л. Н. Харитонов. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.–Л., 1963.

Данная статья была сдана в печать в 1967 г. Результаты исследований, опубликованных после 1966 г., в ней не отражены.

между собой и затем, на основании тех или иных соображений, постулировать одно из них в качестве искомого определения. Назовем этот путь металингвистическим; 2) отобрать все (и только те) языковые элементы, которые связываются с данным термином, соотнести эти элементы между собой, установить то общее, что есть у них, и затем постулировать определение понятия об «этом общем» в качестве искомого определения. Этот путь решения назовем языковедческим.

Идеалом при решении данной задачи было бы совпадение результатов обоих путей. Например, сначала можно отобрать определения, которые даются интересующему нас термину различными исследователями. После этого можно перейти к языковому материалу и оставить у себя только те определения, которые подтверждаются имеющимися в нашем распоряжении языковыми фактами. Затем можно приступить к выявлению инвариантных характеристик, которые отмечаются всеми исследователями при определении данного термина. И, наконец, последним шагом может быть проверка того, имеются ли на самом деле эти характеристики у всех языковых элементов, которые связываются с данным термином. В случае положительного ответа мы получим «идеальное» определение, т. е. определение, которое построено на основании металингвистического и языковедческого подходов и которое свидетельствует о том, что результаты обоих типов исследования совпадают.

Рассмотрев способ определения какого-то одного термина, перейдем к установлению способа определения всех терминов. Возникает вопрос, должны ли мы последовательно определять каждый из терминов аналогично тому, как это было сделано для одного термина, или можно найти какой-либо более короткий путь. Нам представляется, что такой путь существует. Его построение может быть основано на следующем рассуждении.

Понятия «(любой) залог (в любом языке)», «каузативный залог (в любом языке)» и «каузативный залог в языке Y_1 » можно упорядочить в виде иерархии, соответствующей конкретизации первого из этих понятий (переходу от общего к частному). Поэтому определение, данное наиболее общему понятию «залог», должно быть истинным и для остальных членов иерархии. Определение понятия о каузативном залоге в языке Y_1 можно в этом случае представить как совокупность следующих определений: 1) определение понятия о

залоге вообще, 2) определение понятия о каузативном залоге вообще, 3) определение понятия о каузативном залоге в языке Y_1 .

Указанное свойство интересующих нас понятий дает возможность, построив определение одного из членов иерархии в соответствии со способом, описанным выше, перейти к определениям остальных членов иерархии с помощью дедуктивных методов. Другими словами, чтобы построить определение понятия о каузативном залоге в любом языке, нам не придется перебирать все языковые элементы, связываемые во всех языках мира с понятием о каузативном залоге (способ, посредством которого мы эксплицировали определение понятия о каузативном залоге в языке Y_1). Вместо этого мы должны будем взять уже построенное на предыдущем шаге определение понятия о каузативном залоге в языке Y_1 и, отделив в нем «специфическое для Y_1 » от «общего для всех языков», принять это «общее» в качестве характеристики каузативного залога в любом языке (т. е. рассматривать определение этого «общего» как определение каузативного залога в любом языке). Получив указанным способом определение каузативного залога, мы сможем аналогично поступить и в отношении залога вообще, и значит, сможем решить задачу, сформулированную выше.

Переходя к реализации данных методов на практике, мы, прежде всего, сталкиваемся с вопросом о том, какие примеры из нашей картотеки рассматривать как имеющие отношение к каузативному залогу: те, которые имеют каузативное значение, или те, которые имеют каузативную форму. По-видимому, это колебание отражает тот факт, что мы, считая залог формально-смысловой категорией, не отдаем себе отчета в том, за какой стороной этой категории (формальной или смысловой) признать «первенство»:

Схема 1

а) *Каузативный залог в зулу*

б) *Каузативный залог в зулу*

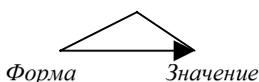
В соответствии с общепринятой тенденцией в бантуистике, говоря о каузативном залоге, мы будем иметь в виду каузативную форму глагола, и, значит, в сферу рассмотрения в связи с понятием

«каузативный залог в языке зулу» будем включать все глаголы, стоящие в каузативной форме, т. е. глаголы, которые образованы от других глагольных форм с помощью каузативного суффикса *-isa* (или его алломорфов *-sa*, *-esa*, *-iza*, *-eza*, *-za*)¹.

Это означает, что мы фактически постулируем каузативный залог в языке зулу как формально-смысловую категорию, построенную на основании процедуры «от формы → к смыслу»² (или сокращенно: как «формально-смысловую категорию»).

Схема 2

Каузативный залог в языке зулу

Определив каузативный залог в языке зулу как формально-смысловую категорию, мы можем продолжить построение определения интересующего нас понятия с помощью экспликации определения понятия о форме каузативного залога в языке зулу и значении, которое мы связываем с этой формой.

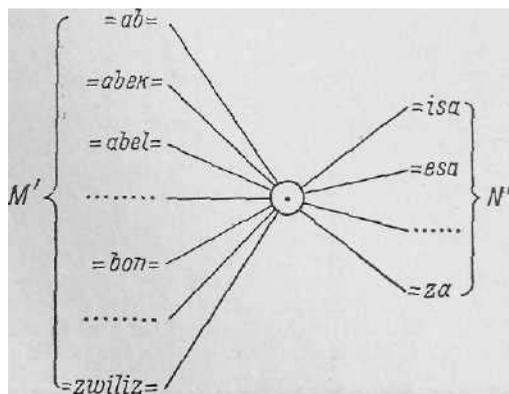
Выше мы отмечали, что в качестве форманта, диагностирующего каузативный залог в языке зулу, мы вслед за другими бантуистами приняли суффикс *-isa*. Тем самым мы фактически указали, что в качестве формы каузативного залога в зулу мы выбрали элемент плана формы, который можно изобразить, например, с помощью символов $M \otimes N$. Здесь символ M обозначает множество всех глагольных форм языка зулу, от которых можно образовать каузативную форму: *-ab-*, *-abek-*, *-abel-*, . . . , *-bon-*, . . . , *-zwiliz-*; символ N – множество суффиксов, с помощью которых можно образовать каузативную форму (*-isa*, *-esa*, *-sa*, *-iza*, *-eza*, *-za*), а символ $\otimes$ – отношение присоединения элемента второго множества к элементу первого множества. В соответствии с этим символ $M \otimes N$ обозначает множество слов вида *-abisa*, *-abekisa-*, *-abelisa*, . . . , *-zwilizisa* как результат

¹ “The causative form of the verb is indicated by the causative suffix (Meinhof’s Ur-Bantu-ya, appearing variously as *-isa*, *-ifa*, *-iza* (*-eza*), etc.); e. g. shona: *famba* (travel) > *fambisa* (cause to travel, drive), *zara* (be full) > *zadzisa* (fill)” (C. M. Doke. Bantu linguistic terminology. London, 1935. P. 62).

² См.: Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М. 1970. С. 130.

всех операций присоединения, которые можно осуществить в зулу над элементами двух парадигм¹ M' и N' (см. схему 3).

Схема 3

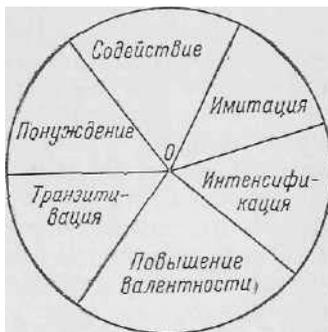
Теперь поставим вопрос о значении, которое должно быть, по определению, связано с указанной формой и, следовательно, с понятием о значении каузативного залога в зулу. В соответствии с изложенным выше это значение должно быть присуще любому элементу из множества $M \otimes N$, т. е. любой глагольной форме, оканчивающейся на $-isa$. И значит, для экспликации понятия о значении каузативного залога в зулу мы должны заняться исследованием функционирования суффикса $-isa$ и выявлением того значения, которое свойственно данному форманту во всех его употреблениях. Следовательно, мы попытаемся найти инвариант, присущий употреблению суффикса $-isa$ с любым глаголом. Установив такой инвариант, мы сможем затем перейти к констатации того, какие характеристики, сверх инвариантной, добавляются в зависимости от тех или иных обстоятельств, т. е. сопутствуют инвариантному при знаку в различных ситуациях.

Выше мы отмечали, что рассмотрение интересующего нас объекта целесообразно начать с металингвистического исследования, т. е. с анализа характеристик суффикса $-isa$, которые описаны на-

¹ Упорядочение элементов множества M в парадигму M' можно осуществить на основании любого признака, например на основании того лексикографического порядка, в котором перечислены глагольные основы в словаре: С. М. Доке, В. В. Вилакazi. Zulu-English dictionary. Johannesburg, 1953.

шими предшественниками. Обращаясь к грамматикам языка зулу, можно отметить, что употребление суффикса *-isa* связывается с идеями понуждения, содействия, имитации и интенсификации действия¹. Кроме того, рассматривая суффикс *-isa* как одну из разновидностей каузативного суффикса в других языках банту, мы можем на основании грамматик этих языков и различных исследований² отметить еще несколько характеристик, обычно связываемых с функционированием каузативных формантов в языках банту. Так, можно прийти к выводу, что употребление суффикса *-isa* имеет непосредственное отношение к проблеме транзитивации глаголов и повышения их валентности, а также к проблеме образования новых лексических единиц, значение которых не выводимо из значения деривационных элементов.

Схема 4

¹ См., например, характеристику каузативных глаголов, образованных с помощью суффикса *-isa*, в работе: J. W. Colenso. First steps in Zulu. Maritzburg, 1880. P. 87: “Verbs of the causative form, may imply to make a person do a thing by helping him – *'ningisengise kusasa' help me to milk this morning.*”

The causative form is also used to express the imitation or equaling of any thing in doing of an action – *'kahambisi okwabanye abantu' he does not proceed in his gait like other people.*

The causative form is also used to express energy in doing a thing, to do a thing thoroughly – *'umntwana w'anya (w'anyisa) ku' nina' the child sucked its mother; 'umntwana w'anyisisa (w'anyisa kakhulu) ku'nina' the child sucked its mother heartily; but 'unina wamananyisa umntwana' the mother made the child suck = gave it suck, suckled it”.*

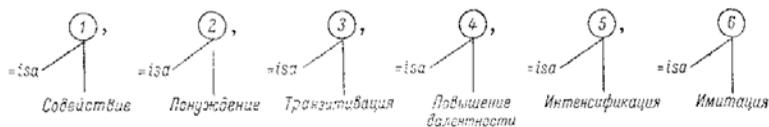
² E. Damman. Die sogenannten Kausativa auf *-eka* in Bantusprachen. Afrika und Übersee. Bd. XLII. 1958; L. de Clercq. Le verb Kikongo. Congo. T. 11. N 1. 1935; G. Fortune. An analytical grammar of Shona. London, 1955; M. Guthrie. Some features of the Mfinu verbal system. Bull. of the School of Oriental and African Studies. V. XVIII, N 1. 1956; L. Harries. A grammar of Mwera. Johannesburg, 1950.

Таким образом, получается, что круг значений суффикса *-isa* чрезвычайно широк (см. схему 4).

И так как значение суффикса *-isa*, по нашему соглашению, это и есть значение каузативного залога, то возникает вопрос, является ли значение каузативного залога совокупностью всех тех «смыслов», из которых складывается «круг значений» суффикса *-isa* (первый случай), или оно представляет собой ту «общую точку», которая входит в состав всех перечисленных «смыслов», т. е. является инвариантным значением, которое можно найти и у содействия, и у имитации, и у интенсификации и т. д. (второй случай).

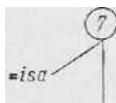
В первом случае мы должны признать, что суффикс *-isa* – это фактически совокупность омонимов, соотношение формы и значения которых можно изобразить при помощи схемы 5 (цифрой обозначен исследуемый элемент, левая черта указывает на форму данного элемента, правая на его значение).

Схема 5

Во втором случае соотношение формы и значения суффикса *-isa* можно представить посредством схемы 6.

Схема 6

Инвариантная характеристика (J)

Здесь, как и на схеме 5, цифрой обозначен интересующий нас элемент, слева указана его форма (*-isa*), справа – значение (*J*).

Находя нечто общее в идеях содействия, понуждения, транзитивации, повышения валентности, интенсификации и имитации, мы тем самым представляем их в виде систем, состоящих из смысло-

вых компонентов двух типов: инвариантной (J) и специфической ($S_1, S_2, S_3, S_4, S_5, S_6$) характеристик.

Схема 7

Содействие: $J + S_1$

Повышение валентности: $J + S_4$

Имитация: $J + S_2$

Транзитивация: $J + S_5$

Интенсификация: $J + S_3$

Понуждение: $J + S_6$

Именно эту инвариантную характеристику (и только ее) мы должны связывать со значением суффикса *-isa* и со значением каузативного залога во втором случае. В отличие от инвариантной характеристики специфические характеристики придется рассматривать как смысловые компоненты, которые собственными значениями суффикса *-isa* не являются, но только налагаются на его употребление различными обстоятельствами.

Если мы ответим на вопрос о структуре значения суффикса *-isa*, на основании этого сможем решить задачу об определении понятия «каузативный залог в языке зулу». Так, в первом случае, приняв идеи содействия, имитации, понуждения, транзитивации, повышения валентности и интенсификации за исходные понятия, мы сможем через них определить значение каузативного залога как значение, равное совокупности указанных исходных понятий. Во 2-м случае можно принять за исходное понятие инвариантную характеристику *-isa* и определить значение каузативного залога как значение, равное J .

Переходя к конкретному исследованию, отметим следующее. Приняв в качестве рабочей гипотезы о значении суффикса *-isa* схему 5, для ее проверки необходимо выяснить только одно: действительно ли с употреблением суффикса *-isa* можно связать все те значения, которые приведены на схеме 4. Иначе говоря, найдя пример употребления суффикса *-isa*, в котором *-isa* имеет значение содействия, мы должны будем обратиться к поиску примера употребления суффикса *-isa* со значением имитации, затем – со значением понуждения и т. д., пока экспериментально не подтвердим наличие в текстах примеров на все перечисленные «смыслы». На этом свою работу мы сможем считать законченной.

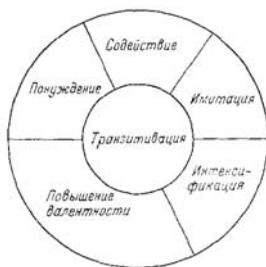
В отличие от первого случая второй случай является более сложным. Принятие схемы 6 в качестве рабочей гипотезы о значе-

нии суффикса *-isa* заставляет нас после накопления достаточного количества «смыслов» и их экспериментальной проверки перейти к исследовательской работе по выявлению инвариантной части этих «смыслов». Если такой инвариант удастся установить, можно считать задачу решенной в соответствии со схемой 6; если нет, придется констатировать, что второй случай не имеет места и решение, которое можно найти, должно соответствовать схеме 5.

Таким образом, второй случай представляется естественным продолжением первого: он либо подтверждает первый случай, либо дает более точные результаты. Поэтому нашу работу мы построим как исследование, проводимое в соответствии с гипотезой о том, что соотношение формы и значения суффикса *-isa* может быть представлено в виде схемы 6.

Обратимся к поиску инвариантной характеристики значения суффикса *-isa*. Начнем с того, что проверим, не является ли такой инвариантной характеристикой один из упомянутых «смыслов»¹. Другими словами, посмотрим, нельзя ли какой-либо из отмеченных «смыслов» связать с употреблением суффикса *-isa* в любом контексте.

Схема 8

Начнем с проблемы валентности. Сначала кратко охарактеризуем наше понимание валентности².

¹ Если это предположение подтвердится, скажем, для идеи транзитивации, это означает, что в «круге значений» точкой О является «идея транзитивации» (см. схему 8).

² Л. З. Сова. Валентность и транзитивность с позиций лингвистического дуализма // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

Обычно, когда в лингвистике говорят о валентности какого-либо элемента (A), имеют в виду количество (n) элементов ($a_1, a_2, \dots, a_n$), с которыми он связан в синтагматической цепи.

Из этого определения следует, что нужно взять синтагматическую цепь, в состав которой входит элемент A , и, разобрав ее на звенья – «синтагматические кирпичики» – ($a_1, a_2, \dots, a_m \dots, a_s$, где $A = a_s$ и $s > n$), отделить те звенья ($a_1, a_2, \dots, a_n$), которые связаны с элементом A , от тех звеньев ($a_{n+1}, \dots, a_{s-1}$), которые не связаны с A . Сосчитав звенья, связанные с A , можно сказать, какую валентность имеет A . Так, взяв, например, предложение '*На берегу реки стоял дом с мезонином*', можно выделить 3 звена: 1) '*на берегу реки*'; 2) '*стоял*'; 3) '*дом с мезонином*'; затем, отметив, что 1-е и 3-е звенья связаны со 2-м, найти, что валентность 2-го ('*стоял*') равна 2.

Ту же задачу можно решить другим способом. Считая, что предложение '*На берегу реки стоял дом с мезонином*' разбирается на 7 синтагматических звеньев [1) '*на*', 2) '*берегу*', 3) '*реки*', 4) '*стоял*', 5) '*дом*', 6) '*с*', 7) '*мезонином*'], можно отделить 1-е и 5-е звенья от 2-го, 3-го, 6-го и 7-го как непосредственно связанные и непосредственно не связанные с 4-м звеном и на этом основании утверждать, что валентность 4-го звена ('*стоял*') равна 2.

Следовательно, валентность синтагматического элемента '*стоял*' может быть установлена двумя способами. В одном случае мы говорим о связи между '*стоял*' и '*на берегу реки*' (или о связи между '*стоял*' и '*дом с мезонином*'), в другом – о связи между '*стоял*' и '*на*' (или о связи между '*стоял*' и '*дом*'). Это означает, что в одном случае мы думаем о смысловых связях, в которых участвует элемент '*стоял*', а во втором – о формальных.

Таким образом, слово '*стоял*' выступает как двусторонний формально-смысловой элемент, разные «стороны» которого участвуют в связях разного типа – формальных и смысловых (см. схему 9).

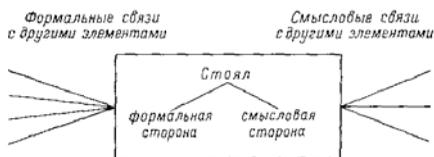
В соответствии с этим подходом, т. е. учитывая дуализм лингвистических элементов¹, – мы должны будем и счет вести по-особому: отдельно – для формальных связей, отдельно – для смысловых, и значит, с одной стороны, говорить о формальной валент-

---

¹ Л. З. Сова. Дуализм лингвистических знаков. Народы Азии и Африки 1966. № 6.

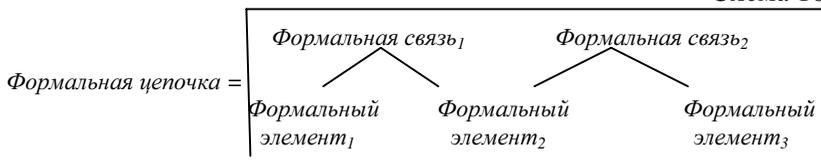
ности, а с другой – о смысловой. Поэтому если мы будем рассматривать предложение как формальную цепочку, то будем дробить

Схема 9

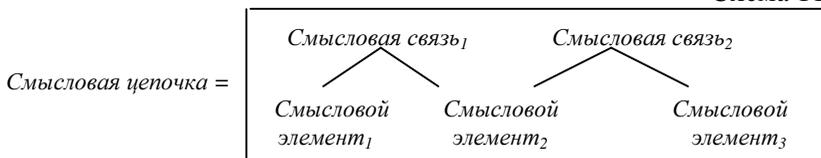
эту цепочку на единицы формального плана (т. е. формальные элементы), между которыми существуют формальные связи, и на этом основании будем говорить о формальной валентности того или иного формального элемента.

Схема 10

Если мы будем подходить к предложению как к смысловой цепочке, то в этом случае будем говорить, что она состоит из единиц смыслового плана (т. е. смысловых элементов), между которыми установлены смысловые связи.

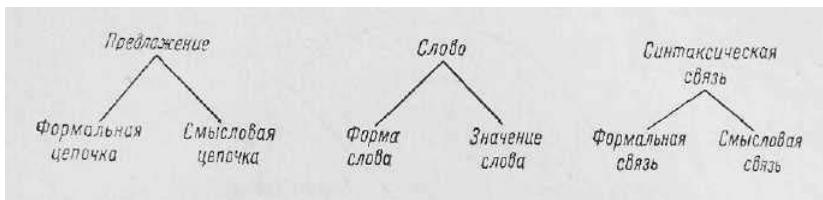
Схема 11

В соответствии с этим будет определяться нами и смысловая валентность – как валентность того или иного смыслового элемента, обусловленная количеством смысловых связей, в которые вступает данный смысловой элемент в смысловой цепочке.

Поскольку мы считаем, что предложение, слово и синтаксическая связь – это двусторонние формально-смысловые элементы, которые можно «собрать» из «сторон» формы и смысла, то такую же возможность надо предусмотреть и для валентности. Таким образом, наряду с существующими дуалами (см. схему 12):

Схема 12

мы приходим к выделению еще одного дуала (см. схему 13).

Схема 13

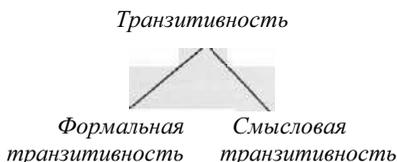
Аналогично этому можно подойти и к решению проблемы транзитивности. Отметим, что транзитивными обычно считают только такие глаголы, для которых соблюдаются одновременно два требования: переходность на объект в смысловом плане и прямое управление в формальном плане.

Наличие только одного из этих требований не является достаточным условием для отнесения того или иного глагола к разряду транзитивных. Поэтому можно предположить, что транзитивность – также двусторонний лингвистический элемент, одной стороной которого является формальная транзитивность («прямое управление винительным падежом»), а другой – смысловая транзитивность («действие, переходящее на объект»). Таким образом, мы получаем еще один дуал (схема 14).

Ставя вопрос о соотношении транзитивности и валентности, можно высказать предположение, что транзитивация – это частный случай изменения валентности: и транзитивация, и изменение валентности происходят только в тех случаях, когда одновременно осуществляются изменения в формальном и смысловом плане. В

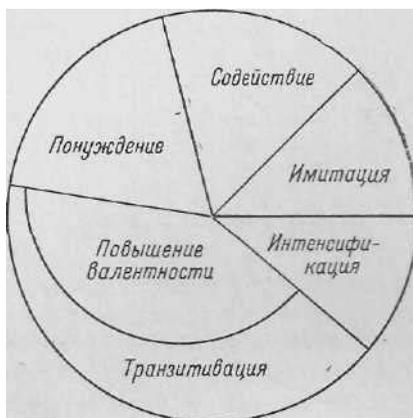
соответствии с этим можно сказать, что формальная транзитивация – это частный случай изменения формальной валентности, а смысловая транзитивация – это частный случай изменения смысловой валентности¹.

Схема 14

Таким образом, соотношение идей транзитивации и повышения валентности в нашем «круге значений» можно представить в виде схемы 15.

Схема 15

И значит, после рассмотрения идей транзитивации и повышения валентности, понятие о повышении валентности как понятие, которое включается в понятие о транзитивации, попадает в кандидаты на пост инвариантного смысла. Если удастся установить, что идеи содействия, понуждения, имитации и интенсификации, так же как и идея транзитивации, включают в себя идею повышения валентности, вопрос о нахождении инвариантного признака будет решен.

¹ Транзитивация – частный случай изменения валентности (а не наоборот), поскольку истинно суждение: «Транзитивация – это всегда повышение валентности, но повышение валентности не всегда транзитивация».

Чтобы получить интересующий нас результат, можно поступить двояко: 1) проанализировать понятия о понуждении, содействии, имитации и интенсификации в сопоставлении с понятием о повышении валентности (аналогично тому, что было сделано для выяснения соотношения понятий о транзитивации и об изменении валентности); 2) проанализировать все случаи употребления суффикса *-isa*, в которых он имеет значения понуждения, содействия, имитации и интенсификации. Если идея о повышении валентности является инвариантным компонентом идей о понуждении, содействии, имитации и интенсификации, это должно означать следующее: любой случай, классифицируемый как понуждение, содействие, имитация или интенсификация, должен в то же самое время представляться и как повышение валентности.

Поэтому суффикс *-isa* во всех случаях, когда он имеет значение понуждения, содействия, имитации или интенсификации, должен обладать также значением увеличителя валентности сказуемого. В противном случае (т. е. если встретятся примеры, свидетельствующие, что суффикс *-isa* не всегда повышает валентность) мы должны будем признать, что такие значения, как повышение валентности и понуждение, содействие, имитация и интенсификация, не являются постоянно сопряженными или внутренне взаимосвязанными. И значит, понятие об увеличении валентности не всегда связывается с понятиями о понуждении, содействии, имитации или интенсификации и не может быть принято в качестве инвариантного компонента всех исследуемых «смыслов».

Проанализировав изложенные соображения, мы решили их реализовать с помощью возможности 2) и с этой установкой подошли к рассмотрению имеющихся в нашем распоряжении материалов. Мы начали с того, что попытались выяснить, влияет ли прибавление суффикса *-isa* на валентность сказуемого, и если влияет, то на какую валентность (формальную, смысловую или синтаксическую) и при каких обстоятельствах.

Рассмотрим четыре оппозиции:

1а. *Wayethaba (1) kakhulu (2)*. 'Он (1) очень (2) обрадовался (1)'.

1б. *Ukukhala (1) kwezicatulo (2) kwamthabisa (3) umninizo (4) kakhulu (5)*. 'Скрип (1) ботинок (2) очень (5) радовал (3) их владельца (4)'.

2а. *Bathula (1) bonke (2). 'Все (2) молчали (1)'*.

2б. *Bamthulisa (1) ngezinyembezi (2.) 'Они (1) утихомирили (1) его (1) слезами (2)'*.

3а. *Zasihleka (1). 'Они (1) смеялись (1) над (1) нами (1)'*.

3б. *Sazihlekisa (1). 'Мы (1) смешили (1) их (1)'*.

4а. *Wabapha (1) utshwala (2). Он (1) дал (1) им (1) пиво (2)'*.

4б. *Waphisa (1) utshwala (2). 'Он (1) варил (1) пиво (2)'*.

Сопоставляя члены этих оппозиций, мы можем сказать, что валентность сказуемого (синтаксическая, формальная и смысловая) в предложении 1б на один элемент больше валентности сказуемого в предложении 1а, валентность сказуемого в предложении 2б на два элемента больше валентности сказуемого в предложении 2а, валентность сказуемого в предложении 3б такая же, как валентность сказуемого в предложении 3а, а валентность сказуемого в предложении 4б на один элемент меньше валентности сказуемого в предложении 4а.

Представим эти наблюдения в виде таблицы 1.

Таблица 1

Сказуемое, выраженное глаголом без <i>-isa</i>	Сказуемое, выраженное соответствующим глаголом с <i>-isa</i>	Соотношение валентностей обоих сказуемых	Количественная разница в валентностях обоих сказуемых
<i>-thaba</i>	<i>-thabisa</i>	$V < V_{-isa}$	$V - V_{-isa} = -1$
<i>-thula</i>	<i>-thulisa</i>	$V < V_{-isa}$	$V - V_{-isa} = -2$
<i>-hleka</i>	<i>-hlekisa</i>	$V = V_{-isa}$	$V - V_{-isa} = 0$
<i>-pha</i>	<i>-phisa</i>	$V > V_{-isa}$	$V - V_{-isa} = 1$

Анализ таблицы показывает, что добавление суффикса *-isa* в одних случаях увеличивает валентность сказуемого, в других – уменьшает, а в третьих – оставляет ее без изменения. На основании этого можно предположить одно из двух: 1) суффикс *-isa* не всегда связан с изменением валентности (и, значит, изменение валентности, в частности ее повышение, не является инвариантной смысловой характеристикой суффикса *-isa*), 2) суффикс *-isa* всегда связан с изменением валентности, но эти изменения он осуществляет не единообразно

для всех глаголов, а каждый раз дифференцированно, в зависимости от тех или иных обстоятельств. Налагаясь на изменения валентности, вызываемые суффиксом *-isa*, эти обстоятельства либо еще более усиливают изменение валентности (например, осуществляют ее повышение на два элемента «при норме» в один элемент), либо во все их погашают (сохраняют валентность неизменной или даже понижают ее).

Выясним, что это за обстоятельства, имеют ли они отношение к валентности сказуемого и не обуславливает ли именно валентность сказуемого, к которому добавляется *-isa*, характер дальнейших изменений валентности.

Если бы, скажем, выяснилось, что сказуемые одного типа валентности повышают валентность при введении суффикса *-isa*, другого типа валентности – сохраняют ее неизменной, а третьего типа валентности – понижают ее, то на основании этого можно было бы считать, что суффикс *-isa*, хотя и не является увеличителем валентности, может быть назван ее регулятором. В этом случае в качестве инвариантной смысловой характеристики суффикса *-isa* можно было бы принять то, что он является показателем дифференцированных изменений валентности сказуемого.

Обратимся к оппозициям 5–7:

5а. *Inkabi (1) inonile. (2) 'Бык (1) разжирел (2)'*.

5б. *Ngayinonisa (1) inkabi (2). 'Я (1) раскормил (1) быка (2)'*.

6а. *Waxabana (1) nomfowabo (2). 'Он (1) поссорился (1) со (2) своим (2) братом (2)'*.

6б. *Wasixabamisa (1) nomfowabo (2). 'Он (1) поссорил (1) нас (1) со (2) своим (2) братом (2)'*

7а. *UShaka (1) wayala (2) amabutho (3) akhe (4) aganwe (5). 'Шака (1) не (2) разрешил (2) своим (4) солдатам (3) жениться (5)'*.

7б. *Isikhathi (1) salisa (2) uShaka (3) amabutho (4) akhe (5) aganwe (6). 'Время (1) заставило (2) Шаку (3) не (2) разрешать (2) своим (5) солдатам (4) жениться (6)'*.

Отметим, что валентность сказуемого, представленного в оппозиции 7, на два элемента больше валентности сказуемого в оппози-

ции 5 и на один элемент больше валентности сказуемого в оппозиции 6. Однако независимо от этого все перечисленные сказуемые одинаково реагируют на прибавление суффикса *-isa* (увеличивают свою валентность на один элемент). Предположение о том, что на характер изменения валентности при прибавлении суффикса *-isa* оказывает влияние тип валентности исходного глагола, отпадает.

Приходится заключить, что суффикс *-isa* ни увеличителем валентности, ни ее регулятором в указанном выше смысле не является и непосредственного отношения к проблеме валентности не имеет. Изменения в валентности, которые мы наблюдаем при функционировании суффикса *-isa*, объясняются, по-видимому, побочными обстоятельствами, сопровождающими действие какого-то другого, пока не установленного нами фактора, показателем которого и является суффикс *-isa*. Следовательно, повышение валентности не может быть рассмотрено в качестве инварианта, присущего любому употреблению суффикса *-isa*.

Перейдем к проблеме транзитивности. Выше мы отмечали, что транзитивация рассматривается нами как частный случай изменения валентности. Поэтому фиксация того, что идея об изменении валентности не может быть принята в качестве инвариантного смысла, приводит к заключению о том, что транзитивация также не может рассматриваться как инвариантный смысл. Этот дедуктивный результат можно подтвердить эмпирически: достаточно привести пример, в котором глагол с суффиксом *-isa* не является транзитивным, чтобы показать, что транзитивация не всегда сопровождается употреблением суффикса *-isa* и, значит, не может считаться его инвариантной характеристикой. Так, если мы возьмем, например, глагол *-qina* 'быть крепким, настойчивым', то увидим, что прибавление суффикса *-isa* может и не превращать его в транзитив.

8а. *Waqina (I)*. 'Он (I) был (I) настойчив (I)'.

8б. *Waqinisa (I)*. 'Он (I) был (I) очень (I) настойчив (I)'.

Установив, что повышение валентности и транзитивация инвариантными признаками суффикса *-isa* не являются, обратимся к анализу остальных «смыслов», выделенных нашими предшествен-

никами¹. Посмотрим, как обстоит дело с идеями понуждения, содействия, имитации и интенсификации.

Начнем с того, что попробуем выделить некий «общий смысл», присущий употреблению суффикса *-isa* во всех тех случаях, когда *-isa* имеет значение понуждения, имитации, содействия и интенсификации. Затем посмотрим, в каком отношении к этому «общему смыслу» находятся идеи транзитивации и повышения валентности: если они тоже содержат этот «общий смысл», последний и будет принят в качестве искомого инвариантного смысла суффикса *-isa*.

Итак, выясним, какое общее основание сравнения есть у идей понуждения, содействия, имитации и интенсификации.

Рассмотрим три оппозиции:

9а. *Ngahlawula (1)*. 'Я (1) заплатил (1) налог (1)'.
9б. *Wangihlawulisa (1)*. 'Он (1) заставил (1) меня (1) заплатить (1) налог (1)'.

10а. *Ngakha (1) indlu (2)*. 'Я (1) построил (1) дом (2)'.
10б. *Wangakhisa (1) indlu (2)*. 'Он (1) помог (1) мне (1) построить (1) дом (2)'.

11а. *Balwa (1)*. 'Они (1) дерутся (1)'.

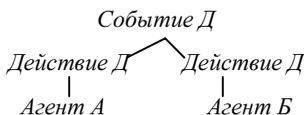
11б. *Balwisa (1) okwezinja (2)*. 'Они (1) дерутся (2), как (2) собаки (2)'.

---

¹ Поскольку рассмотренные описания языка зулу составили не зулусы, то естественно предположить, что исследователи трактовали факты языка зулу, исходя из норм своего родного языка (например, английского), а не норм языка зулу. Не в силах уловить идею, общую для таких, например, трех предложений, как 9б, 10б и 11б, они интерпретируют ее посредством трех различных слов – *make*, *help*, *imitate*, чувствуя, что за этими тремя различными словами стоит какая-то одна общая мысль, которая позволяет зулусу объединять все три случая в класс каузативных форм. Поэтому перед нами стоит задача: на основании восприятия мира через призму русского языка описать не вычлененную в этом восприятии идею каузативной формы (мы говорим «не вычлененную в этом восприятии», так как в русском языке отсутствует фиксатор вычленения этой идеи, т. е. показатель идеи каузативной формы), которую зулус фиксирует посредством суффикса *-isa*. Следовательно, набор букв *isa* для нас – это всего лишь сигнал о значении, вычленяемом языком зулу в той части объективной действительности, на которую набрасывается его сеть.

Отметим, что, как полагают исследователи языка зулу¹, предложение *Balwisa (1) okwezinja (2)* является сокращением предложения 11б¹ *Balwisa (1) ukulwa (2) kwezinja (3)* [букв: 'Они (1) борются (1) борьбой (2) собак (3)'], где *ukulwa* – инфинитив от глагола 'бороться'. Рассматривая предложение *Balwisa ukulwa kwezinja* по отношению к отражаемой в нем ситуации², можно выделить две группы «однородных агентов», обозначенных словами *bona* 'они' и *izinja* 'собаки'³. Для упрощения изложения мы будем в дальнейшем группу «однородных агентов» называть просто агентом, независимо от того, входит ли в группу один элемент или много элементов. В соответствии с этим можно сказать, что исследуемое предложение описывает ситуацию, в которой имеются два агента (один из них выражен словом *bona*, второй – *izinja*). Каждый из этих агентов выполняет некоторое действие, и в предложении посредством особых формальных средств зафиксировано наличие обоих действий и их равенство. Таким образом, предложение 11б¹, а значит, и предложение 11б, описывают ситуацию, в которой одно и то же действие Д (оно описывается посредством глагола *-lwa*) распределено между двумя агентами А и В:

Схема 16

Обратимся к ситуации, описываемой в предложении 10б. Здесь также представлены два агента (один из них обозначен словом *uena* 'он', второй – *mina* 'я'⁴). Каждый из этих агентов выполняет некоторое действие, и в предложении посредством особых формальных средств, несколько отличных от тех, которые можно установить в

¹ С. М. Doke. Text-book of Zulu grammar § 352. London, 1931; R. C. Samuelson. Zulu grammar. Durban, 1925. P. 92.

² Под «отражением ситуации в предложении» мы понимаем фиксирование посредством языковых форм нашего представления о фактах объективной действительности, называемого ситуацией.

³ Показатель слова *bona* 'они' в виде субъектного согласователя *ba* введен в глагол *balwisa*, слово *izinja* стоит в форме *kwezinja*.

⁴ Показатели слов *uena* и *mina* в виде субъектного согласователя *u-* и объектного согласователя *ngi-* введены в глагол *wangakhisa* (закон коалесценции приводит к превращению *u + a + ngi + akhisa* в *wangakhisa*).

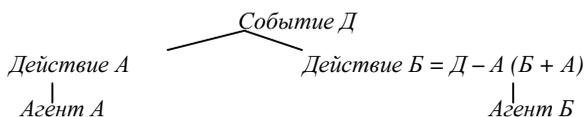
предложении 11б, зафиксировано наличие обоих действий. Ни равенство действий, ни их неравенство в предложении 10б не отмечаются: оба агента могут выполнять как одинаковые действия, так и действия, отличающиеся друг от друга; существенным является только то, что оба агента вместе участвуют в одном комплексном событии (D) и каждый из них в отдельности выполняет действия A и B , такие, что, во-первых, $B = D - A$ и, во-вторых, A может быть равно B , а может быть не равно B .

Схема 17

Перейдем к ситуации, отраженной в предложении 9б. Наличие двух агентов в этой ситуации не менее очевидно (один из них выражен словом *уена* 'он', второй — *мина* 'я'¹), так же как и то, что каждый из них выполняет некоторое (одно) действие. Аналогично предложениям 10б и 11б в предложении 9б зафиксирован этот факт, однако в отличие от предложения 10б в предложении 9б отмечается, кроме того, еще и неравенство действий, выполняемых каждым из агентов. Поскольку в сумме оба агента участвуют в некотором одном комплексном событии (D)², можно представить указанные соотношения схемой 18.

Схема 18

Сопоставляя между собой схемы 16, 17 и 18, можно отметить, что общим для всех исследуемых ситуаций является то, что в них отмечается некоторое комплексное событие D , распределенное ме-

¹ Показатели слов *уена* и *мина* в виде субъектного согласователя *и*- и объектного согласователя *-ngi*- введены в глагол *wangihlawulisa* (коалесценция: $u + a + ngi + hla-wulisa \rightarrow wangihlawulisa$).

² За то, что действия, выполняемые обоими агентами, воспринимаются носителями языка зулу как одно комплексное событие, говорит сам факт выражения в зулу обоих действий посредством одной словоформы (см. словоформы *balwisa*, *wangakhisa* и *wangihlawulisa* в оппозициях 11, 10 и 9).

жду двумя агентами A и B . Различаются ситуации типом распределения события D между агентами A и B : в одном случае (схема 16) A и B выполняют одно и то же действие, равное D ($A = B = D$), во втором случае (схема 18) A и B выполняют разные действия, равные в сумме D ($A + B = D$, $A \neq B$), и, наконец, в третьем случае (схема 17) A и B выполняют либо тождественные, либо различные действия, равные в сумме D ($A + B = D$, $A = B$, $A \neq B$).

Рассматривая сходство и различие ситуаций 9, 10 и 11, попутно выясним еще один вопрос. В ситуации 10б описываются одновременные действия агентов A и B , в ситуациях 9б и 11б – разновременные. При этом ситуации 9б и 11б противоположны друг другу по характеру фиксации причинно-следственных отношений в объективной действительности: в ситуации 9б, прежде всего, описывается начало («причина») события D (сначала *он заставил*’, а потом *’я сделал то, к чему он меня вынуждал*’), а в ситуации 11б, наоборот, прежде всего, фиксируется конец («следствие») события D (сначала *надо было увидеть, как дрались собаки*’, и только после этого, *’увидев, как дерутся люди*’, можно было зафиксировать, что *’они дерутся, как собаки*’).

Таким образом, перед нами пример того, что язык может быть индифферентен к проблеме «начала и конца» в объективной действительности (т. е. проблеме причинно-следственного упорядочения событий в объективной действительности)¹.

---

¹ Факт – весьма интересный в связи с постановкой вопроса о соотношении отражаемого в нашем мышлении и объективно существующего. Его можно уяснить посредством такой аналогии. Если взять обычную кинокамеру и фиксировать окружающее, то устройство камеры даст возможность снимать кадры только в одной последовательности, в соответствии с тем, что мы называем «упорядочением событий во времени». В «обратном» порядке обычная камера фиксировать события не может. В отличие от камеры человек может фиксировать события в обоих направлениях («прямом» и «обратном»). Средства фиксации при этом у него могут быть самые различные: «механические» (человек, например, может пустить кадры в порядке их съемки или в обратном), «вербальные» (он может описывать некоторую ситуацию в прямом порядке, например, каузативная конструкция в предложении 7б, и в обратном порядке – имитативная конструкция в предложении 11б), «живописные» (например, картины воспоминаний о прошлом или сновидения, в которых человек сначала видит убитого зайца, а затем то, как охотник стрелял в него).

Эти наблюдения наталкивают на такое предположение: если бы для некоторого индивида *H* проблема величины действия ($A = D$ или $A \neq D$) и временного упорядочения компонентов события (A одновременно с B или A не одновременно с B , A прежде B или B прежде A) была иррелевантной, то этот индивид должен был бы избрать одно и то же средство для обозначения перехода от ситуаций 9а, 10а, 11а соответственно к ситуациям 9б, 10б, 11б, причем цель перехода он должен был бы видеть в одном – переходе к ситуации, в которой выделено комплексное событие, такое, что его элементы распределены между двумя агентами A и B ¹.

Установив общий фактор (наличие комплекса, состоящего из D , A и B) у идей понуждения, содействия и имитации, перейдем к сопоставлению этого фактора с идеей интенсификации.

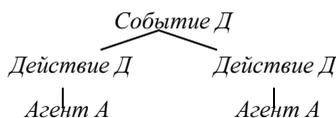
Однако предварительно остановимся на идее репититивности, которая хотя и не отмечается исследователями при характеристике суффикса *-isa*, но, тем не менее, отчетливо видна на примере хотя бы такой оппозиции:

12а. *Waqina (I)*. 'Он (I) был (I) крепким (I)'.

12б. *Waziqinisa (I)*. 'Он (I) поправился (I) после (I) болезни (I)' (букв.: 'Он (I) снова (I) стал (I) крепким (I)').

Обращаясь к предложению 12б, мы можем отметить, что в нем описывается событие (D), которое характеризуется двумя состояниями, одно из которых является повторением другого: 'был крепким' (D) и 'стал таким, как был' (D). Агентом обоих состояний является одно и то же лицо (A).

Схема 19

¹ Отсюда следует, что суффикс *-isa* представляет событие как комплекс, т. е. расчленяет ранее единую деятельность на компоненты в зависимости от двух факторов: 1) упорядочения «частей деятельности» во времени (темпоральное умножение) и 2) ориентации «частей деятельности» относительно разных посессоров (спатальное умножение).

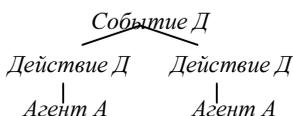
Сравнивая схемы 16 и 19, можно отметить, что репититивность – это просто один из типов имитации, характеризующийся тем, что оба агента представлены в одном лице (агент $A =$ агент B), и это лицо как бы «имитирует самое себя» [при обычной имитации (схема 16) один агент имитирует действия другого агента].

Анализируя тождества и различия схем 16–19, можно продолжить наши рассуждения относительно мышления гипотетического индивида H и добавить, что, если он станет безразличен не только к проблеме величины действия и временного упорядочения компонентов события, но также и к проблеме тождества / различия агентов действия (агент A равен или не равен агенту B), то он сможет по-прежнему пользоваться суффиксом *-isa* для обозначения перехода от ситуаций 8а, 9а, 10а, 11а, 12а к ситуациям 8б, 9б, 10б, 11б, 12б, причем смысл этого перехода теперь для него должен будет уточниться следующим образом: «Суффикс *-isa* присоединяется к глаголу для того, чтобы обозначить переход к ситуации, в которой выделено комплексное событие, такое, что его элементы распределены между двумя агентами A и B , причем $A = B$ или $A \neq B$ ».

Перейдем к идее интенсификации действия.

Вернемся к оппозиции 8. В предложении 8б описывается событие (D), в котором участвует единственный агент A . Этот агент действует. На первый взгляд, может показаться, что он выполняет одно действие. Сравнивая предложения 8а и 8б, нельзя не отметить, что действие, описываемое в предложении 8б, – это не просто некоторое действие (например, действие в предложении 8а), но «действие с добавкой того же самого действия», т. е. в ситуации 8б событие D – тоже комплекс, элементы которого связаны с одним и тем же агентом A .

Схема 20

Сравнивая схемы 19 и 20 и отмечая их тождественность, можно найти признак, который оказался для нас, как и для гипотетического индивида H , иррелевантным при составлении обеих схем.

Исследуя репититивность, мы установили, что событие D состоит из двух действий, различающихся между собой только тем, что они отнесены к разным моментам времени. При анализе интенсивности, говоря о том, что событие D состоит из двух качественно одинаковых действий, можно указать, что оба эти действия отнесены к одному и тому же моменту времени. Другими словами, мы приходим к тому, что репититивность и интенсивность тождественны друг другу при иррелевантности характеристики «временное упорядочение компонентов события» (D одновременно с D или D не одновременно с D).

Интересно отметить, что при иррелевантности временного упорядочения репититивность становится тождественной интенсивности – аналогично тому, как каузативность (*to cause*) – имитация (*to imitate*) становится тождественной содействию (*to help*). Бинарный характер оппозиции «каузативность, имитация / содействие» становится еще более прозрачным, если вспомнить, что при каузативности (K) действие A не равно действию B , при имитации (I) $A = B$, а при содействии (C) $A = B$ или $A \neq B$:

$$\frac{(K) A \neq B}{(I) A = B} = \frac{(C) A \neq B}{(C) A = B},$$

$$\text{т. е. } K + I = C.$$

Констатируя, что иррелевантность признака временного упорядочения уже постулировалась выше, можно отметить, что интенсификацию действия также можно описать в терминах, которые были выделены для характеристики понуждения, имитации, содействия и репититивности.

На основании этого можно считать, что нам удалось найти общий признак, свойственный идеям понуждения, имитации, содействия, интенсивности и репититивности и, значит, являющийся их инвариантной характеристикой (J^1).

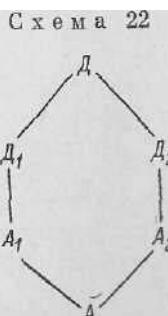
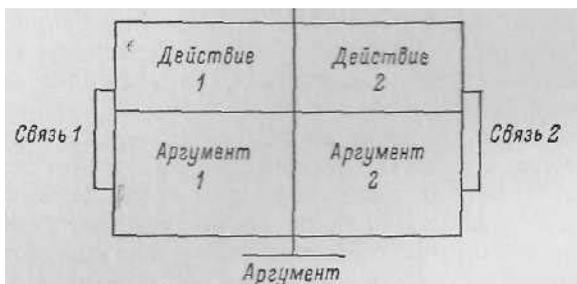
Поставим вопрос о том, является ли установленная инвариантная характеристика J^1 собственным признаком суффикса *-isa* (его инвариантным смыслом) или ее наличие зависит от тех или иных конкретных обстоятельств, и в одних случаях она присуща суффиксу *-isa*, а в других – нет. Для этого посмотрим, все ли случаи употреб-

ления суффикса *-isa* можно интерпретировать в терминах характеристики J' .

Предварительно сделаем следующие замечания. Когда мы говорим, что в рассмотренных ситуациях событие – это комплекс, состоящий минимум из двух элементов – действий, каждое из которых связано со своим аргументом, то мы понимаем под этим следующее.

Событие рассматривается нами как система, между элементами которой установлены определенные связи, т. е. как система элементов с определенной структурой связей. Эти структуры связей были представлены на схемах 16–20: анализ их тождеств и различий дал возможность выделить инвариантную характеристику идей, связываемых с употреблением суффикса *-isa*. Такой характеристикой, как это следует из определения, приведенного выше, являются схемы, регистрирующие раздвоение события на действия, связанные с аргументами (схемы 21 и 22):

Схема 21

Учитывая случай тождества аргументов, можно говорить также о схеме 23.

Схема 23

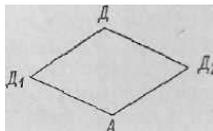

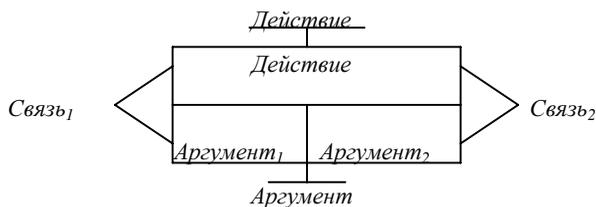
Схема 23 является частным случаем схемы 22. Соответствующий ей частный случай схемы 21 имеет вид, изображенный на схеме 24.

Схема 24

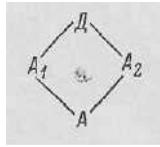
Принимая во внимание случай тождества действий, можно отразить это посредством схем 25 и 26.

Схема 25

Как отмечалось, схема 21 может быть рассмотрена как идеализация идеи каузации, схема 24 – как идеализация идей интенсификации и репититивности, схема 25 – как идеализация идеи имитации¹.

¹ Идеи содействия соответствуют две идеализации – схема 21 и схема 25.

Анализируя схемы 21, 24 и 25 как структуры, можно отметить, что все они обладают четырьмя свойствами: 1) в каждой схеме присутствует не менее 3 элементов (min. два действия и один аргумент или два аргумента и одно действие); 2) элементы принадлежат к различным группам объектов (одни входят в класс действий, другие – в класс предметов); 3) между любыми двумя элементами, принадлежащими к различным группам объектов, установлены связи; 4) в каждой схеме присутствует ровно две связи.

Эти четыре свойства представляют в своей совокупности тот «общий смысл» (J'), который можно связать с любым употреблением суффикса *-isa* в тех случаях, когда он имеет значение понуждения, содействия, имитации, репититивности и интензивности.

Теперь мы должны выяснить, присущ ли этот «общий смысл» (J') также идеям транзитивации и повышения валентности, и значит, может ли он быть принят в качестве искомого инвариантного смысла J .

Обратимся к полученному результату и посмотрим, как его можно истолковать. Прежде всего, бросается в глаза то, что описание ситуации, обладающее указанными четырьмя свойствами, является характеристикой этой ситуации как определенного множества, элементы которого четко отделены друг от друга и поставлены в строго фиксированные отношения. Другими словами, можно сказать, что любой глагол с суффиксом *-isa* описывает ситуацию в виде структурного образования, в котором зафиксированы такие элементы структуры, как объекты и связи между ними. Таким образом, напрашивается вывод, что *-isa* является во всех рассмотренных случаях фиксатором структурного множества, т. е. своеобразным показателем множественного числа¹. Так же, как обычные показатели

---

¹ В. П. Недалков отметил, что показатели множественного числа и каузативные форманты во многих языках этимологически совпадают (см.: В. П. Недалков. Об

множественного числа, *-isa* фиксирует множество элементов, отделенных друг от друга во времени или пространстве. Но в отличие от обычных показателей множественного числа, он закреплен не за парадигматическим множеством (ср.: множественное число существительных), а за синтагматическим¹, и значит, фиксирует множество неоднородных в парадигматическом отношении элементов. Поэтому, в первую очередь, *-isa* является показателем множественного числа синтагматических связей, которые можно установить в ситуации.

Исходя из требования о наличии не менее двух синтагматических связей в ситуациях, описываемых с помощью глаголов в каузативной форме, рассмотренные выше случаи легко объяснить как различные типы синтагматических множеств. Так, идея о понуждении может быть описана как идея о структурировании деятеля на инициатора и исполнителя, действия – на инициативу и исполнение, а связи между деятелем и действием – на совокупность связей между инициатором и инициативой, исполнителем и исполнением, инициативой и исполнением (ср. русские примеры на схеме 27).

Схема 27

Увеличение количества компонентов ситуации происходит и по линии связей, и по линии объектов, между которыми устанавливаются связи. При этом раздваивается не только деятель (ср. множественное число типа '*мы*' как обозначение совокупности '*я*' и '*ты*'), но и действие: одному действию как бы сопоставляется совокупность отделенных во времени, качественно различных компонентов.

Аналогично можно объяснить и идею содействия. Разница между понуждением и содействием, по-видимому, проходит не по линии раздвоения элементов и разрастания ситуации, но только по линии одновременности – разновременности компонентов дейст-

---

ареальных универсалиях // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969).

¹ Противопоставление синтагматики и парадигматики для нас основано на оппозиции: «То, что упорядочено во времени, – то, что не упорядочено во времени».

вия. В отличие от идеи понуждения, идея содействия предполагает одновременность компонентов действия [ср. русск.: 'я целый день вместе с ним строил дом – я помогал ему' (т. е. 'я действовал, он действовал, мы действовали одновременно') и 'он строил дом, а я помогал ему советам' (т. е. 'я проявлял инициативу, а он действовал, и эти события протекали одновременно')].

Перейдем к идее имитации. С этой идеей также связывается идея множества, притом множества, не похожего на описанные выше. При регистрации события как имитации мы также раздваиваем деятеля на двух деятелей (множество неоднородных элементов) и действие – на два действия (множество однородных элементов). Однако в отличие от случаев, рассмотренных выше, действие не «расслаивается» на качественно различные компоненты, но как бы просто удваивается (по типу обычного множественного или двойственного числа существительных: 'стол + стол = столы'). Действия строго упорядочиваются во времени (порядок участия в них деятелей – обратный по сравнению со случаем каузации).

С репититивностью связан другой тип структурирования ситуации и образования множества. В этом случае деятель изменениям не подвергается, действие же представляется в виде цепочки следующих друг за другом, равных между собой действий (множество однородных элементов). Фиксация компонентов цепочки часто приводит к увеличению количества элементов ситуации за счет обстоятельств времени, – поэтому число синтагматических связей растет и здесь. В случае отсутствия обстоятельств времени число синтагматических связей увеличивается за счет появления «внутренней» (анафорической) связи между смысловыми компонентами сказуемого. Синтагматичность (т. е. упорядоченность во времени) множественного числа в этом случае фиксируется непосредственно в сказуемом, т. е. самим способом структурирования действия.

Рассматривая интензив, легко проиллюстрировать, что это – также «синтагматическое множественное число». «Множественный» характер интенсива очевиден. Чтобы эксплицировать в идее интенсива идею о синтагматичности (упорядоченности во времени), достаточно отметить, что с понятием об интенсивности действия обычно связывают количество действия, производимого в единицу времени. Таким образом, если при репититивности фиксируется умножение действий за счет присоединения новых отрезков вре-

менной цепи (т. е. происходит как бы «удлинение действия»), то при интенсивности, отмечается увеличение действия за счет увеличения его отдельных порций (как бы «углубление действия»). Аналогично случаю с репититивностью, фиксация увеличения действия приводит к удлинению предложения за счет введения обстоятельств (меры и степени). Число смысловых синтагматических связей увеличивается либо на эксплицитную смысловую связь (т. е. такую смысловую связь, которой соответствует формальная связь между сказуемым и обстоятельством), либо на анафорическую смысловую связь между смысловыми компонентами сказуемого.

Любое предложение, сказуемое которого выражено каузативной формой глагола, может быть интерпретировано как множество упорядоченных во времени элементов. Возникает следующий вопрос. Допустим, суффикс *-isa* является показателем множества упорядоченных во времени элементов, и его использование дает возможность образовывать множества указанного типа. Естественно предположить, что суффикс *-isa* – не единственное средство для достижения этой цели. Поэтому необходимо исследовать, что происходит, если исходная ситуация уже является множеством указанного типа. Посмотрим, к чему ведет присоединение суффикса *-isa* в этом случае.

Ответ на этот вопрос можно связать с проблемой транзитивации и валентности. Если глагол без *-isa* характеризует ситуацию, в которой имеется менее трех элементов (например, одно действие или одно действие и один аргумент), прибавление суффикса *-isa* увеличивает количество либо действий (суффикс *-isa* выступает как показатель множественного числа действий – интенсива, репититива или дистрибутива), либо аргументов, – в последнем случае суффикс *-isa* функционирует как транзитиватор и повышает валентность сказуемого на аргументы. При обоих «либо» «общий смысл» (J^1), состоящий из четырех перечисленных выше признаков, может опять-таки рассматриваться как инвариантная характеристика суффикса *-isa* (J).

Посмотрим, что происходит в тех случаях, когда глагол без *-isa* характеризует ситуацию, в которой есть не менее трех элементов. Предположим также, что в этой ситуации есть не менее двух связей между элементами, принадлежащими к различным группам объектов, т. е. предположим, что глагол без *-isa* характеризует точно та-

кую ситуацию, которая ранее была выделена как типичная для глаголов с *-isa*. Какую роль играет в этом случае суффикс *-isa*? Рассмотрим оппозиции:

13а. *Sengayahlawula (1) imbuzi (2) yakhe (3) ngenye (4)*. 'Я (1) возместил (1) его (3) козла (2) другим (4)'

13б. *Inkosi (1) yamhlawulisa (2) ngenkomo (3)*. 'Вождь (1) оштрафовал (2) его (2) скотом (3)'

14а. *Ingikhohlile (1) leyo 'ndaba (2)*. 'Я забыл об этом (букв.: 'То (2) дело (2) ускользнуло (1) от (1) меня (1)')'

14б. *Uyangikhohlisa (1)*. 'Ты (1) меня (1) обманываешь (1)'

15а. *Amakosi (1) uhlukene (2) namahashi (3)*. 'Вожди (1) разобрали (2) лошадей (3)'

15б. *Amakosi (1) ahlukanisa (2) izimvu (3) ezimbuzeni (4)*. 'Вожди (1) отделили (2) овец (3) от (4) коз (4)'

16а. *Ngakhuluma (1) nomuntu (2) tunye (3)*. 'Я (1) говорил (1) с (2) одним (3) человеком (2)'

16б. *Wabona (1) ukuthi (2) ifuna (3) ukiба (4) ayikhulumise (5) kodwa (6) wathula (7)*. 'Он (1) видел (1), что (2) девушка хочет (3), чтобы (4) он (5) с (5) ней (5) заговорил (5), но (6) он (7) молчал (7)'

17а. *Waphuza (1) utshwala (2)*. 'Он (1) выпил (1) пиво (2)'

17б. *Wangiphuzisa (1)*. 'Он (1) напоил (1) меня (1)'

Во всех этих примерах суффикс *-isa* не может быть рассмотрен ни как показатель изменения валентности глагола, ни как транзитиватор. Нельзя также сказать, что суффикс *-isa* служит в них для выражения идей каузации, содействия, имитации, репититивности или интенсивности. Если бы мы описывали функционирование суффикса *-isa* в терминах рассмотренных грамматик, нам бы пришлось отметить, что изменения, вносимые суффиксом *-isa* в глаголы *-hlawula*, *-khola*, *-ahlukana*, *-khuluma*, *-phuza*, не поддаются объяснениям¹. Однако уже в терминах структурных свойств, описанных на

---

¹ Обычно в таких случаях авторы исследований говорят об «исключениях из правил». Если называть примеры по типу тех, которые представлены в оппозициях 13—17, исключениями, придется признать, что они составляют примерно 10% имеющихся в нашем распоряжении материалов. Естественно, что теория, объяс-

с. 97, оппозиции 13–17 выступают как не менее регулярные образования, чем оппозиции, рассмотренные выше. В предложениях 13б – 17б присутствует, как и в предложениях 1б–12б, не менее трех смысловых элементов, связанных двумя смысловыми связями, причем эти связи установлены между элементами, принадлежащими к различным группам объектов. Ситуации, описываемые любыми глаголами с суффиксом *-isa*, удовлетворяют указанным требованиям, и четыре отмеченных свойства, действительно, могут быть приняты в качестве характеристики ситуаций, сказуемые которых выражены глаголами с суффиксом *-isa*, т. е. в качестве обобщенной характеристики каузативных ситуаций¹.

Поставим вопрос о признаках, выделяемых при описании перехода к каузативным ситуациям, и, значит, об изменениях, за которые несет ответственность собственно залоговая система. Выясним, какой смысловой элемент в «некаузированное предложение» привносит «оператор» *-isa*.

Анализируя оппозиции 13–17, можно отметить, что введение суффикса *-isa* и здесь связано с изменением типа смысловых связей между элементами ситуаций. Аналогично вышеизложенному, можно показать, что происходит увеличение количества «внутренних» (анафорических) синтагматических смысловых связей, отражающее структурирование элементов ситуации, т. е. представление «целых» (неделимых) элементов в виде систем, компоненты которых связаны анафорическими связями². Например, в паре 15а–15б вместо одного действия фиксируется много действий, в паре 16а–16б регист-

---

нящая только 90% эмпирического материала, вряд ли может быть названа адекватной.

¹ Каузативными ситуациями в данной работе мы называем ситуации, описываемые посредством сказуемых, в которые введен суффикс *-isa* (независимо от смысловых характеристик этих ситуаций).

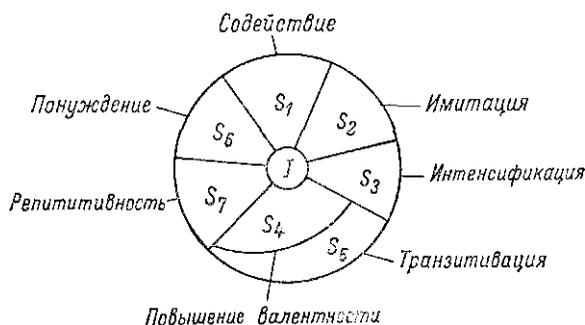
² Так, во всех предложениях *а* мы имеем дело с единой, не расчленимой на компоненты деятельностью, в предложениях *б* деятельность представлена в виде структурного множества. Во всех примерах *б* описывается ситуация, где или действуют двое, или производятся две деятельности. Продолжая исследование понятия о залоге, можно показать, что увеличение количества синтагматических связей является следствием спатально-темпорального структурирования действия, т. е. соотношения действия с двумя осями (времени и пространства) и расчленения его на части в этой системе координат. В тех же терминах категория аспекта – это представление расчлененности действия по отношению к оси времени, а категория числа – по отношению к оси пространства.

рируется начинательность, позволяющая рассматривать действие как процесс, состоящий из нескольких фаз, в паре 13а–13б вводится в рассмотрение дополнительный косвенный объект, в паре 14а–14б единоразовое действие заменяется многоразовым, в паре 17а–17б описывается дополнительный деятель (один деятель «руководит» действием, второй является его исполнителем).

Поэтому транзитивация и повышение валентности, регистрируемые при введении в предложение новых словоформ и установлении эксплицитных связей, выступает всего лишь как частный случай изменений, вызываемых функционированием суффикса *-isa*.

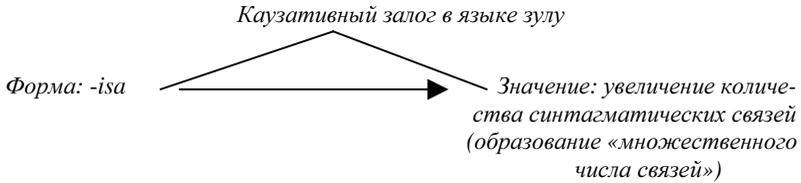
Соотношение интересующих нас понятий можно определить следующим образом (см. схему 28).

Схема 28

Чтобы понять, чему равно S_1 , S_2 , S_3 , S_4 , S_5 , S_6 и S_7 , надо из интерпретаций понуждения, содействия и т. п., которые приведены выше, «вычесть» J .

Подводя итоги, можно отметить, что в качестве смысловой характеристики каузативного залога в языке зулу можно принять установленное выше свойство суффикса *-isa* служить показателем структурного синтагматического множества. В соответствии с этим можно дать определение каузативного залога в языке зулу как формально-смысловой категории, с помощью которой осуществляется увеличение количества синтагматических связей в исходном синтагматическом множестве (за счет введения эксплицитных и анафорических связей и раздвоения исходных элементов).

Располагая этим результатом, можно перейти к определению понятия о каузативном залоге в любом языке. Для этого необходимо выяснить, применимо ли полученное определение к фактам других языков. Если применимо, его можно принять в качестве постулата при описании любого языка. При обращении к неизученному языку можно, в зависимости от представленных объектов, констатировать наличие или отсутствие в нем каузативного залога (в постулированном выше смысле). В этом случае при построении типологического описания языков (например, при описании каузативного залога) появляется уверенность, что в различных языках нас интересовал один и тот же объект (каузативный залог).

Ставя вопрос о построении определения залога вообще, естественно искать это определение в виде определения, обобщающего понятие о каузативном залоге в языке зулу и понятия о каузативном залоге в любом языке. В качестве такого обобщающего определения может выступать, например, определение, фиксирующее, что залог – это формально-смысловая категория, форма выражения которой относится к специфике данного языка, а значение связано с идеей об изменениях синтагматических связей (например, с идеей об изменении их количества, эксплицитного или анафорического характера, соотношения с парадигматическими связями и т. д.)¹.

¹ Работа является фрагментом моей неопубликованной монографии «Аналитическая морфология языка зулу». Напечатана в виде статьи: *Функции суффикса -isa в языке зулу // Africana. VIII. Ленинград, 1971. С. 127–150.* Ее материалы использованы в статьях: «Залог как грамматическая категория» и «Иерархия грамматических категорий при построении теории залога» // Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика и типология. СПб., 2007. С. 121–137.

Глагол как грамматическая категория

Задача данной статьи – зафиксировать то общее, что присуще всем глаголам языка зулу. Предпосылкой описания является предположение о том, что каждое слово имеет два аспекта рассмотрения – «снаружи» (по отношению к другим словам) и «изнутри» (как структура, состоящая из микроэлементов). Первый аспект позволяет говорить о макросинтагматике глаголов (потенциальные и реализованные связи глаголов в предложениях, т. е. их функционирование как членов предложения), второй – об их микросинтагматике (потенциальные и реализованные связи глагольных морфем в составе слов). Поскольку макросинтагматические связи обусловлены микросинтагматикой, определение глагола как грамматической категории строится на основе тех микросинтагматических структур, которые образуют глагольные морфемы в составе слов языка зулу. При этом глаголы рассматриваются как микроядра, создающие микроконфигурации (каждое слово – микроконфигурация), а совокупность глагольных микроконфигураций – как реализация потенциально возможной микроструктуры, определяющей категориальный статус глагола. Микроструктура фиксирует потенциальные возможности микроядра к связям с морфемами в составе слова, а микроконфигурация (конкретный тип потенциально возможной микроструктуры) – реализацию этих связей в виде каждого конкретного слова.

В соответствии с этой точкой зрения части речи представляют собой определенные классификации микроядер: в одну и ту же часть речи попадают микроядра, способные образовывать одну и ту же микроструктуру. Определить ту или иную часть речи как грамматическую категорию – значит охарактеризовать структуру, которую способны порождать слова, относящиеся к данной части речи. Чтобы дать определение глагола как грамматической категории, надо указать тип микроструктуры, которую способны образовывать все корни, выступающие в роли ее ядер¹. Для этого надо зафиксировать

---

¹ На это давно обратили внимание в бантуистике. Достаточно вспомнить о том интересе, который проявляют все исследователи языка зулу к проблеме морфологической структуры слова. Например, то, что морфемная структура имени существительного

ровать все типы микроокружений, которые могут иметь глагольные корни, и эти типы упорядочить в виде цепочек соподчинимых друг с другом элементов.

Микроокружение можно рассматривать как элементы плана формы, содержания или формально-смысловые единицы. Соответственно будут выделяться и микроконфигурации – их количество и типы. В первом случае получится формальная классификация слов (по типам формального упорядочения морфем), во втором – смысловая (по пучкам категорий, передаваемых разными типами микроконфигураций), в третьем – формально-смысловая. Рассматривая цепочку формантов как манифестацию категорий, которые обозначены посредством этих формантов, можно построить парадигмы формантов, передающих одну и ту же категорию, и затем принять символы категорий в качестве элементов потенциального окружения микроядра¹. Этот метод дает возможность выделить абстрактные микроструктуры как цепочки мест, потенциально возможных при ядрах данного типа. Места в таких цепочках – формально-смысловые элементы: значением каждого места является грамматическая категория, а формой – парадигма формантов, посредством которых эта категория выражается.

Приступим к построению микроконфигураций, характеризующих в языке зулу класс слов «глаголы»².

вительного отличается от морфемной структуры глагола, прилагательного и других классов слов, регистрируется постоянно во всех исследованиях, начиная с В. Бойса и Дж. Апплеярда. На основании анализа морфемной структуры слова построены классификации частей речи в зулу А. Т. Коупом, Н. В. Громовой и др. Необходимость уточнять эти классификации связана с тем, что при их проведении учитываются не микроконфигурации в целом, а только какие-то их части (префиксы согласования у А. Т. Коупа, категории, фиксируемые посредством формантов обязательного микроокружения у Н. В. Громовой, и т. п.).

¹ «Такой тонкий и проницательный исследователь, как А. М. Пешковский, уже давно указывал на необходимость "расширить понятие формальной категории", понимая под формальной категорией то, что я здесь называю морфологической категорией. Рассматривая морфологическую категорию как единство грамматического значения и формы его обнаружения, этот выдающийся грамматик призывал не смущаться пестротой формального строя языка. Все дело, подчеркивал он, в полном согласии с учением А. А. Потебни, в значении морфологической категории, а не в формах его обнаружения». С. Д. Кацнельсон. О грамматической категории // Вестник Ленинградского университета. 1948. № 2. С. 117–118.

² О линейном упорядочении глагольных морфем в языке зулу и их категориальном значении см.: P. D. Beuchat. A Restatement of the Zulu Verb Conjugation. African

Начнем с финитных глаголов. Посмотрим, какую микроструктуру имеет слово *ngihamba* 'я иду'¹. Обычно в его составе выделяют два компонента: основу *-hamba* и субъектный согласователь *ngi-*. Последний служит для передачи двух функций:

1) указывает на связь между подлежащим и сказуемым, т. е. «прикрепляет» действие, выраженное глаголом, к определенному месту в пространстве, локализует его в некоторой точке (эта точка выступает в роли агента действия или реципиента состояния), – ср. *ngihamba* 'я иду', *sihamba* 'она (старуха) идет';

2) обозначает ориентацию действия во времени, т. е. «прикрепляет» действие, выраженное глаголом, к определенной точке на временной оси. Например, *isalukazi sihamba* 'старуха идет' – *isalukazi sahamba* 'старуха шла' – *isalukazi sohamba* 'старуха пойдём'.

Это противопоставление (*si* – *sa* – *so*) дает возможность рассматривать в структурном плане субъектный согласователь как композиту, состоящую из двух самостоятельных частей (каждая передает отдельную категорию):

а) аллитеральный согласователь с классом существительных (например, *s* в префиксе *si-*, коррелирующий с *s* в префиксе существительного *isalukazi*),

б) показатель времени протекания действия (*a* в префиксе *sa-* как показатель прошедшего времени, *i* в префиксе *si-* как показатель настоящего времени и т. д.).

Иначе говоря, *s* как бы осуществляет пространственную ориентацию действия, а *i/a/o* – временную.

Аллитеральный согласователь является членом десятимерной оппозиции, отражающей деление в языке зулу на классы, а местоимений – на лица: *ng, s, w, n, b, j, l, a, z, k*; показатель времени реализует свою значимость в трехмерной оппозиции: *i/a/o*².

Studies. 1963. V. 22. N 4.

¹ В технических целях билабиальный имплозивный звук *b* обозначается через *б*, а билабиальный эксплозивный звук *b* – через *b* (Ср.: С. М. Doke, В. W. Vilakazi. Zulu-English Dictionary. Johannesburg, 1953).

² Структурное членение не соответствует этимологическому: в истории языка при образовании форм *si* – *sa* – *so* чередование *i* – *a* – *o* не имело места. Возникновение оппозиции *si* – *sa* – *so* объясняется на основании таких соответствий: *si* / *si* + *a* → *sa/si* + *ya* + *uku* → *siyauku* → *siyoku* → *siyo* → *so*. В диахронии тоже

Глагольная основа не является неизменной при спряжении глагола: ср. *si-hamba* 'она идет', *asi-hambi* 'она не идет'. Чередования конечной гласной основы, которые можно наблюдать при переходе от одного типа спряжения (позитив *sihamba* – негатив *asihambi*) или наклонения (изъявительное *sihamba* – зависимое *sihambe*) к другому типу, позволяют выделить в основе две части: *hamb-* и *-a(-i, -e)*. Первую часть основы называют корнем, вторую – конечным гласным¹.

Конечный гласный основы – это формант, с помощью которого передается отношение говорящего к событию: рассмотрение его как истинного (позитивное спряжение) или ложного (негативное спряжение), как главного (изъявительное наклонение) или второстепенного (зависимое наклонение). Конечный гласный основы, как и охарактеризованные выше форманты, является элементарным: членению на составляющие он не подлежит.

С помощью корня фиксируется тип деятельности, описываемой глаголом, т. е. указывается, что речь идет, например, о ходьбе, а не о чтении, или рисовании, или каких-либо иных типах деятельности. Корень передает специфическое значение данного глагола в отличие от других глаголов². Но не только его.

представлена тернарная оппозиция, но она материально отличается от той, которая выявляется в синхронном плане.

¹ Процесс перехода от *-hamba* к *-hambe* или *-hamb-* можно было бы описать и по-другому, например, как: *-hambi + ∅*, *-hambi + a*, *-hambi + e* → *-hambi∅*, *-hambia*, *-hambie* → *-hambi*, *-hamba*, *-hambe*, и форму *-hamba* рассматривать (аналогично *sa = si + a*) как результат слияния *i + a = a*. При любом подходе вывод относительно соотношения частей основы *-hamba* будет одним и тем же: есть часть *-hamb-*, не изменяющаяся при данных процессах, а также часть, стоящая после *-hamb-* и подверженная преобразованиям (оговорка «при данных процессах» необходима, так как при других процессах может изменяться и *-hamb-*, – об этом см. далее).

² Говоря о специфическом значении данного глагола в противовес другим глаголам, я имею в виду только значимость данного корня (на фоне других корней), но не его денотатное значение. Такая осторожность вызвана следующим соображением. Сопоставляя, например, *-hamba* 'идти' и *-lala* 'снать', можно представить денотаты этих глаголов с помощью картинки или вербальной характеристики субъектов, деятельность которых описывается глаголами. Кроме этих (полнозначных) глаголов, есть служебные. Их значение сводится к тому, что они передают различные грамматические значения полнозначных глаголов (см., например, *-lokhu* 'все еще', *-bonange* 'никогда не быть ранее' и т. д.), либо указывают на связь между субъектом и его деятельностью. Субъект выступает в роли подлежащего, деятельность фиксируется инфинитивом полнозначного глагола, а связь между ними – по-

На первый взгляд, кажется, что корень – это элементарная составляющая слова, ни формально, ни по смыслу не разбирающаяся на компоненты. Однако сравнение глагола *-hamba* 'удму' с таким глаголом, как *-hlala* 'сидеть', говорит о следующем: при образовании перфекта эти глаголы ведут себя по-разному; корень глагола *-hamba* остается неизменным (ср. *-hamba* – *-hambile*), а корень глагола *-hlala* подвергается модификациям (ср. *-hlala* – *-hlezi*).

Иначе говоря, у таких глаголов, как *-hlala* (их обычно называют стативными), выделяются два типа глагольных основ: перфектная и простая. Общее у них – начало корня, различное – конец: конечная гласная основы (ср. *-ma* – *-mi* 'стоять'), две гласных основы – конечная и внутрикорневая (ср. *-lala* – *-lele* 'цнать'), гласные и согласные (ср. *-hlala* – *-hlezi* 'сидеть'). Поэтому в основах *-ma* – *-mi*, *-lala* – *-lele*, *-hlala* – *-hlezi* можно выделить общие части *m*, *l* – *l*, *hl* и различные *a* – *i*, *a/a* – *e/e*, *ala* – *ezi*. Общие части передают специфическое значение, о котором говорилось выше и которое остается неизменным при спряжении глагола во всей парадигме, – как в области времен, образующихся от простых основ, так и времен, образующихся от перфектных основ. Различные части служат для характеристики аспекта действия. Формы, образованные от простых основ и не имеющие дополнительных аспектных аффиксов, фиксируют время как точку, а формы, образованные от перфектных, – как отрезок, ограниченный двумя временными пределами (например, моментом в прошлом и моментом речи: действие начинается в прошлом и обрывается в момент речи).

Глагол *-hamba*, как и *-hlala*, участвует в оппозиции: простые/перфектные формы спряжения. Но в отличие от *-hlala*, образование регулярного перфекта от *-hamba* (*-hambile*) не связано с изменением корня. Это позволяет предположить, что у *-hamba* (и ему подобных) аспектная характеристика формализована не посредством корня (как у глаголов типа *-hlala*), а посредством постфикса *-ile*, и корень к аспектной характеристике индифферентен.

Ошибочность этого предположения становится очевидной, как только мы вспоминаем о правилах деривации так называемого со-

---

средством служебного глагола. Для глаголов этого типа денотаты подобрать не представляется возможным, и денотатную характеристику глагола приходится рассматривать как факультативную, а характеристику его значимости – как обязательную.

кращенного перфекта. Сокращенный перфект образуется постановкой долгого ударного *é* вместо конечного гласного простой основы. Например, от глагола *-hamba* можно образовать регулярный перфект *-hambile* и сокращенный перфект *-hambé*. Форма *-hambé* необычна по типу ударения. Ударение в зулу падает на второй слог от конца слова, но при образовании сокращенного перфекта это правило нарушается. Создается эффект внутренней флексии: вместо ударного *a* в простой основе *-hamba* регистрируется неударное *a* в перфектной основе, хотя слоговой тип основ остается тем же.

На этом примере видно, что неизменность корня – явление кажущееся и что аспектные характеристики, на самом деле, всегда грамматикализованы посредством корня. В любом глагольном корне можно выделить две части: неизменяемую (она отвечает за фиксацию типа деятельности, выраженного данным глаголом) и изменяемую, которая передает аспектную характеристику деятельности. Для корня *-hamb-* неизменяемой частью являются согласные *h–mb*, а изменяемой – гласный *a*.

Суммируя изложенное, можно сказать, что микроконфигурация, образуемая морфемами слова *ngihamba*, состоит из пяти компонентов: 1) консонантной части корня, указывающей на тип деятельности, фиксируемой глаголом, – *ngihamba*; 2) вокалической части корня, передающей аспектные характеристики деятельности, – *ngihamba*; 3) конечной гласной основы, с помощью которой указывается модальность – отношение говорящего к деятельности: рассмотрение ее как истинной (позитивное спряжение) или ложной (негативное спряжение), как главной (изъявительное наклонение) или второстепенной (зависимое наклонение), – *ngihamba*; 4) префиксного аллитерального согласователя, фиксирующего пространственную ориентацию деятельности, т. е. локализирующего деятельность по отношению к некоторому субъекту, – *ngihamba*, и, наконец, 5) инфикса, посредством которого обозначается локализация деятельности во времени, – *ngihamba*. Ни один из этих формантов нельзя опустить, это – обязательные элементы микроконфигурации.

Используя полученные результаты, слово *ngihamba* можно представить в виде следующей композиты:

Схема 1

$$ng + i + h[a]mb + a$$

Линейное упорядочение элементов этой композиты вступает в противоречие с ее структурным составом. Переход от линейного упорядочения к структурному дает микроконфигурацию на схеме 2.

Схема 2

$$M_1 + M_2 + M_3 + M_4 + M_5$$

Все элементы микроконфигурации, как было показано выше, – формально-смысловые единицы: формой является буква (или цепочка букв), значением – грамматическая категория, которая посредством нее манифестируется. На первом месте микроконфигурации стоит элемент M_1 , его формой является цепочка букв *ng*, а значением – категория локальной ориентации действия, формой M_2 служит буква *i*, значением – категория темпоральной ориентации действия, формой M_3 – буква *a*, значением – аспектная характеристика действия, формой M_4 – цепочка букв *h-mb*, значением – характеристика специфики данного типа деятельности в отличие от других типов деятельности, формой M_5 – буква *a*, значением – категория модальности. Это – узлы микроконфигурации.

Переходя к отношениям между узлами, можно выделить связи двух типов: формальные (линейного упорядочения) и смысловые. Формальные связи устанавливаются между формальными составляющими цепочки (т. е. буквами или в устной речи звуками, слогами), смысловые – между элементами, каждый из которых передает ту или иную смысловую категорию. Система формальных связей для данной микроконфигурации (в ее письменном варианте)¹ имеет вид:

Схема 3

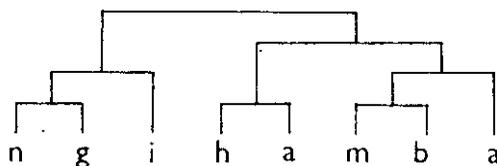
¹ В устном варианте представлены, по крайней мере, две формальные системы: а) элементарные узлы – это слоги; связи устанавливаются между слогами; аналог этой системы на письме:

б) элементарные узлы – это звуки; связи устанавливаются между звуками (аналог этой системы на письме приведен выше);

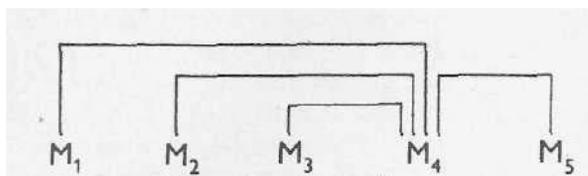
Здесь начальная буква – это ядро формальной микроструктуры, следующая за ней – ее окружение, третья – окружение второй и т. д.¹ Применительно к этой формальной микроструктуре можно говорить об анализе по непосредственным составляющим (аналогично анализу по НС в синтаксисе). Например, учитывая фузию внутри слога, слогоразделы, линейное упорядочение, тон, длину пауз между слогами и ударение, для микроконфигурации *ngihamba* можно получить такую схему анализа по микроструктурным НС:

Схема 4

В системе смысловых связей выделяются, как указывалось выше, компоненты: M_1 , M_2 , M_3 , M_4 , M_5 . При этом M_1 , M_2 , M_3 и M_5 выступают как локальная, аспектная, темпоральная и модальная характеристики деятельности. Сама деятельность фиксируется элементом M_4 . Поэтому естественно признать M_4 ядром смысловой микроструктуры, а M_1 , M_2 , M_3 и M_5 – его окружением.

Схема 5

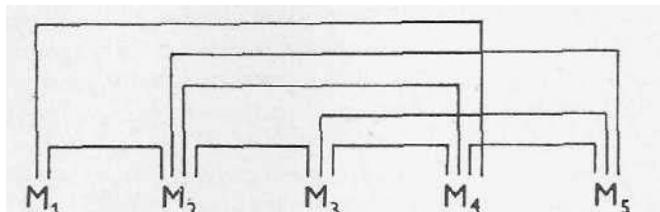

Кроме того, можно отметить корреляцию между аспектным (M_3) и темпоральным (M_2) компонентами (одни временные формы образуются от перфектных основ, другие – от простых). Такая же корреляция наблюдается между M_2 и M_5 : разные наклонения (см. M_5) имеют разные парадигмы временных форм (см. M_2), между M_1 и M_2 (в инфинитиве префикс *uku-* фиксирует одновременно как отсутст-

¹ Для устного варианта конфигурации этот вопрос можно решить так: ядром является ударный слог (*ha*), а его окружением – связанные с ним два других слога (*ngi, mba*).

вие локализации действия, так и его вневременной характер, т. е. единую пространственно-временную неориентированность действия), между M_3 и M_5 (положительное и отрицательное спряжения по-разному реагируют на совершенную и несовершенную основы). В итоге для смысловой микроструктуры получается схема 6.

Схема 6

Наложение смысловых связей на формальные, по-видимому, и дает формально-смысловую единицу, которая изображена на схеме 1. Фактически, корень ($M_3 + M_4$) – это та часть основы, в которой собрана наибольшая часть потенции слова к микросвязям (формальным и смысловым). Поэтому корень (*-hamb-*) можно зафиксировать как стержень слова, а его неизменяемую часть (*-h-mb-*) как ядро этого стержня, или, несколько иначе, неизменяемую часть корня слова можно принять за микроядро, остальные форманты – за его микроокружение.

Кроме обязательных элементов микроконфигурации, встречаются факультативные. Например, в микроструктуру глагола могут входить форманты *-sa-* и *se-*, с помощью которых передается значение, лучше всего интерпретируемое русской оппозицией 'еще'/ 'уже' (ср., например, *si-sa-hamba* 'она еще путешествует' и *se-si-hamba* 'она уже путешествует'). Примеры этого типа позволяют бантуистам говорить о противопоставлении прогрессивной (*-sa-*) и инклюзивной (*se-*) импликаций в зулу. В ряде случаев это противопоставление соответствует оппозиции «несовершенный (*-sa-*) – совершенный (*se-*) вид» в русском языке.

Формант *se-* часто употребляется вместе с формантами *be-* и *-ile*, например, *be-se-si-hamba* 'она уже пришла (недавно, только что)', *si-hamb-ile* 'она пришла (и теперь здесь)', *be-se-si-hamb-ile* 'она уже пришла (только что и теперь здесь)'. Формант *-ile* указывает на констатацию действия по отношению к какому-то определенному моменту (ср. англ. Perfect Tenses). В примерах, приведенных выше,

этот формант передан в русских эквивалентах словом '*сейчас*'. Формант *бе-* передает процессуальность действия: действие как бы фиксируется в виде линии, а не точки. В тех случаях, когда надо выразить процессуальность действия в момент речи, употребляется формант *-ya-*: *si-ya-hamba* '*она идет*' (ср. с англ. Present Continuous Tense).

Другими словами, форманты *-sa-*, *se-*, *-ya-*, *бе-*, *-ile* передают категории, характеризующие деятельность в том же направлении, что аспектно-темпоральная составляющая обязательного окружения ($M_2 + M_3$). Форманты *-sa-*, *se-*, *-ya-*, *бе-*, *-ile* коррелируют с этой составляющей и в формальном плане: например, постановка темпорального *-a-* «запрещает» употребление форманта *ya-*, а темпоральное *-i-* «разрешает» его. Форманты *-sa-*, *se-*, *-ya-*, *бе-*, *-ile* выступают как слуги обязательных мест M_2 и M_3 : они специфицируют значение этих мест и дают возможность передавать все то богатство видо-временных оттенков, которыми отличается зулусский глагол.

В зависимости от конкретных типов корреляции всех аспектных и темпоральных формантов, которые входят в обязательное и факультативное окружение микроядра, образуется система форм видо-временного спряжения глагола.

Аналогично тому, как строится видо-временная характеристика ядра, специфицируется и модальная составляющая. Оппозиция «негатив/позитив», о которой шла речь при исследовании обязательного окружения ядра, характеризует «крайние точки» модальности. Между ними находятся различные промежуточные этапы, фиксируемые формантами факультативного окружения. К ним относятся такие различные типы «смягченного негатива», как возможность, долженствование, желание. Например, с помощью префикса *та-* образуется форма *ta-so-hambe* '*пусть она путешествует*', которую можно рассматривать как форму желательного наклонения. Аналогично инфикс *-nga-* можно считать показателем потенциального наклонения (*si-nga-hamba* '*она может путешествовать*').

Все факультативные форманты, используемые для выражения различных аспектов модальности, зависят от M_5 в формальном и смысловом плане (например, постановка конечной гласной *-a* в обязательном окружении не дает вводить в факультативное окружение префикс *та-*) и коррелируют с факультативными формантами, ко-

торые служат для конкретизации мест $M_2 + M_3$. Факультативные форманты и здесь выступают как слуги обязательных формантов, смысловыми спецификаторами которых они являются. Каждый член обязательного окружения как бы «обрастает» факультативными элементами и выступает в качестве ядра подструктуры, функционирующей для его уточнения.

Выше говорилось о наличии связи между M_3 и M_5 , M_2 и M_3 , M_1 и M_2 , M_2 и M_5 . Факультативные форманты, конкретизирующие эти места, также связаны между собой. В результате их взаимодействия образуется парадигма спряжения глагола в зулу. Кратко эту систему можно охарактеризовать так.

Правила линейного упорядочения формантов, в результате применения которых строятся конкретные типы микроструктур, дают возможность говорить о наличии шести наклонений: инфинитива, императива, изъявительного, зависимого, ситуативного и потенциального. Каждое наклонение состоит из двух подсистем: негативного и позитивного типов спряжения. Подсистемы характеризуются определенными наборами времен, специфицируемых аспектными категориями. Времена имеют парадигмы изменения глаголов по лицам, числам и именным классам¹.

Особое место в парадигме спряжения занимают инфинитив и императив. Инфинитив начинается с префикса *uku-*, аналога субъектного согласователя для этой формы. Префикс *uku-* показывает, что связь с субъектом отсутствует и что время деятельности никак

---

¹ Например, для настоящего времени изъявительного наклонения позитивного типа спряжения эта парадигма состоит из 18 форм – четырех для первого и второго лиц единственного и множественного числа и четырнадцати форм, специфицирующих третье лицо ед. и мн. числа по грамматическим классам имен существительных (ср. с соответствующей русской парадигмой, в состав которой входит только шесть форм, поскольку в третьем лице отсутствует спецификация по родам, аналогами которых в зулу являются грамматические классы). Чтобы составить представление о количестве форм, из которых состоит парадигма спряжения глагола в изъявительном наклонении позитивного типа, надо 18 сначала умножить на 5 (таково количество времен: настоящее, два прошедших – отдаленное и близкое, два будущих – отдаленное и близкое), затем на 8 (количество аспектных спецификаций в каждом времени) – 720 форм. В негативном типе изъявительного наклонения форм меньше – 504. Итого для изъявительного наклонения получается 1224 формы. При учете спряжения по другим наклонениям, парадигма расширяется на 1586 форм. В результате существует 2810 типов микроконфигураций, реализующих взаимодействие описанных выше формантов.

не фиксируется. Говорящий не производит локализацию действия во времени и пространстве, а лишь отмечает ее возможность, т. е. дает деятельности название, соотнесенное с пространственно-временным континуумом в целом, а не с его конкретной точкой или отрезком.

В отношении остальных обязательных мест микроструктура инфинитива не отличается от финитных глаголов: инфинитив передает модальность (ср. *ukuhamba* 'идти' и *ikungahambi* 'не идти'), аспект (ср. *ikungasahambi* 'больше не идти' и *ikungakahambi* 'еще не идти') и специфику деятельности (ср. *ukuhamba* 'идти' и *ukuhlala* 'сидеть').

Для императива показатель связи с субъектом выражается нулевым¹ префиксом и варьированием окончания, присоединяемого к основе (нуль в случае второго лица единственного числа и *ni-* для второго лица множественного числа). Нулевой префикс имеет еще одно значение: он показывает соотнесение деятельности с моментом речи, т. е. аналогично финитным глаголам, формант, предшествующий основе, передает и в императиве пространственно-временную ориентацию действия. Остальные обязательные места микроконфигурации императива описываются, как у инфинитива.

Кроме морфем, участвующих в спряжении глаголов по видам, временам, лицам, числам, грамматическим классам и наклонениям, есть и другие форманты, которые могут входить в микроструктуру глагола. Прежде всего, это – группа аффиксов, которые стоят между корнем и конечным гласным основы. В бантуистике они описываются как суффиксы залогов или деривационных глагольных форм: *-an-*, *-ek-*, *-el-*, *-is-*, *-w-*. Например, вместо *ngihamba* 'я иду' можно сказать *nginhambisa* 'я заставляю его идти, я веду его'.

Значения, которые передают залоговые суффиксы, разнообразны. Но в них есть и нечто общее: они специфицируют деятельность

---

¹ Глагол *ukuhamba* 'идти' имеет основу *-hamba*. В составе слова основа имеет значение, которое по-русски удобнее всего передать корнем 'ид-'. Если *-hamba* употребляется как отдельное слово (*hamba!*), русский перевод будет иным: 'иди!'. Формальная фиксация самостоятельности отражает добавление к смыслу 'ид-' частички, которой 'ид-' отличается от 'иди!'. Несамостоятельность фиксируется слитностью с предыдущим формантом, поэтому отсутствие такой слитности (т. е. нулевой префикс) можно рассматривать как показатель самостоятельности основы, т. е. употребления ее как слова с нулевым префиксом.

по отношению к времени и пространству, соотносят точки обоих континуумов друг с другом. При этом каждый залоговый суффикс передает определенный, только ему присущий тип такого соотношения. Например, суффикс *-an-* фиксирует наличие двух (или более) точек в пространстве, сопоставленных с одним и тем же моментом времени. Конкретная реализация этого типа соотношения в зависимости от контекста дает разные виды совместных и ассоциативных действий (ср. *Usebensa emasimini*. 'Он работает в поле' и *Basebenzana emasimini* 'Они вместе работают в поле'; *Ngimthanda* 'Я люблю его' и *Siyathandana* 'Мы любим друг друга').

С помощью суффикса *-is-* регистрируется¹ соотношение деятельности с двумя точками во времени (начальной и «не начальной») и указывается состояние деятельности по отношению к начальному моменту. В зависимости от контекста выявляются следующие частные значения суффикса *-is-*:

1) репититив – отмечается момент начала деятельности и некоторый момент до него; с каждым из них соотносится один и тот же субъект (одна и та же точка в пространстве), – см., например, в оппозиции: *Ngaqina*. 'Я был крепким, сильным.' – *Ngaziqiniza*. 'Я поправился после болезни', т. е. 'стал крепким снова, после того, как некоторое время крепким не был';

2) интенсив – как следствие того, что фиксируются момент начала деятельности и точка после него; с каждым из этих моментов соотносится один и тот же субъект (см., например, в оппозиции: *Ngiqina*. 'Я настойчив (в работе).' – *Ngiqinisile*. 'Я очень настойчив', т. е. 'я настаиваю и настаиваю с некоторого момента и далее'. Еще более ярко это значение каузативного суффикса проявляется в других языках банту, – например, в суахили: *Walizima moto*. 'Они погасили огонь.' – *Walizimisha moto*. 'Они энергично гасили огонь', *Walichanja kuni*. 'Они нарубили дров.' – *Walichanjisha kuni*. 'Они кололи и кололи дрова';

3) имитатив – как результат того, что выделяется момент начала деятельности, некоторый момент до него и с каждым из них связываются разные субъекты (ср. *Balwa* 'Они дерутся.' – *Balwisa okwezinja*. 'Они дерутся, как (дрались) собаки', т. е. деятельность одних субъектов, происходящая в момент речи, сравнивается с ана-

---

¹ См.: Л. З. Сова. Функции суффикса *-isa* в языке зулу // *Africana IX*. Ленинград, 1971.

логичной деятельностью других субъектов, осуществлявшейся ранее);

4) каузатив, содействие, предваряющее деятельность, ингрессив и другие типы действия, в которых можно выделить «зачинателя» и «продолжателя». Этот тип значения появляется у суффикса *-is-* вследствие того, что регистрируется момент начала деятельности и момент после него. С каждым из них соотносятся разные субъекты. Например, *Ngamakhisa indlu*. 'Я помог ему построить дом' (скажем тем, что ссудил его деньгами заранее; идея совместной одновременной деятельности, как отмечалось выше, передается иными средствами, – с помощью суффикса *-an-*, ср. *Sakhana indlu*. 'Мы вместе строили дом', т. е. 'Я помогал ему в процессе строительства'); *Ngamhlawulisa*. 'Я заставил его уплатить налог'; *Ngamphuzisa*. 'Я напоил его', т. е. 'сделал так, чтобы он напился'; *Ngamkhulumisa*. 'Я заговорил с ним'. Во всех этих примерах начало деятельности связано с одним субъектом, а ее продолжение – с другим, т. е. фиксируются два деятеля, каждый из которых скоординирован с определенной точкой на временной оси.

Суффикс *-ek-* (или его алломорф *-akal-*), как и суффикс *-is-*, служит для фиксации двух точек во времени, но в отличие от *-is-*, суффикс *-ek-* регистрирует не начало деятельности, а ее конец, т. е. соотношение конечной точки деятельности с неконечной. Если конечная точка указывается по отношению к предыдущей, и деятельность в обеих точках сопоставляется с одним и тем же субъектом, возникает возможность изобразить потенцию субъекта к деятельности или состоянию (см., например, *Iyabongeka*. 'Она достойна похвалы'). Если конечная точка соотносится с последующей (при одной и той же пространственной ориентации), возникает значение реализованности, исчерпанности свойства, которое ранее было присуще субъекту, и появления у него с данного момента противоположного свойства (см. например, *Inguibo yonakele*. 'Одежда износилась').

Если пространственных ориентиров два, один из них выступает как причина деятельности второго (проявленная или могущая реализоваться в дальнейшем). Поскольку деятельность сопряжена с конечной точкой, то все, что предшествует этой точке или следует за ней, воспринимается как вспомогательная характеристика деятельности, сама же конечная точка – как главная. Поэтому субъект,

соотнесенный с конечной точкой, оформляется как подлежащее, а субъект, выступающий в роли каузатора (причины), – как дополнение (см., например: *Ngabaxeka ngodaka*. 'Я испачкан грязью'). В других языках банту дело обстоит так же – ср., например, в суахили: *Maembe yalivundika kiva joto*. 'Плоды манго испортились от жары'. В отношении фиксации причины суффикс *-ek-* прямо противоположен суффиксу *-is-*: в одном случае (суффикс *-is-*) подлежащее имеет значение каузатора (причины), в другом (суффикс *-ek-*) – каузируемого объекта.

Суффикс *-el-*, как *-is-* и *-ek-*, фиксирует деятельность по отношению к отрезку на временной оси. Но здесь речь идет о *трех* точках – «срединной» и тех, между которыми она находится. Соотношения между пространственными и временными координатами могут быть нескольких типов. Например, начало деятельности помещается в одну точку пространства, ее конец – в другую, а деятельность как бы «протягивается» в промежутке между ними (см. *Ngagijimela eUganda*. 'Я бежал в Уганду': 'Когда я начал деятельность, я был не в Уганде, а когда кончил ее, оказался в Уганде').

Возможен случай, когда три временные точки соотносятся с тремя различными пространственными координатами, и наоборот, когда им всем соответствует только одна пространственная координата. В последнем случае возникает значение рефлексива – возвращения действия на субъект: от первой точки к промежуточной действие как бы идет в одну сторону («от субъекта»), а от промежуточной поворачивает в обратную сторону и направляется «к субъекту» (ср. *Ngambamba*. 'Я схватил его' и *Ngazibambela*. 'Я спохватился').

Когда мы говорим о начале, продолжении и конце деятельности, то имеем в виду, что направление движения времени («отсчет начала») задано. В зулу этой цели (фиксации направления отсчета времени) служит оппозиция «актив/пассив»: пассив меняет направление, фиксируемое активом, на противоположное. Начало, середина и конец деятельности, регистрируемые по отношению к одной оси (активу), теряют смысл по отношению к оси противоположного направления (пассиву). Этим, по-видимому, объясняется, что суффиксы *-ek-*, *-el-*, *-is-* не присоединяются к суффиксу пассива *-w-*. Наоборот, после того как какая-либо точка зафиксирована, можно «пустить время в любом направлении» и рассматривать эту точку либо

слева направо, либо наоборот. Поэтому к любому из суффиксов *-ek-*, *-el-*, *-is-* можно присоединить суффикс пассива *-w-*.

По характеру отсчета времени пассив противопоставлен не только активу, но также медиальному, каузативному и направительному залогам. При таком подходе последние выступают как разные типы актива. Взаимный залог индифферентен к направленности временной оси (он фиксирует только одну точку на этой оси, а не отрезок). Поэтому суффикс *-an-* может стоять после суффикса пассива и до него, после любого из суффиксов активных залогов и до них (ср. например, *-bonanwa* – *-bonwana*, *-sebenzelana* – *-sebenzanela*, *-hlalisana* – *-hlalanisa* и др.).

Участие залоговых показателей в фиксации пространственно-временной ориентации, типы которой были охарактеризованы выше, представлено в зулу с помощью различных формальных средств. Главным из них является корреляция залоговых показателей с субъектным согласователем (выше было показано, что тот передает пространственно-временную ориентацию деятельности в составе обязательного окружения микроядра). Например, при переходе от исходной формы *Ngisebenza*. '*Я работаю*' к его деривату с суффиксом *-ana-* приходится отмечать множество действующих субъектов, что чаще всего отражается на изменении формы субъектного согласователя (вместо префикса единственного числа *ngi-* ставится, например, префикс множественного числа *si-*: *Sisebenzana*. '*Мы работаем друг с другом*').

Другим формальным средством является введение в микроструктуру еще одного факультативного форманта – объектного согласователя. Как и субъектный согласователь, он служит для фиксации точки, с которой соотносится данная деятельность в пространственном континууме. В отличие от субъектного согласователя, объектный согласователь не передает темпоральной характеристики. Он указывает на локализацию деятельности по отношению к некоторому объекту. Объектный согласователь занимает место, непосредственно предшествующее основе. Вместе с субъектным согласователем он образует субъектно-объектную рамку глагольных префиксов. Постановка объектного согласователя, как и субъектного, коррелирует с залоговыми формантами. Например, прибавление к глагольной основе суффиксов *-el-* и *-is-* приводит, как правило, к введению объектного согласователя в микроструктуру, а суффиксов

-ek-, *-an-* и *-w-* – к изъятию объектного согласователя из микро-структуры.

Спряжение глагола по видо-временной и модальной парадигме осуществляется автоматически – от специфики типа деятельности, передаваемой согласной частью корня, оно непосредственно не зависит. В противоположность этому изменение глагола по «залоговой парадигме» со спецификой типа деятельности связано: деривационные формы глаголов образуются не от всех основ. Различные основы имеют разные наборы залоговых суффиксов. Значение, возникающее при присоединении того или иного суффикса, зависит не только от значения суффикса, но и от значения корня. Этим объясняется многообразие оттенков, которые фиксируются у каждого деривационного суффикса в зависимости от его контекстного употребления. Залоговые форманты выступают не только как сателлиты мест M_1 и M_2 в окружении ядра, но и как непосредственные слуги самого этого ядра (M_4).

По-видимому, еще более тесно связаны с ядром морфемы *-ph-*, *-am-*, *-ath-*, *-ul-*, *-uk-* и т. п. Большинство исследователей рассматривают их как реликты формантов, которые по функциям были близки *-an-*, *-el-*, *-ek-*, *-is-*, *-w-*, но в настоящее время либо полностью слились с корнем, либо образовали с ним лексико-грамматическое единство, в составе которого отдельные категориальные значения компонентов вычленили трудно.

Эти суффиксы передают значения реверсива, контактива, дисперсива (дистрибутива), перфектива (завершенности, полноты деятельности) либо постепенности ее развития, т. е. все параметры деятельности, которые, как и характеристики, фиксируемые суффиксами *-an-*, *-el-*, *-ek-*, *-is-*, *-w-*, можно описать в терминах пространственной и темпоральной составляющей, соотносенных с различными моментами деятельности. Однако эти суффиксы не обладают регулярностью, и выделить их семантические составляющие аналогично тому, как это было сделано для регулярных залоговых суффиксов, трудно. Единственное, что можно сделать, это констатировать, что они, как и залоговые суффиксы, специфицируют места M_1 , M_2 и M_4 и что их лексикализация свидетельствует о тесной связи с M_4 .

Среди способов модификации элементов обязательного окружения можно отметить еще один – редупликацию основы, т. е. мест

$M_3 + M_4 + M_5$. Если значение нередуцированного форманта принять за единицу, можно сказать, что редупликация дает возможность зафиксировать не всю единицу в целом, а только какую-то ее часть. Редупликация выступает как средство уменьшения, ограничения объема значения исходного элемента. Например, если исходный формант передает значение реализации деятельности, редупликация позволяет выразить частичность этой реализации. Если исходный формант обозначает процесс, его удвоение свидетельствует о том, что процесс описывается не весь, а только в отношении какой-то определенной части. Если исходный формант служит для фиксации качества, его редупликация говорит о том, что качество взято не в полном объеме.

Поэтому при редупликации основы, форманты которой передают перечисленные исходные характеристики, появляется возможность описывать малый объем качества, неполноту его реализации и частичность процесса этой реализации. В результате формируется то значение, которое исследователи будут фиксировать как категорию диминутивности (ср., например, такие пары: *-fa* 'умереть' – *-fayifa* 'чувствовать себя плохо', *-gijima* 'бежать' – *-gijigijima* 'едва бежать', *-enza* 'делать' – *-enzaenza* 'делать слегка'). Поскольку при образовании диминутива удваивается не каждый из перечисленных формантов в отдельности, а их группа в целом (происходит редупликация основы или ее части, включающей все перечисленные форманты), можно считать, что здесь представлено средство для спецификации еще одной композиты обязательных мест: $M_3 + M_4 + M_5^1$.

Подведем итоги. Среди формантов факультативного окружения можно выделить несколько подсистем в зависимости от того, какие места обязательного окружения они уточняют. Во-первых, это группа видо-временных формантов, специфицирующих M_2 и M_3 . Во-вторых, модальные морфемы, связанные с M_5 . Обе группы коррелируют между собой и служат для характеристики композиты $M_2 + M_3 + M_5$. В-третьих, залоговые форманты; они дополняют $M_1 + M_2 + M_4$. И, наконец, редупликация как средство спецификации основы позволяет выделить общность $M_3 + M_4 + M_5$.

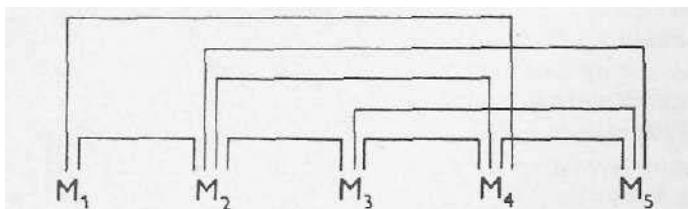
---

¹ В отличие от диминутива, интенсив в зулу образуется на базе залоговых аффиксов, т. е. служит для характеристики другого комплекса обязательных мест: $M_1 + M_2 + M_4$.

Исследование взаимодействия факультативных морфем друг с другом позволяет обязательные форманты разбить на три подсистемы, элементы которых «спаяны» в единства, т. е., благодаря изучению связей между факультативными формантами, появляется возможность говорить о следующих связях между обязательными: M_2 и M_3 , M_2 и M_5 , M_3 и M_5 (на основании композиты $M_2 + M_3 + M_5$), M_2 и M_3 , M_1 и M_2 , M_1 и M_4 (на основании $M_1 + M_2 + M_4$), M_3 и M_4 , M_3 и M_5 , M_4 и M_5 (на основании $M_3 + M_4 + M_5$).

Переноса эти связи на микроструктуру, состоящую из обязательных мест, получаем схему 7.

Схема 7

Сравнение со схемой 6 говорит о полном совпадении результатов, полученных при исследовании обязательного окружения микроядра и факультативного. Это означает, что слово как некоторая структура, т. е. иерархия микросинтагматических связей между микроузлами, имеет четко фиксированный облик, сохраняющийся во всех процессах модификации, которым оно подвергается без превращения его в другое слово.

Факультативные форманты «укрепляют» связи между обязательными формантами, но не меняют их: они как бы прорисовывают контур, который создается обязательными. Поэтому исследование факультативных формантов становится важным средством экспликации элементарных составляющих категорий, передаваемых обязательными формантами, присутствие которых в слове не всегда ощущается исследователем.

На основании вышеизложенного микроструктуру, образуемую глаголами в языке зулу, можно представить в виде таблицы 1 (Микроструктура, выступающая в качестве означающего категории «Глагол в языке зулу»), где индексы мест обозначены символами V_i , их линейное упорядочение

при ядре зафиксировано в нижней строке (–10, –9, и т. д.), а для каждого места отведен столбец с парадигмой форм, посредством которых реализуется категория, являющаяся означаемым данного места.

Распределение формантов по местам осуществлено в таблице 1.

В ячейке V_9 над знаком «0» помещен символ глагольного корня (λ).

Сразу слева от нее (ячейка V_8) расположены морфемы, называемые в бантуистике «объектными согласователями», т. е. морфемы, которые вводятся непосредственно перед корнем и указывают на класс имени, выступающего при данном глаголе в роли «прямого дополнения». Между корнем и объектным согласователем никакие иные морфемы стоять не могут.

Непосредственно перед объектным согласователем (в ячейке V_7) находится один из имплицативных префиксов *-ka-*, *-ya-*, *-sa-*, *-se-* или их последовательность *-seya-*, которая выступает как одна морфема. В каждой строке одной графы представлена одна единственная морфема; эта морфема может состоять из одного или двух аффиксов, которые могут разделяться «посторонней» морфемой, – в этом случае морфема изображена как разрывная (см., например, запись морфемы *-se-il-* или *-se-ya-*) посредством вертикальной черты: одна часть морфемы (*-se-*) занимает место № 8, вторая часть (*-ya-*) – место № 2.

Имплицативные аффиксы и объектный согласователь могут отсутствовать (это – факультативные морфемы), корень – всегда налицо, т. е. места под номерами –1, –2, –8 и +6 могут быть заняты нулевой морфемой (быть свободными), место № 0 занято обязательно.

В ячейке V_6 помещены морфемы времени, которые являются также обязательными для всех наклонений, кроме императива и инфинитива.

В ячейке V_5 стоят морфемы, которые входят в состав аффиксов, называемых субъектными согласователями. Мы приводим только одну морфему для 1-го лица ед. числа первого класса; вместо нее может быть подставлен любой из субъектных согласователей, т. е.

морфема *ng-* выступает в таблице репрезентантом префиксов, называемых субъектными согласователями. В императиве они отсутствуют, в ячейке V_3 это отмечается знаком $\emptyset$.

В ячейке V_4 находятся префиксы наклонений (префиксы, выражающие условность, потенциальность, императивность и т. п. значения).

Префиксы, зарегистрированные в ячейке V_3 , представляют собой морфемы будущего времени, которое образуется посредством префиксов, этимологически представляющих собой вспомогательные глаголы, – этим мы объясняем их способность «прилепяться» к временным морфемам ячейки V_6 , как бы дублируя показатель времени в глаголе.

В ячейке V_2 стоит субъектный согласователь (в таблице дан так же, как в ячейке V_5 , только один субъектный согласователь; вместо него может быть подставлен любой субъектный согласователь). Этот формант повторяет субъектный согласователь из ячейки V_5 в тех случаях, когда дублируется показатель времени, – будущее как бы наслаивается на настоящее.

В ячейке V_1 собраны морфемы «способа отношения к объективной действительности»: морфемы отрицания (циркумфиксы *a-a*, *a-i*, *a-anga*; трансфиксы *nga-i*, *nga-a*; постфиксы *-a*, *-e*, *-i*; *-a*; морфема *-бе-, bengi-*)¹.

---

¹ Эти выводы не соответствуют распределению глагола по видам, временам и наклонениям, проведенному К. М. Доком.

Так, времена, фигурирующие у К. М. Дока под названием Remote Perfect Tense и Immediate Perfect Tense, в данной статье рассматриваются как различные аспекты прошедшего времени. Система аспектов, состоящая у К. М. Дока из бинарной оппозиции «прогрессивная и инклюзивная импликация», расширяется за счет «перфектива», который фигурирует у К. М. Дока в составе каждого из пяти времен: Remote Perfect Tense, Immediate Perfect Tense, Present Perfect Tense, Immediate Future Perfect Tense, Remote Future Perfect Tense.

Результаты данного исследования в значительной степени совпадают с выводами, к которым пришел на основании изучения временной системы изъявительного наклонения Э. Вестфаль (E. L. Westphal. The Indicative Mood and its Classification in Southern Bantu // African Studies. 1945. N 4. V. 4; 2. The Stative Conjugation in Zulu, Sotho and Venda // African Studies. 1950. N 3. V. 9). Э. Вестфаль тоже «изымает» аспекты из временной системы глагола, отмечая наличие двух подсистем (стативные и нестативные глаголы), которые по-разному обозначают время. Однако его выводы относительно противопоставления членов временной системы отличаются от описанных выше. Вестфаль устанавливает тернарную оппозицию: настоящее –

Микроструктура, представленная в таблице 1, является означающим категории «Глагол в языке зулу». Совокупность описанных выше грамматических категорий вместе с категориальным значением микроядра образуют ее означаемое. Поэтому глагол как формально-смысловая категория в языке зулу – это микроструктура, которая может служить для выражения множества грамматических значений времени, аспекта, локальной ориентации, отношения к действительности и специфики действия и которая передает отдельные из этих значений посредством микроконфигураций, соответствующих конкретным глагольным формам (словам)¹.

прошедшее – будущее. Наши материалы говорят о бинарной оппозиции, каждый член которой, в свою очередь, соотносится также с бинарной оппозицией: 1. Осуществляемое или осуществленное относительно момента речи действие (1а. Настоящее – 1б. Прошедшее) – 2. Неосуществленное относительно момента речи действие (2а. Близкое будущее – 1б. Отдаленное будущее). Можно отметить, что пути, на основании которых получены результаты в данном исследовании и у Вестфалья, – различные: Вестфаль опирался на синтагматическую сочетаемость глаголов (например, с наречиями), мы же исходили из парадигматического критерия и микросинтагматической сочетаемости. Оба пути привели к однотипному отграничению времен от видов.

¹ Работа представляет собой фрагмент из моей неопубликованной монографии «Аналитическая морфология языка зулу» (1971). Впервые вышла в виде статьи «Глагол как грамматическая категория в языке зулу» в 1998 г. в сборнике под ред. А. С. Герда «Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5». Отдельные фрагменты опубликованы в статье: Л. З. Сова. Микроструктурный и макроструктурный анализ в морфологии и синтаксисе // Archiv orientální. 1980. N 48. T. 3. С. 217–239.

Таблицы частей речи¹

Таблица 2. Структура существительных (N)²

При- глаго- льные согла- сова- тели (см. струк- туру глаго- ла)	Префиксы определи- тельной и притяжа- тельной фор- мы, циркум- фиксы лока- тива, инст- румента, глагольной формы	Пре- префик- сы именных классов и зва- тельной формы	Префиксы именных классов	Кор- рень	Окон- чание слова	Постфик- сы «жен- ской», дерога- тивной, уменьши- тельной и увеличи- тельной формы	Цир- кум- фикс лока- тива	Час- тицы
-4, -5	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4
<i>ngi</i> <i>aku</i> <i>nga</i> <i>etc.</i>	<i>a</i> <i>ku</i> $\emptyset$	<i>a</i> $\emptyset$	<i>ma (me)</i> <i>ba</i>	λ , $\lambda\lambda$, $\lambda y\lambda$	<i>a, e, i,</i> <i>o,</i> <i>u</i>	$\emptyset$ <i>kazi</i> <i>ana</i> <i>ndini</i>	$\emptyset$ <i>ini</i>	$\emptyset$ <i>ke</i> <i>nje</i> <i>ze</i>
	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>mi, li(ϕ), si,</i> <i>zi, n (ny, m),</i> <i>zin (ziny,</i> <i>zim)</i>					
		<i>o</i>	$\emptyset$					
		<i>u</i>	<i>mu (m),</i> <i>mi (m, ϕ),</i> <i>lu (ϕ), bu (ϕ),</i> <i>ku</i>					
	<i>ka, nga, na</i> <i>ng, y, yi</i>	$\emptyset, e$						
	<i>kwa, wa, ba,</i> <i>ya, la, a, sa, za,</i> <i>lwa, khwa</i>	$\bar{b}, l$						

Примеры: $a+ba+ni+u$, $u+m+nin+i+kazi$, $e+n+kos+an+eni+nje$.

Минимальная цепочка – $ba+ni+u$ (вокативная форма).

¹ Ниже приводятся фрагменты из моей неопубликованной монографии «Аналитическая морфология зулу», в которой описываются девять частей речи (глагол, существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение, союз, междометие, идеофон) и частицы речи, куда входят форманты, энклитики и проклитики, самостоятельно не употребляющиеся. Итоги характеристики частей речи суммируются в таблицах 1–9.

² Сюда также входят числительные, оформляемые как существительные, например: *isi-thupa* '6', *isi-khombisa* '7', *ama-shumi* '10' и т. д.

Таблица 3. Структура прилагательных и релятивов (А)

Пре-префиксы глагольной формы			Префиксы обычной и определенной формы	Корень	Постфиксы уменьшительной, увеличительной и нейтральной формы	Частицы
-4, -5	-3	-2	-1	0	+1	+2
$\emptyset$ <i>a</i> <i>etc.</i> (с.м. таблицу приглагольных показателей)	$\emptyset$ <i>ngi</i> <i>etc.</i> (с.м. таблицу приглагольных показателей)	$\emptyset$ <i>m</i> <i>li</i> <i>si</i> <i>lu</i> <i>bi</i> <i>ba</i> <i>mi</i> <i>ta</i> <i>zi</i> №	$\emptyset$ <i>om(o)</i> <i>eli</i> <i>esi</i> <i>em(e)</i> <i>en</i> <i>olu</i> <i>оби</i> <i>оки</i> <i>аба</i> <i>emi (e)</i> <i>ama (a)</i> <i>ezi</i> № (<i>ezi</i>)	$\lambda, \lambda\lambda$	$\emptyset$ <i>a</i> <i>yana</i> <i>ana</i> <i>kazi</i> <i>lazi</i>	$\emptyset$ <i>nje</i>

Например: *a+ngi+m+khulu*, *e+n+khulu+kazi*, *e+ta+daka+da*.

Таблица 4. Структура числительных и перечислительных местоимений (PN)

Префиксы релятивной и копулятивной формы	Префиксы локативной, взаимной, инструментальной, эnumerативной и прономинальной формы	Префиксы эnumerативной, адъективной и прономинальной формы	Корень	Словообразовательные суффиксы («диминутив»)	Частицы
-3	-2	-1	0		+1
$\emptyset$ <i>ngi</i> <i>и</i> <i>e</i> <i>o</i> <i>a</i> <i>besi, si, sibe, aka</i> <i>etc.</i> (с.м. форманты приглагольного согласования)	$\emptyset$ <i>na</i> <i>nga</i> <i>ka</i> <i>ke</i> <i>we, ye, wo, lo, so, yo, ko, bo, zo</i> <i>ба, si, mi</i>	$\emptyset$ <i>ngo, we, ye, wo, lo, so, yo, ko, no, bo, o, zo</i> <i>ба, si, mi, tu, ба, mi, li, ma, si, zi, i, lu, би, ku, m, б, l, s, z</i> <i>пха</i>	$\lambda, \lambda\lambda$ <i>(nye, bili, nke, dwa)</i>	$\emptyset$ <i>ana</i> <i>yana</i> <i>wana</i> <i>a</i> <i>e</i> <i>i</i>	$\emptyset$ <i>ke</i> <i>nje</i> <i>ze</i>

Например: *so+dwa*, *si+nye*, *so+ба+bili*, *mi+nye+nye*, *ng+onk+ana*, *nga+бо+dw+e*.

Таблица 5. Структура наречий (Ad)

Префиксы глагольной формы	Префиксы определенной и па-, nga-, ka-, kw-форм	Корень	Словообразовательные суффиксы (димиинутив и др.)		Частицы
-2	-1	0	+1	+2	+30
φ, ngu, yi, kwa, nga, se (см. также прилагательные показатели)	φ, na, nga, kwa, a, e, la, ya, wa, sa, za, ba, ezi, nje	λ, λλ, λλλ	φ ana, azana, anyana, ane, eni	eni	φ nje

Например: yi+khona, si+se+khaya, n+e+ndlela, ka+nci+nci+nci, ebusukw+an+eni.

Таблица 6. Структура абсолютных, притяжательных и указательных местоимений (P)

Префиксы релятивной, копулятивной и притяжательной формы	Префиксы локативной, взаимной, инструментальной, указательной и притяжательной формы	Приместоменный согласователь	Корень	Частицы
-3	-2	-1	0	+1
φ ngu yi, i u e a	φ ku kwa kwe nga na ба, la, wa, ya, sa, za, lwa, kwa la, le	mi, we, ye, wo, lo, so, yo, kho, thi, ni, бо, zo nge, we, ye, wo, lo, so, no, o, kho	λ φ, na	φ ke nje ze ya yana

Например: na+mi, ki+mi+na+nje, a+wa+mi, le+zi+ya.

Таблица 7. Структура союзов (K)

Префиксы		Корень	Суффиксы	Частицы
-2	-1	0	+1	+2
φ, nje, na, ku, nga, o	φ, no, ngo, njenga, ko, ke, la	λ, λλ, сокращенный корень	φ, kazi, ze, eni, ni, na, shane, shana	φ, ke,

Например: ngoba, nga+ngo+куба, o+ko+куба, ngo+kub+eni, иба (от икуба).

Таблица 8. Структура междометий

Префиксы	Корень	Словообразова- тельные суф- фиксы («дими- нутив»)	Усилительные и уменьшитель- ные частицы	Усилительные частицы («ин- тенсив»)
-1	0	+1	+2	+3
ø, i	λ, λλ	ø, la, yi, zi, u, бе, shane, phe, se	ø, λ, бо, ке, бо- ке, бо-бо ne	ø, nje

Например: *hala+hala, hhashi+la, hha+yi+бо, hha+yi+hha, i+shi+ke+nje*.

Таблица 9. Структура идеофононов (I)

Корень	Частицы
0	+1
λ, λλ, λλλ	nje

Например: *bu:, bu:bu:bu.*

Идеофоны

Идеофон – это часть речи, которая отсутствует в индоевропейских языках и является отличительной чертой большинства африканских языков¹. Кроме того, имеются идеофоны в языках тюркских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских, монгольском, корейском и японском.

В языке зулу идеофонов очень много; они довольно часто встречаются, а в словаре эта часть речи занимает по количеству входящих в нее элементов третье место (после глаголов и имен): на десять тысяч словоформ приходится около тысячи идеофонов. Значительная часть глаголов языка зулу образована от идеофонов (с помощью суффиксов *-ka*, *-la*, *-za*), имеется много параллелей между идеофонами и основами имен².

Существует четыре возможности ввести идеофон в предложение.

1. К идеофону добавляется суффикс, и идеофон превращается в глагольную основу, которая функционирует в предложении так же, как и другие основы глаголов: посредством соединения основы с формантами, являющимися показателями синтаксических функций, которые выполняет данное слово в предложении. Например: к идеофону *даби*, обозначающему 'разрывность', прибавляется суффикс *-ка*, и *даби* превращается в *-дабика* 'разорваться', 'быть разорванным'. Глагол *-дабика* оформляется теми же показателями, что и другие глаголы, например субъектным согласователем, указывающим на класс имени, которое выступает в роли подлежащего. Так, '*Рубашка (1) разорвалась (2)*' можно перевести на зулу предложением: *Ihembe (1) ladabika (2)*, в котором в глагол *-дабика* введен субъектный согласователь *la-* по классу имени *ihembe*.

---

¹ К. Док (С. М. Doke) в работе "Bantu Linguistic Terminology" (London, 1935. С. 118) дает следующее определение идеофонов: "A vivid representation of an idea in sound. A word, often onomatopoeic, which describes a predicate, qualitative or adverb in respect to manner, color, sound, smell, action, state or intensity".

² Ход деривации не всегда ясен; по-видимому, возможны все три решения: 1) имя от идеофона, б) идеофон от имени, в) синкретичное слово, которое в одних условиях употребляется как имя, в других – как идеофон.

В зависимости от типа суффикса, идеофон становится переходным, каузативным, медио-пассивным или направительным (ср., например: *-dabuka* 'разорваться' – *-dabula* 'разорвать'; *-boboка* 'проколоться' – *-boboza* 'проколоть' и т. п.).

2. Идеофон вводится в предложение посредством глагола *-thi*. Проиллюстрировать этот процесс можно на примере таких словосочетаний глагола *-thi* с идеофонами: идеофон 'белизна' *the: wathi the* 'стал белым'; идеофон 'дерганье' *hluthu: wathi hluthu* 'дергал'; идеофон 'исчезание' *lóci: wathi lóci* 'исчез'; идеофон 'ничего' *nye: wathi nye* 'ничего не случилось'.

Употребляясь с идеофоном, глагол *-thi* превращается в связку без лексического значения. Единственной его функцией становится оформление идеофона показателями времени, наклонения, аспекта и синтаксических связей. Например, идеофон *cwe*, введенный в предложение посредством глагола *-thi*, вместе с этим глаголом переводится 'искричься': *Ummfula(1)uthi(2) cwe(3)*. 'Река (1) искрилась (2 + 3)'. Показатель класса слова *umfula* вводится в глагол *-thi* в виде префикса *u-*, идеофон остается аморфным. В глагол *-thi* также вводится показатель времени и аспекта действия [ср.: *Ummfula (1) wathi (2) cwe (3)*. 'Река (1) искрилась (2 + 3)'].

Выступая в качестве связки, *-thi* может оформляться морфологически так, как это «нужно идеофону». Например, это могут быть формы времен любого из наклонений, а также безличные и релятивные образования: *uthi, wathi, uthe, athe, kuthi, ukuthi, ngokuthi, musa ukuthi*. Так, в предложении *Kuthi (1) béfe (2) enzansi (3)*. 'На востоке (3) алеет (1+2)' глагол *-thi* стоит в безличной форме. В предложении *Inkonjane (1) iyathanda (2) ukuthi (3) siu (4) phezu (5) kwamanzi (6)*. 'Ласточкам (1) нравится (2) скользить (3 + 4) над (5) поверхностью (6) воды (6)' глагол *-thi* стоит в инфинитиве. В предложении *Musa (1) ukulithi (2) chíthe-chíthe (3) ifa (4) likayihlo (5)*. 'He (1) проматывай (2+3) наследство (4) отца (5)' глагол *-thi* стоит в негативной форме императива. Не является редкостью в этой функции и пассив от глагола *-thi*. Например: в предложении *Kuhlalwa (1) kuthiwe (2) chéme (3) nxa (4) kubenywa (5) igudu (6)*. 'Сидели (1) полукругом (2 + 3), когда (4) закурили (5) коноплю (6)' идеофон *chéme* вводится глаголом *-thi*, стоящим в пассивной форме *thiwe*; субъектный согласователь (как и при других глаголах, стоящих в пассивной форме *kuhlalwa, kubenywa*) указывает на неопределенный характер

деятелей (ср. с неопределенно-личными формами глаголов в русских предложениях типа 'Говорят, что...', 'Считают, что...').

При употреблении с идеофоном глагол *-thi* становится переходным или непереходным в зависимости от идеофона, с которым связан. Так, например, в словосочетании *sathi swe* 'она искрилась' в глагол *-thi* нельзя ввести объектный согласователь, так как *swe* превращает *-thi* в непереходный глагол. В словосочетании *wathi hlúthu* 'он дернул' в глагол *-thi* можно ввести объектный согласователь, т. е. *hlúthu* делает *-thi* переходным глаголом: *wasithi hlúthu* 'он дернул ее' (ср. также: *Wathi so, so, so.* 'Он пофыркивал: "цо, цо, цо"' и *Wawuthi bu:bu:bu.* 'Он сбивал его: "бу, бу, бу"').

По-видимому, глагол *-thi* может приобретать любое синтаксическое окружение, которое «нужно идеофону». Например, это могут быть имена в префиксных формах на *na-*, *nga-*, *ng-*, *ku-*, локативные формы имен, наречия, инфинитивы, придаточные предложения, – в общем, все те формальные типы, которые можно выделить в языке зулу¹. Вероятно, к любому классу глаголов можно подобрать аналитические сказуемые (глагол *-thi* + идеофон), имеющие ту же валентность, что и глаголы данного класса.

Представление о палитре идеофона как синтаксического преобразователя лучше всего можно составить на основании следующих иллюстраций из текстов: *ukuthiwa dlu ngamewa* 'быть проткнутым колючками' (форма имени с префиксом *nga-*); *athi bábaba emifantwini* 'вода вскипала в ущельях' (локативная форма имени); *Báthi béngu nezihlangi* забо. 'Они прикрылись своими щитами' (имя с префиксом *na-*); *Indlu ithé bídli ngitoya.* 'Дом снесло ветром' (копулятивная форма имени); *Lathi báca kotinuye.* 'Он бросил тень на другого' (форма имени с префиксом *ku-*); *Sathi bibi phansi.* 'Она расплескалась по полу' ('внизу' – наречие); *Izwe lakhe lihté cupha ukufika emHlathuze.* 'Его земля вплотную подходила к реке Хлатузе' (инфинитив от глагола *ukufika* 'приходить', 'подходить'); *Walithi baa izwe.* 'Огонь обнажил землю' (основная форма имени); *Ungceda uthi bándе ita itgwadla.* 'Толубь нырнет, если ты бросишь в него камнем' (придаточное предложение, вводимое союзом *ita*); *Izimbali ziihi bédu imibala ngemibala.* 'Цветы распускаются один за другим' (сло-

---

¹ См.: Л. З. Сова. Конфигурационный синтаксис языка зулу. Ч. 1. Л., 1968. С. 18-19.

восочетание двух имен, одно из которых стоит в основной форме, а другое – в форме с префиксом *nga-*).

3. Идеофон вводится в предложение посредством любого глагола и копулятива, сходного с ним по значению. В отличие от глагола *-thi*, глагол, вводящий идеофон, не только не утрачивает своего собственного значения, но, наоборот, превращает идеофон в служебное слово, посредством которого как бы интенсифицируется глагольная или копулятивная основа (внимание акцентируется не на связях данного слова с другими словами, а на значении основы), например: *Wathula*. 'Он молчал', *Wathula du*. 'Он был нем, как рыба'; *Igcwele ngabantu*. 'Дом полон народу', *Igcwele swi ngabantu*. 'Дом, полнехонек'; *kuluhlaza* 'это – голубое', *kuluhlaza cwe* 'это – ярко-голубое'.

Примеры этого типа очень редки по сравнению с теми, которые рассматривались выше.

4. Еще более редки случаи, когда идеофон употребляется самостоятельно или выступает как «хозяин» других слов. В моей картотеке есть только два таких примера (всего случаев употребления идеофонов больше тысячи). Оба примера взяты из словаря К. Дока¹: *Sába-sába* (1) *amathonzi* (2) *ayatika* (3). 'Кап-кап (1), сбегают (3) крупные (2) капли (2)' и *Vekimetywe* (1) *umhlangano* (2) *kodwa* (3) *do* (4) *amadoda* (5). 'Собрание(2) созвано (1), но (3) мужчин (5) нет (4)'.

В первом предложении идеофон *sába* (в редуцированной форме) образует самостоятельное высказывание, соотносимое с остальной частью предложения по тому же типу, что прямая речь и слова автора. Посредством идеофона как бы передается ситуация в целом, не членимая на субъект и предикат, – аналогично тому, как это происходит при употреблении междометий.

Функционирование идеофона во втором предложении также отличается от всех рассмотренных ранее случаев: здесь идеофон выступает в роли «хозяина», от которого зависит слово *amadoda* (зависимость понимается в смысловом плане, поскольку формальных показателей, свидетельствующих о зависимости в формальном плане, нет).

Таким образом, при употреблении идеофонов мы наблюдаем две противоположные тенденции: с одной стороны, идеофон «закрепо-

---

¹ См.: С. М. Доке, В. В. Vilakazi, Zulu-English Dictionary. Johannesburg, 1959.

щает» глагол (*-thi*), почти превращая его в морфему (случай 2); с другой стороны (случай 3), глагол (любой, кроме *-thi*) «закрепощает» идеофон, сводя его до положения усилительной частицы (морфемы). Между этими двумя случаями стоят факты употребления идеофонов в роли самостоятельных слов (случаи 1 и 4).

Таковы синтаксические особенности употребления идеофонов. Уже одних этих особенностей достаточно, чтобы выделить идеофоны в самостоятельную группу. Однако, чтобы считать эту группу определенной частью речи (т. е. морфологическим классом слов), мало проанализировать их синтаксические функции. Надо установить их общность в морфологическом плане. Для этого надо выяснить, какие грамматические категории им свойственны и с помощью каких формальных средств они манифестируются.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы говорят, что идеофоны могут передавать грамматические категории только двух типов: формой выражения категорий первого типа является редупликация корня, формой выражения категорий второго типа – энклитика *-nje*. Иначе говоря, микросинтагматическая структура идеофона состоит из корня (иногда удвоенного или утроенного) и энклитики *-nje*: никакие иные форманты в состав идеофона входить не могут.

Употребление идеофонов с энклитикой *-nje* подчиняется тем же законам, что и употребление с ней других частей речи. Энклитика *nje* – это своего рода эмфаза на значении корня слова. С ее помощью как бы осуществляется противопоставление данного корня другим корням: *Uhlezi-nje*. 'Он сидел' (просто сидел, а не шел или, скажем, читал); *Bawuthula ngamanzi-nje*. 'Они облили его водой' (именно водой, не чем-то иным).

В тех случаях, когда сказуемое выражено словосочетанием глагола *-thi* и идеофона, энклитика *-nje* может присоединяться к любой части сказуемого – к *-thi* или к идеофону. Присоединение к *-thi* приводит к подчеркиванию значения, связываемого с глаголом *-thi*; общее значение словосочетания *-thi + -nje* в этом случае лучше всего передается русским оборотом 'только и делает, что' (далее следует перевод идеофона): *UFaku (1) kafuni (2) ukuse benza (3) usimze (4) athi-nje (5) búlakasha (6) phansi (7)*. 'Факу (1) не (2) хочет (2) ра-

ботать (3), а [просто (4)] только (5) и (5) делает (5), что (5) валяется (6) на (7) земле (7)'.

Присоединение энклитики *-nje* к идеофону приводит к усилению значения идеофона и ослаблению значения лексемы глагола *-thi*. Поэтому, если слияние *-thi* с *-nje* дает право говорить о противопоставлении значений 'делать' и 'не делать' ('не хочет работать, а хочет бездельничать'), то присоединение *-nje* к идеофону выделяет другой смысловой аспект: 'именно валяется, а не лежит, например, или сидит': *UFaku (1) kafuni (2) ukuhlala (3) kodwa (4) athi (5) b'lakasha-nje (6) phansi (7)*. 'Факу (1) не (2) хочет (2) сидеть (3), а (4) вместо (6) этого (6) валяется (5 + 6) на (7) земле (7)'

Интересно также сравнить два следующих предложения: *Uke (1) wathi (2) céze-nje (3) ngokukhuluma (4) uубабона (5)*. 'He (1) делай (2) ошибку (3) в (4) докладе (4) – они (5) тебе (5) покажут (5)! (за то, что есть ошибки)' (акцент на идеофоне), *Uke (1) wathi-nje (2) céze (3) ngokukhuluma (4) uубабона (5)*. 'He (1) делай (2) докладов (4) с (4) ошибками (3) – они (5) тебе (5) покажут (5)! [за то, что ты делаешь такие доклады]' (акцент на *-thi*).

Кроме присоединения энклитики *-nje*, идеофонам свойствен еще один грамматический прием – удвоение или утроение корня. С помощью редупликации передается своего рода множественное число того признака, который описывается лексемой идеофона. Сравнивая значения редуплицированных и исходных форм, можно отметить, что редупликация создает возможность передавать более интенсивные действия или переходить от однократных действий к многократным. Если простой корень передает одно действие (или состояние) одного предмета, редуплицированный корень может передавать действие нескольких предметов или деятельность одного предмета, реализующего состояние несколько раз.

С помощью редупликации увеличение деятельности может фиксироваться в разных направлениях: а) по линии увеличения продолжительности временного интервала, б) в отношении числа объектов, в) за счет интенсивности или количества действия, г) в связи с переходом от потенциальных возможностей (свойств) к их реализациям в виде отдельных процессов, например: *dángu 'огонь горит', d'angu-d'angu 'огонь горит и горит', bába 'хлопает крыльями', bába-bába 'хлопает и хлопает'; báne 'вспышка света', báne-báne 'зарница'*

(вспышки света); *báku* 'хлопать', 'трепетать', 'быть в возбуждении', *báku-báku* '(птица) бьется в ловушке'; *báshu* 'ожог', 'дыра в шкуре', *báshu-báshu* 'латать дыры', 'расти группками', 'выгореть местами', 'сеять местами'; *bi* 'выбить, сбить огонь с веток', *bi:bi:bi* 'выбивать, сбивать огонь и раз, и другой, и третий'; *bíhli* 'плакать', 'слезать' (о штукатурке), *bíhli-bíhli* '(штукатурка) слезла повсюду'; *bádu* 'иметь пятно', 'быть пятном', *bádu-bádu* 'иметь пятна', 'отмечать пятнами', 'быть пятнистым'; *báhu* 'ударить плетью', *báhu-báhu* 'шум выбивания ковра или дубления кож'; *cífi* 'моргнуть от яркого света', *cífi-cífi* 'моргать в дыму'.

Не менее своеобразны идеофоны с точки зрения фонологии. Огромную роль при их характеристике играет тон: многие идеофоны отличаются от корней других слов (чаще всего имен) только тоном. По-видимому, тип тонограмм¹ не менее важный выделительный признак этой части речи, чем синтаксико-морфологические особенности, о которых шла речь выше. И, наконец, последнее: нет ни одного идеофона, который начинался бы на гласную или кончался бы на согласную².

---

¹ Подробную характеристику силлабо-тонической структуры идеофонов см. в работе: С. М. Doke. Text-book of Zulu Grammar. London, 1931. С. 238–251.

² Работа является фрагментом моей неопубликованной монографии «Аналитическая морфология языка зулу». Вышла под названием: Л. З. Сова. Идеофоны в языке зулу // Основные проблемы африканистики. М., 1973. С. 372–377.

ЧАСТЬ 2. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Тезисы докладов

Локализация событий во времени и пространстве зулусской сказки

1. Рассматривая сказки и легенды народов, говорящих на языках банту, и в частности зулусские сказки, можно выделить художественные средства, которые создают иллюзию достоверности (за счет локализации объекта: а) во времени и б) в пространстве), и средства, которые придают произведению эффект сказочности (за счет снятия локализации объекта: а) во времени или б) в пространстве):

а) ограничение *времени* события достигается путей перечисления ряда последовательных, привычных действий в паратактических конструкциях. Той же цели служат формулы перехода от одной ситуации к другой;

б) для ограничения *пространства* события обычно используются сочинительные словосочетания существительных, обозначающих предметы одного и того же семантического поля (например, синонимы и антонимы); подчинительные словосочетания существительных, одно из которых фиксирует ограничение признака в другом; определительные конструкции, где сужение сферы признаков, связываемых с данным существительным, осуществляется за счет употребления его с эпитетом или каким-либо другим конкретизатором (формулы, устойчивые словосочетания, многочленные имена).

2. Эффект отсутствия локализации событий во времени строится на разного рода повторах их темпоральных характеристик (редупликация глагольной формы, параллелизм синтаксических конструкций, употребление определенных обстоятельств времени), поскольку с помощью этих приемов событие представляется как длящееся во времени, граница которого не указывается, и все внимание говорящего концентрируется на специфике самого события, а не на реальности его осуществления. Анафора и эпифора создают эффект растянутости, неопределенности не только временных, но и пространственных границ события.

3. Приложения, выступающие в роли определений к существительным, и постоянные эпитеты фиксируют признак как некое неотъемлемое, неизменное свойство предмета. Предмет, охарактеризованный на основании таких признаков, воспринимается как явление, застывшее во времени,

т. е. как бы находящееся вне реального времени: так растянутость временных границ перерастает в панхронизм, и герои сказок воспринимаются как существующие вечно, всегда. Этот эффект усиливают и такие особенности сказок, как отсутствие абсолютной хронологии событий (т. е. определенного пласта обстоятельственной лексики) и архаизмы.

Столкновение перечисленных приемов создает своеобразное равновесие правды и вымысла в сказке: с одной стороны, вымышленным персонажам придается реальность, с другой – идеи сказки начинают звучать как панхронические, существующие вне какого-либо конкретного времени и пространства – «всегда и для всех»¹.

Категория залога в языках банту.

Цель доклада: построить определение залога как грамматической категории языка зулу и на примере трех терминов («каузативный залог в языке зулу», «залог в языке зулу», «залог в языках банту») показать, какими возможностями мы располагаем при создании типологии языков банту в виде иерархической системы лингвистических определений². Определение категории залога дается в двух планах – содержания и выражения. Материалом служат примеры употребления залоговых суффиксов в текстах на языках зулу, суахили, луганда, лингала и др.

Категория залога в языке зулу

В докладе описываются метод и результаты исследования, проведенного для построения апостериорного определения категории залога в языке зулу на основании анализа контекстов, в которых функционируют залоговые форманты. Исследование начинается с регистрации значений, присущих каждому залоговому форманту (например, суффиксу каузативного залога *-isa*) в текстах на языке зулу. Затем устанавливается семантический признак, инвариантный для данного форманта и реализующийся в любом контексте. Этот признак рассматривается в качестве «общего значения» того залога, формой выражения которого является контрольный формант. Общее значение каждого залога отделяется от специфических значений, обуславливаемых конкретными контекстами. После этого проводится исследование общих значений всех залогов и выделяется семантический признак, инвариантный для всех залоговых формантов. Этот признак, абстрагированный от признаков всех залогов языка зулу, принимается в ка-

---

¹ Доклад прочитан на конференции «Актуальные проблемы развития языков и литератур Африки» в октябре 1975 г. Тезисы опубликованы в «Тезисах первой научной конференции Восточного факультета по африканистике». Ленинград, 1975. С. 34.

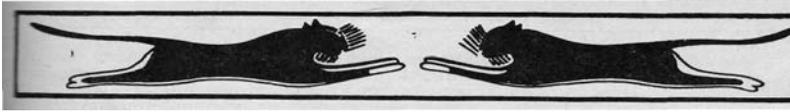
² См.: Иерархия грамматических категорий при построении теории залога // Народы Азии и Африки. 1975. № 1. С. 181–185.

честве определения категории залога как грамматической категории языка зулу. Результатом является определение: залог – это категория, которая позволяет фиксировать действие как некий объект, «растянутый во времени» и пространстве процесса отражения объективной действительности и локализованный в «пространстве» этого процесса с помощью «меток» о начале, середине и конце глагольного действия, а во времени – с помощью индекса о направлении отсчета «пространственных меток»: от третьей метки к первой – в пассиве и от первой к третьей – в остальных залогах (пассив является средством ретроспективного описания процесса деятельности, а остальные залогов – средством проспективного описания этого процесса)¹.

---

¹ Доклад прочитан на конференции «Актуальные проблемы развития языков и литератур Африки» в октябре 1975 г. Тезисы опубликованы в «Тезисах первой научной конференции Восточного факультета по африканистике». Ленинград, 1975. С. 34.

Заметки о Словнике африканских языков в издании «Языки и диалекты мира. Проспект и словник» / АН СССР, Институт языкознания. Отв. ред. В. Н. Ярцева. (М., 1982). 208 с.

1. В монографии «Языки и диалекты мира. Проспект и словник» (М., 1982) страницы 124–156, в соответствии с точкой зрения составителей Словника, посвящены африканским языкам, хотя здесь перечисляется не все африканские языки, а только их часть. Другая часть разбросана не по африканским семьям и находится в иных местах Словника. Например, на с. 39–43 приводятся чадские языки, которые входят в «Афразийские языки» и описываются после «Тайских языков» непосредственно перед «Аустроазиатскими языками». Соседями остальных африканских языков являются «Языки Австралии и Тасмании» и «Индийские языки».

Не останавливаясь на том, почему языковые семьи упорядочены не в алфавитном или географическом порядке, как это принято в других изданиях, имеющих дело со словниками языков мира, и принимая в качестве наиболее удобной для составителей Словника охарактеризованную ими в Предисловии позицию европоцентризма, находящуюся в полном соответствии с новейшими зарубежными исследованиями, которые ставят во главу угла любого описания и классификации языковых объектов принцип «удобства», обратимся к анализу Словника африканских языков, представленного в издании. Редактором этой части Словника, как отмечается на с. 17, является Н. В. Охотина.

Отметим, что, хотя это нигде не оговорено особо, упорядочение языков произведено в Словнике африканских языков опять-таки не по алфавиту, а в некотором порядке. Абрис классификации, которая стоит за этим порядком, легко воссоздается. Это – несколько измененная, хотя об этом нигде не говорится, классификация Дж. Гринберга, опубликованная им в 1963 г.¹ В качестве основополагающей,

---

¹ J. H. Greenberg. The languages of Africa // International Journal of American Linguistics. Baltimore, 29.01.1963 (Publication 25 of the Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics). J. H. Greenberg. The languages of Africa. Bloomington, 1963.

эта классификация была принята для описания африканских языков в седьмом томе энциклопедии: *Current Trends in Linguistics*. Ed. by T. A. Sebeok. V. 7. *Linguistics in Sub-Saharan Africa*. Mouton. The Hague – Paris, 1971. Этот том был издан в 1971 г., т. е. до выхода ряда важнейших исследований по африканистике, знакомство с которыми необходимо для составления словника африканских языков и их классификации в наши дни¹.

Однако даже с позиции вчерашнего дня не все в рецензируемом Словнике безупречно. Например, Дж. Гринберг в составе африканских языков выделяет не три, как авторы рецензируемого Словника, а четыре группы африканских языков: 1. Конго-Кордофанские, 2. Нило-Сахарские, 3. Афроазиатские и 4. Койсанские. Конго-Кордофанские делятся им на языки Нигер-Конго и Кордофанские. Первая из этих семей состоит из 6 ветвей, вторая – из 5 (в рецензируемом Словнике рубрикация первой семьи произведена, второй – нет). Афроазиатские (афразийские) языки, как у Дж. Гринберга, распределены на 5 семей (семитские, египетские, берберские, кушитские и чадские языки), а соотношение остальных африканских языков, без каких-либо комментариев, изменено. Так, Нило-Сахарские языки у Дж. Гринберга включают 6 семей: Сонгаи, Сахарские, Маба, Фур, Кома и Шари-Нильские, причем последняя ветвь распадается, в свою очередь, на Восточносуданские, Центральносуданские, Берта и Кунама. Поэтому у Дж. Гринберга Шари-Нильские языки и Сонгаи или Сахарские стоят на одном ярусе иерархии, а Восточносуданские – на другом.

В отличие от этого, в рецензируемом Словнике Шари-Нильские языки являются ветвью Нило-Сахарских, а так как в рубрику Нило-Сахарских включены и Сахарские, и Сонгаи, то Шари-Нильские языки оказываются «в подчинении» не только у Нило-Сахарских, но и у Сонгаи, и у Сахарских. Вместо Нило-Сахарской группы с шестью языковыми семьями на более низком ярусе иерархии у

---

¹ См., например: M. Guthrie. *Comparative Bantu. An Introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages*. Gregg International Publications. Gregg Press Ltd, Westmead. V. 1–4. 1967–1971; *Actes du Colloque International du CNRS. Viviers (France)*. 4–16 avril 1977. V. 1–3. SELAF. Paris, 1980; *Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique Subsaharienne, Pidgins et Créoles*. Cartes. Éditions du CNRS. 1981, а также статьи, вошедшие в седьмой том указанной энциклопедии, и многие другие работы, опубликованные за последние 20 лет.

Дж. Гринберга, в рецензируемом Словнике появилась Нило-Сахарская группа, «распадающаяся» на следующем ярусе иерархии на «одну» языковую семью: «Шари-Нильские языки», включающую восточносуданские, нубийские, нилотские и центральносуданские.

Не лучше обстоит дело с койсанскими языками: вместо трех ветвей койсанских языков, выделяемых Дж. Гринбергом и другими исследователями, – Южноафриканских койсанских языков, Сандаве и Хатса, – появилась одна группа: «Койсанские языки (включая бушменские и готтентотские)». Это название можно сравнить, например, с таким: «Индоевропейские языки (включая индоевропейские языки)», поскольку термин «койсанские» состоит из корней готтентотских слов *khoi* (самоназвания готтентотов) и *san* (так называют готтентоты бушменов). Служит этот термин для обозначения языковой семьи, в состав которой входят, с одной стороны, готтентотские и типологически близкие им бушменские языки *khoi*, и с другой – остальные бушменские (*san*) языки, а также сандаве и хатса¹.

---

¹ См., например: Current Trends in Linguistics. Ed. by T. A. Sebeok. V. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. Mouton. The Hague – Paris. 1971. С. 14 или V. Krupa, J. Genzor, L. Drozdík. Jazyky sveta. Malá moderná encyklopedia. Bratislava, 1983. С. 409. Это толкование подтверждают следующие иллюстрации из готтентотского языка нама: *khoi-p* 'мужчина' – *khoi-s* 'женщина' – *khoi-i* 'человек' – *khoi-n* 'люди' (см. корень *khoi*) и *sa-p* 'бушмен' – *sa-n* 'бушмены'. В слове *kxoeb* [kxhoip] *kh* обозначает глухую веларную сильно аспирированную аффрикату со слабой фрикативностью, *oi* – дифтонгоид, который произносится как [oi] или [oe], и *p* – глухой смычный, который произносится со слабой эксплозией или вообще без эксплозии и передается на письме буквами *b*, *w* (Krönlein), *b*, *p* (Tindall), *b* (Schultze), *b*, *v* (Meinhof), *p* (Beach).

Как отмечает Вестфаль (Е. О. J. Westphal. The Click Languages of Southern and Eastern Africa // Current Trends in Linguistics. Ed. by T. Sebeok. V. 7. . Mouton. The Hague – Paris, 1971. P. 386) слова *Khoïn* и *San* (или *Sân*) сопоставляются давно: *Khoïn* переводилось 'готтентоты', *San* – 'бушмены'. Л. Шульце (1907) употребил этот термин в антропологических целях. С 1921 г. появился термин *Khoïn* для обозначения не-банту языков, описанных Дрекслем, а с 1930 г. – термин *Khoisan family* (I. Shapera. The Khoisan languages. The Khoisan peoples of South Africa. London, Routledge, 1930). Вестфаль в термин *койсанский* вкладывает следующее понимание: „*Khoisan*' means 'the food-gathering people', viz. *Khoi* – 'person', -*sā*- 'gather food', -*n* 'plur. common suffix' (Е. О. J. Westphal. The Click Languages of Southern and Eastern Africa // Current Trends in Linguistics. Ed. by T. Sebeok. V. 7. . Mouton. The Hague – Paris, 1971. P. 369).

Такова языковая «классификация», с которой нас знакомит оглавление к Словнику (с. 207). Ее обоснование в работе отсутствует. Еще печальнее участь африканских языков внутри самого Словника. Технические погрешности при наборе Словника привели к тому, что и этих останков классификации Дж. Гринберга в тексте не сохранилось.

В рубрике «Африканские языки» (с. 124–156) есть названия двух семейств: Конго-Кордофанские языки (с. 124) и Койсанские языки (с. 155), однотипно набранные заглавными буквами. Все остальные языки описываются как подрубрики указанных рубрик. Так, у Конго-Кордофанских языков перечисляются следующие ветви: Нигер-конго языки (с. 124)¹, Кордофанские языки (с. 152), Шари-нильские языки (включая восточносуданские, нубийские, нилотские, центральносуданские, с. 153), – названия этих трех ветвей набраны одним и тем же или похожим шрифтом, строчными буквами (в отличие от заглавных, которыми напечатаны названия Кордофанского и Койсанского семейств).

Нило-сахарские языки вместо отдельной семьи стали ветвью Кордофанских языков (это сделано в истории африканистики впервые, притом без каких-либо комментариев), такой же ветвью, как Западноатлантические или Манде языки по отношению к языкам Нигер-Конго, – ср. с. 152, где представлена рубрика «Кордофанские языки» и правее подрубрика «Нило-сахарские языки», со с. 124, где напечатано соответственно «Нигер-конго языки» и чуть ниже: «Западноатлантические языки», а на с. 125 «Манде языки».

Сами по себе эти технические погрешности, возможно, и не были бы заметны, если бы все остальное было сделано корректно: указано, чья используется классификация, прокомментированы отличия от классификации Дж. Гринберга, дана правильная иерархизация терминов в оглавлении и т. п. Но вид, в котором языковые данные представлены в рецензируемом издании после того, как на ошибки составителя и редактора наслаивались ошибки наборщика и корректора, делает невозможным использование данного пособия.

---

¹ В тексте рецензии сохраняется орфография первоисточников, – ср., например, заглавные буквы у Дж. Гринберга, транслитерируемые кириллицей (Нигер-Конго), и строчные буквы в Словнике (Нигер-конго).

А. А. Холодович однажды заметил: «Классификации бывают трех, и только трех, типов: индуктивные, дедуктивные и компилятивные». Если подходить с этой точки зрения к классификациям африканских языков, следует признать, что большинство из них являются индуктивными: сначала исследователь сравнивает какие-то известные ему языки и диалекты, затем устанавливает на основе лексических или грамматических наблюдений иерархические связи между ними. Таковы, например, классификации, представленные в работах: М. Guthrie. *Comparative Bantu. An Introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages*. Gregg International publications. Gregg Press Ltd, Westmead. V. 1–4. 1967–1971; *Handbook of African languages*. V. 1–4. Oxford, 1952–1959; D. T. Cole. *Doke's classification of Bantu languages* // *African Studies*. 1959. N 18 и др.

Хотя в классификации Дж. Гринберга представлены некоторые элементы индукции, особенно в области тех языков, которыми он занимался лично, его классификация, в целом, является дедуктивной, поскольку она получена не в результате поэтапного сравнения параметров, релевантных для решения вопроса о родстве и типологическом сходстве языков, с последовательным переходом от явлений более низкого уровня к более высоким уровням, а вследствие оценки соотношений между языками на основании априорной схемы, применяемой для отбора языковых фактов, и ведущей читателя от верхнего яруса иерархии к нижним ярусам, – языковым группам, конкретным языкам и диалектам.

Дедуктивный характер классификации Дж. Гринберга становится особенно заметен, когда мы вспоминаем, что в его схему включены языки, по которым нет ни грамматик, ни словарей, ни каких-либо исследований, позволяющих заниматься их изучением или классификацией¹. Для ряда языков нет не только описаний, но даже точных названий, и до сих пор неизвестно, существуют они или нет, являются языками или диалектами других, уже зарегистрированных и описанных ранее языков.

---

¹ См., например: „The extinct Meroitic language also belongs to this family (Nilo-Saharan, – L. S.) according to Greenberg, although it has not been deciphered yet” (J. Knappert. *The state of our knowledge of African languages* // *Linguistics*. 1974. N 124. P. 82). То же наблюдается и в русском Словнике.

Не случайно, что звуковая сторона языков является, по мнению критиков Дж. Гринберга, самым слабым местом в его работе¹. Фактически любые индуктивные исследования звуковой субстанции конкретных языков и проводимое на их основе упорядочение этих языков не подкрепляют классификацию Дж. Гринберга, а разрушают ее. За какое звено этой классификации ни берутся исследователи конкретных языков, им приходится изменять связи между языками, наличие которых постулировал Дж. Гринберг².

Так, исследования Дж. Стюарта по 18 вольтийским языкам ставят под сомнение однородность группы ква³. Изучение 47 языков, проведенное Вольфом⁴, показывает, что языки Плато и Юкуноидные образуют единство одного типа, а языки реки Кросс и бантоидные – другого (Дж. Гринберг описал эти группы как равноправные). Работы Вестфала по щелкающим языкам говорят о необоснованности или, по меньшей мере, о преждевременности объединения койсанских языков в одну семью, поскольку выводы об их общности базируются только на двух аргументах: 1) эти языки обладают щелкающими фонемами и 2) на них говорят маленькие группы кочевых племен, которые по антропологическим признакам отличаются от своего, в основном, бантуского окружения⁵. Не подтверждаются

---

¹ См., например: Р. А. Агеева. О классификации африканских языков Дж. Гринберга (Обзор) // Языки Африки. М., 1966, I. Fodor. The problems in classification of the African languages. Budapest, 1969, P. Bennett and J. Sterk. South-Central Niger-Congo: a reclassification // Journal of the (Royal) African Society. 1977. N 8, K. Williamson. South-Central Niger-Congo re-examined. Paper read at the 14. WALC. Cotonou, Benin, 1980 (pro manuscripto) и др.

² См., например: P. Bennett and J. Sterk. South-Central Niger-Congo: a reclassification // Journal of the (Royal) African Society. 1977. N 8, K. Williamson. South-Central Niger-Congo re-examined. Paper read at the 14. WALC. Cotonou, Benin, 1980 (pro manuscripto), P. de Wolf. The noun class system of Proto-Benue-Congo. Mouton. The Hague – Paris, 1971, J. Knappert. The state of our knowledge of African languages // Linguistics. 1974. N 124, E. O. J. Westphal. The Click Languages of Southern and Eastern Africa // Current Trends in Linguistics. Ed. by T. Sebeok. V. 7. . Mouton. The Hague – Paris, 1971 и др.

³ Current Trends in Linguistics. Ed. by T. A. Sebeok. V. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. Mouton. The Hague – Paris, 1971, J. Knappert. The state of our knowledge of African languages // Linguistics. 1974. N 124.

⁴ P. de Wolf. The noun class system of Proto-Benue-Congo. Mouton. The Hague – Paris, 1971.

⁵ J. Knappert. The state of our knowledge of African languages // Linguistics. 1974. N 124. P. 82.

предположения Дж. Гринберга о взаимосвязях и иерархических отношениях и среди других африканских языков¹.

Поэтому, используя в тех или иных целях классификацию Дж. Гринберга, нельзя забывать ни о ее дедуктивном характере, ни о методологии ее построения, ни о гипотетичности ее теоретических оснований. Например, существенным для лишения языков банту статуса самостоятельной языковой семьи является, как это показывает анализ концепции Дж. Гринберга, тезис о том, что в языках банту происходит сокращение системы именных классов, и что они из языков некогда с префиксными структурами развиваются в сторону изоляции и суффиксации. Фактически соотношения в континууме превращения агглютинативных структур в изолирующие и суффиксальные обуславливают место каждого языка в системе Дж. Гринберга².

Однако этот основополагающий тезис Дж. Гринберга, определяющий все его построения, в том числе классификацию африканских языков, использованную в рецензируемом Словнике, является всего лишь гипотезой, – идеей, высказанной ученым априори и не получившей никакого экспериментального подтверждения³.

И, хотя классификация Дж. Гринберга продолжает, в целом, существовать, и его деление африканских языков на четыре группы (Афразийские, Нигер-Кордофанские, Нило-Сахарские и Койсан-

---

¹ См.: Current Trends In Linguistics. Ed. by T. A. Sebeok. V. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. Mouton. The Hague – Paris, 1971, Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique Subsaharienne, Pidgins et Créoles. Cartes. Éditions du CNRS. 1981, Bennett and J. Sterk. South-Central Niger-Congo: a reclassification // Journal of the (Royal) African Society. 1977. N 8, J. Knappert. The state of our knowledge of African languages // Linguistics. 1974. N 124 и т. д.

² Например, чтобы следовать логике Дж. Гринберга, Уэлмерсу пришлось постулировать исчезновение классных систем из языковых групп, в которых они, на самом деле, существуют (см.: „Welmer’s accepts without question Greenberg’s hypotheses about the relationships of the Niger-Congolese plus Kordofanian languages and the Mande languages as „settled“. This forces him to accept in addition the total loss of the class system which those two language groups still have“ (J. Knappert. The state of our knowledge of African languages // Linguistics. 1974. N 124. P. 78).

³ Есть немало данных за то, что система именных классов в языках банту является инновацией, и что языки банту прошли путь от изолирующего строя к агглютинативно-флективному, – до того, как начать движение в обратном направлении, на которое обратил внимание Дж. Гринберг (более подробно см.: Л. З. Сова. Эволюция грамматического строя в языках банту. Ленинград, 1987).

ские), в противовес, например, классификации Вестерманна¹, выделявшего в том же языковом континууме три группы (семитохамитские, негрские и койсанские языки), принимается большинством африканистов², объясняется это не безупречностью работы Дж. Гринберга, а тем, что африканистика еще не закончила собирать индуктивным путем материалы, необходимые для построения научной классификации³, т. е. классификации, в которой отражены реальные, а не гипотетические отношения между языками и их группами.

Эти факты говорят о том, как много проблем возникает в связи с использованием классификации Дж. Гринберга, и о том, с какой осторожностью должен знакомить широкого читателя исследователь, принявший на веру, без доказательств, его построения. К сожалению, такая осторожность в рецензируемом Словнике отсутствует: необходимого в такой ситуации научного аппарата (отсылок к литературе, формулировок в предисловии, комментариев) в работе нет. Наоборот, предлагаемая иерархизация африканских языков, на самом деле, построенная на спорных и не всегда корректных постулатах, подается в Словнике как нечто окончательное и не подлежащее обсуждению.

Фактически классификация Дж. Гринберга определила форму и содержание Словника, тогда как, в действительности, наоборот, сбор материала для Словника, его оценка и систематизация должны были определить или, по крайней мере, уточнить цель, методологию и общий вид классификации, с которой составители Словника решили ознакомить читателя.

Мне представляется, что в тех условиях, в которых создавался Словник, первоочередной была не задача компилятивного использования старых классификаций без их критического осмысления, а

---

¹ Н. Baumann, R. Thurnwald and D. Westermann. *Völkerkunde von Afrika*. Essen, 1940.

² См., например: «Поразительно, что классификация, которая основывается на столь мало убедительных доказательствах, получила столь большое внимание африканистов» (J. Knappert. *The state of our knowledge of African languages // Linguistics*. 1974. N 124. P. 80, – перев. Л. С.).

³ Ср.: „Stewart is very right when he advocates the concentration on lexicographical work before we can make any more sense of the comparative puzzle“ (J. Knappert. *The state of our knowledge of African languages // Linguistics*. 1974. N 124. P. 79).

научно обусловленный и систематический отбор лингвонимов, при котором происходит регистрация существующих африканских языков с их точной локализацией на географической карте, перечнем связанных с этими языками лингвонимов и закреплением одного из них в качестве нормативного названия языка или диалекта, – для того, чтобы в дальнейшем, по крайней мере, было известно, какие объекты описываются и классифицируются.

Отбор лингвонимов – дело не только трудоемкое, но и ответственное. В самом этом отборе имплицитно отражаются философские и методологические принципы, которыми руководствуется лингвист. Не является нейтральной по отношению к мировоззрению и та или иная классификация. Приведу несколько примеров.

Хотя термины «индоевропейские» и «индоарийские» языки являются синонимами, их выбор, в связи с событиями Второй мировой войны, часто диктуется не только тем, соотносит ли автор исследования эти термины с именами Боппа или Шлейхера, но и тем, какую идеологическую окраску он им придает. Аналогично являются синонимами «украинский и «малороссийский» язык; «русский» и «российский», «росский», «расейский»; «английский» и «аглицкий», «инглиш», и т. п. Их выбор обусловливается стилистической окраской, определяемой идеологическими соображениями. Если речь идет не о родном языке, «идеологический подтекст» не всегда заметен. Кажется безразличным, как называть тот или иной язык, – на русский лад, английский или какой-либо другой. Однако, как только дело касается родного языка, становится очевидно, что нам не безразлично, как отзывается о нашем языке иностранец, называет он русский язык русским или расейским, делит индоевропейскую семью языков на романскую, германскую, славянскую и другие ветви или говорит об индоарийских языках, распадающихся на языки Темза–Шпрее, Влтава–Дон и т. д. Эти названия, возможно, являются произвольными для составителя классификации, но вовсе не произвольны для нас (ср. эти примеры с переходом от термина «банту» к термину «Бенуэ–Конго»).

Эти иллюстрации приходится приводить потому, что африканские языки до недавнего времени изучались, в основном, не самими африканцами, а людьми, для которых они были иностранными. Исследователи по-разному относились и к национальной культуре аф-

риканцев, и к их национальному самосознанию, и к их языкам. Например, К. Дока всегда отличало глубокое уважение к истории, культуре и обычаям народов, изучением которых он занимался, а взгляды К. Мейнхофа, как полагают некоторые его комментаторы, такими не были¹. Многие исследователи были миссионерами, почти все не были свободны от европоцентризма. Это сказывалось как на описании африканских языков, так и на их названиях. Наиболее добросовестные ученые связывали с описываемым языком тот лингвоним, который был принят у его носителей. Самые добросовестные приводили не только орфографическую запись лингвонима, но и его транскрипцию, а в ряде случаев фиксировали синонимы с пометами о сфере употребления.

Если уважение к народам является не пустой фразой, помещаемой в отрыве от материала в начале и конце книги, а неотъемлемой частью идеологии составителя Словника, то, ставя задачей сбор и классификацию лингвонимов, ученый не станет решать ее, отвлекаясь от людей, которые говорят на этих языках. Например, фиксируя лингвонимы, исследователь учитывает, с какими языковыми коллективами они соотносятся: как называют свой язык говорящие, как произносится этот лингвоним, с какими терминами он связывается у представителей различных школ языкознания или у носителей «чужих» языков, какая существует традиция в науке относительно данного термина, какой «идеологический подтекст» имеют различные синонимы, и т. д. В противном случае ученому не избежать обид со стороны тех, чьими языками он занимается. И, скорее всего, если нарекания возникают, они являются правильными.

2. Как отмечалось выше, одной из семей африканских языков, описываемых в рецензируемом Словнике, являются языки, которые фигурируют на с. 130–149 как «Бенуэ-конго языки (включая банту)». В этой рубрике описывается около двух тысяч лингвонимов, т. е. примерно около половины всех африканских лингвонимов, помещенных в Словнике (В каждой из остальных рубрик зафиксировано по 200–400 названий).

Своей массовидностью ветвь «Бенуэ-конго языки (включая банту)» затмила остальной африканский материал и фактически из ветви превратилась (в классификации Дж. Гринберга это одна из 25

---

¹ См., например: Африканское языкознание. Сборник статей. М., 1963. С. 382.

ветвей) в ведущую группу африканских языков, подчеркнув диспропорции иерархии, использованной в Словнике. Причины диспропорции не объяснены. Остается непонятным, почему именно такой систематизацией материала читатель должен пользоваться при знакомстве с африканскими лингвонимами, т. к. упорядочение материала не по алфавиту требует от него знания особенностей классификации Дж. Гринберга.

Объединяя языки банту с языками не-банту в языки Бенуэ-Конго, Дж. Гринберг руководствовался соображениями о предполагаемой прародине данных языков, которую он поместил в долине реки Бенуэ и с которой связал истоки глоттогонического процесса. Эта точка зрения, которая не является ни бесспорной, ни общепринятой¹, объясняет диспропорции в классификации Дж. Гринберга, «закрывшего» употребление термина «банту» для обозначения самостоятельной языковой семьи.

Произошло это спустя 100 лет после введения этого термина Бликсом, фактически положившим начало не только употреблению термина, но и бантуистики, – науки, которая занимается лингвистическими, социально-экономическими, географическими и этнографическими проблемами, возникающими при изучении народов, говорящих на языках банту. Эта наука, несмотря на работы Дж. Гринберга, существует и продолжает развиваться. Термин «банту» принят как носителями языков, так и международной лингвистической традицией (в том числе, русской, – см. такие слова, вошедшие в русский язык, как «бантуистика», «бантуист»).

После Дж. Гринберга появилось новое мультиобъединение – языки Бенуэ–Конго². Термин не показался удачным даже последо-

---

¹ Как известно, прародину языков банту К. Мейнхоф искал в районе Великих озер, Г. Джонстон – у озера Чад (с последующим очагом у озера Виктории), М. Гасри – в саванне между реками Убанги и Шари, Уэлмерс – в долине Верхнего Нила, и т. д.

² См.: „Greenberg set up Benue–Congo on the basis of 'many innovations', but he never published his list so that we do not know why Benue–Congo must be called a separate group at all” (J. Knappert. The state of our knowledge of African languages // Linguistics. 1974. N 124. P. 80) “... we find that Bantu languages classified henceforth as Niger-Congo–Benue-Congo. The end of the Bleek period! A problem arises when we want to refer to certain languages as Semi-Bantu and Bantoid, useful classificatory devices for special types of languages. The big question is: does the change of names

вателям Дж. Гринберга¹, и они, внося ряд структурных изменений в схему, предложенную Дж. Гринбергом, ввели группу «Бенуэ–Замбези», в состав которой были включены языки банту. Это облегчило положение. По крайней мере, данный термин соотносится с географическим регионом распространения языков, объединенных в мультигруппу, чего нельзя сказать о термине «Бенуэ–Конго», т. к. вне этой зоны остается две трети языков банту.

Учитывая критику концепции Дж. Гринберга², непонятно, зачем знакомить широкого читателя, на которого рассчитан данный Словник, с термином, который не является общепринятым даже среди тех, кто является ее сторонником, притом не просто знакомить, а вводить как нормативный для обозначения языковой семьи, т. е. как термин, знать который должен каждый лингвист.

3. Как бантуиста, меня, в первую очередь, заинтересовала рубрика «Бенуэ–конго языки (включая банту)». Первое, что бросается в глаза, – языки банту в ней не отделены, благодаря принятой составителями Словника системе, от языков не-банту. И те, и другие в составе рубрики идут вперемешку, по алфавиту. Это неудобно для бантуиста. Поскольку эта область языкознания пока еще не закрыта, с этим нельзя не считаться. Более внимательное знакомство со Словником показывает, что он не учитывает ничего из опыта, накопленного бантуистикой (не только за последние 20 лет, но и за прежние 150 лет ее истории). Остановимся на этом вопросе подробнее.

---

means a big step forward in our knowledge of African language classification? Would it for instance permit a better structural hierarchy of dialect/language classification? Here at once we run into difficulties" (Ibid, p. 71). Далее следуют примеры, из которых ясно, что проблемы остались старыми, новыми оказались лишь термины.

¹ См.: P. Bennett and J. Sterk. South-Central Niger-Congo: a reclassification // Journal of the (Royal) African Society. 1977. N 8, K. Williamson. South-Central Niger-Congo re-examined. Paper read at the 14. WALC. Cotonou, Benin, 1980 (pro manuscripto) и др.

² См., например: P. А. Агеева. О классификации африканских языков Дж. Гринберга (Обзор) // Языки Африки. М., 1966, I. Fodor. The problems in classification of the African languages. Budapest, 1969, P. Bennett and J. Sterk. South-Central Niger-Congo: a reclassification // Journal of the (Royal) African Society. 1977. N 8, K. Williamson. South-Central Niger-Congo re-examined. Paper read at the 14. WALC. Cotonou, Benin, 1980 (pro manuscripto), P. Schachter. The present state of African languages // Current Trends in Linguistics. V. 7. Mouton. The Hague – Paris, 1971 и др.

Как отмечалось выше, составление любого словника африканских языков должно начинаться с географической и идеологической референции лингвонимов, а также с фонетической транскрипции, – по крайней мере, для тех лингвонимов, которые признаются основными и выбираются как заглавия отдельных статей. Если этот принцип нельзя реализовать для всех африканских языков из-за отсутствия необходимой информации, то языки банту, для которых эта работа на сегодняшний день проделана¹, должны быть, несомненно, снабжены информацией, которой располагает наука.

Например, существует указатель языков М. Гасри с четким противопоставлением лингвонимов, употребляемых носителями языков и иностранцами². В этом указателе каждый лингвоним, закрепленный за языком и диалектом как его основное название, употребляемое носителями языка, снабжен фонетической транскрипцией в терминах IPA. Кроме того, каждый лингвоним соотнесен с географической зоной его распространения, обозначенной на карте, а также определен по отношению к его месту в иерархической классификации языков банту, т. е. для каждого из 480 зарегистрированных М. Гасри языков и диалектов банту указано, в какую группу входит данный язык, какие он имеет диалекты и где распространен (в соответствии с классификацией М. Гасри, языки банту разбиты на 15 зон от A до S, а те, в свою очередь, – на языковые группы, состав которых эксплицирован посредством списков языков, диалектов и поддиалектов). Собраны М. Гасри и альтернативные названия. Путем референции они соотнесены с основными названиями. Как и основные названия, они снабжены шифром из классификации. Всего таким образом обработано около 700 лингвонимов.

Классификация М. Гасри давно стала общепризнанным метаязыком описания языков банту, ею пользуются практически все бантуисты, – независимо от того, соглашаются они с принципами ее интерпретации или опровергают их. Например, языку зулу в этой

---

¹ Вернее, проделана для 500 зарегистрированных языков и диалектов. Предполагается, что есть еще языки и диалекты, не попавшие в поле зрения исследователей.

² См.: M. Guthrie. *Comparative Bantu. An Introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages*. Gregg International Publications. Gregg Press Ltd, Westmead. V. 3. 1970. P. 11–15 (“Key List of the Bantu Languages”), p. 16 (“Transcription of Data”). V. 2. 1971. P. 168–169 (“An Index of Languages”).

классификации сопоставлен шифр S42, лингвониму *пхути* – шифр S43d, языковой группе *нгуни* – шифр S40, всем *юго-восточным* языкам *банту* – шифр S, и каждый африканист, видя эти обозначения, понимает, что группа *нгуни* является одной из групп *юго-восточных банту*, что *зулу* входит в эту группу, т. е. является *нгуни-языком*, что *пхути* – один из диалектов языка, который имеет шифр S43, т. е. вместе с *к'оса* является «ближайшим родственником» *зулу*, и т. д., и т. п. для всех языков банту.

Даже в тех случаях, когда оказывается спорной генетическая интерпретация, даваемая М. Гасри своим зонам, группам и входящим в них элементам, никто не ставит под сомнение ни существование лингвонимов, перечисленных в классификации, ни правильность их транскрибирования, ни географическую локализацию. Проблемы возникают в «типах взаимосвязей» между членами иерархии. Например, сам М. Гасри, отнеся языки группы *мьене* к зоне В и сгруппировав их под номерами: *мьене* В11, *мпонгве* В11а, *галва* В11с и т. д., писал о том, что, руководствуясь генетическими реконструкциями, их можно отнести к зоне А (рядом с группой А30. *бубе-бенга*).

В одном из самых последних изданий, посвященных языкам банту¹, работа М. Гасри развивается в следующих направлениях. К языкам, собранным М. Гасри, добавлено несколько языков и диалектов: С17. *диКота*; С46. *кунда*; С47. *лиКондо*; D34. *куМбути*; D35. *киКууму*; D44. *экиСвага*; D68. *игиКига*; Н25. *киНдонго*; P31b. *симба*. Дополнительно зафиксированы префиксы примерно в 150 языках. В преимущественном большинстве случаев названия, зафиксированные М. Гасри, снабжены префиксами. Например, вместо *сира* у М. Гасри (В41) приводится *иСира*, вместо В43. *пуну* – *иПуну*, вместо В51. *дума* – *лиДума* и т. д. В отдельных случаях префиксы выделены в составе прежних лингвонимов. Например, вместо А14. *бонкенг* зафиксировано *боНкенг*, вместо А46. *леманде* – *леМанде*, вместо А27. *мулимба* – *муЛимба* и т. п. К лингвонимам, собранным М. Гасри, добавлено около 50 лингвонимов, например, *бакоко* (А43b), *пахуин* (А75), *овамба* (В61), *бакота* (В62), *балали* (В73), *ифанде* (С12) и т. д. Зафиксированы следующие тесные взаимосвязи

---

¹ P. Alexandre. Les langues bantu // Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique Subsaharienne, Pidgins et Créoles. Cartes. Éditions du CNRS, 1981. Речь идет о положении дел на 1982 г., когда писалась рецензия.

языковых групп: В70–В80, К20–К30, L20–L30–L40. Выделены (подчеркнуты) наиболее важные и наиболее известные языки.

Кроме того, внесен ряд корректив. В отдельных случаях изменено соотношение основного и второстепенного названий. Например, у М. Гасри в качестве основного названия языка А22 принят лингвоним *баакне*, а в качестве второстепенного – *баквири*, в работе Александра основным считается лингвоним *баквири*. Аналогично обстоит дело в отношении А23, А25, А42, А51, А54 и еще примерно в 25 названиях. Введены сокращения: вместо четырех диалектов языка *омьене* зафиксированы три, исключено несколько диалектов группы *теке*. Примерно в десяти местах внесены изменения в соотношение языков и диалектов. Например, у М. Гасри зафиксирован язык *баса* (А43) с диалектами *мбене* (А43а) и *кого* (А43б). У Александра представлены два диалекта: А43а. *баса (мбене)* и А43б. *кого (бакоко)*.

У М. Гасри для северо-восточного *теке* (В72) отмечены диалекты *нгунгулу* (В72а) и *мпумпум* (В72б), в работе Александра – только В72. *нгунгулу*. Аналогично: В73, В78, В84, С13, С36, С61. Произведены изменения примерно в 20 классификаторах. Например, внесены сокращения в названия групп А80, С50, D20, D30, К10. Наоборот, расширены классификаторы: D40, E40, H30, K40. M30, M60, P10, R20, S50. Изменены классификаторы: А10, В20, В80, С10, С30, С80. В единичных случаях произведена замена лингвонимов (например, вместо G41. *тикуу* вводится *сугулу*, вместо H16с. *йомбе – киЗомбо*, вместо H16е. *бвенде – киСуунду* и вместо H16f. *лаади – кишииКонго*) или их произношения (например, вместо А43. *basa – basaa*, вместо В53. *tsaangi – tsangi*, вместо D60. *ruanda – rwanda*, вместо F23. *fumbwa – sumbwa*, вместо G22. *asu – athu*, вместо G23. *fambaa – sambaa*, вместо G.62. *hehe – ekiEhe*, – всего около 20 примеров почти из 700 лингвонимов, причем в 10 случаях коррекция представляется спорной, – например, в В53, В71, F23, G22, G23, E41, K16, K36, P34, R41).

Это говорит о той высокой степени достоверности, которая отличает работы М. Гасри и определяет их значение для бантуистики. Следует отметить, что классификация М. Гасри в СССР известна не хуже, чем в других странах. Фактически в каждой работе по бантуистике, которая вышла после фундаментального исследования

М. Гасри, идентификация любого языка банту при первом упоминании о нем в тексте начинается с указания его места в классификации М. Гасри¹. О том же говорится в Приложении к рецензируемому изданию: «При описании какого-либо языка банту следует отмечать, прежде всего, место в генетической классификации, разработанной М. Гасри (Guthrie M. Comparative Bantu, vol. 3. London, 1973)². Данная классификация построена на более корректных принципах сравнительно-исторической грамматики» (с. 201 цит. соч.)³.

Учитывая это, составить словник по языкам банту нетрудно. Для этого надо лингвонимы, транскрибированные М. Гасри в терминах IPA, транслитерировать русскими буквами. Такая работа, на момент составления Словника, была проделана в моей работе «Сопоставительная грамматика языков банту (система согласовательных классов)»⁴, обсужденной в 1976 г. и рекомендованной к печати в 1978 г. Сектором африканских языков Института языкознания АН СССР, гриф которого стоит на рецензируемом издании.

Другими словами, исходя из работ по бантуистике, имевшихся в распоряжении составителей Словника, можно предположить, что Словник языков банту будет состоять из статей двух типов: 1) название языка банту, принятое в Словнике, как и у М. Гасри, за основное и поэтому употребляемое в качестве отдельной статьи с шифром из классификации М. Гасри, и 2) название языка банту, которое составители Словника считают второстепенным и опреде-

---

¹ См., например: Бесписьменные и младописьменные языки Африки. Сборник статей. М., 1973, Африканская сказка. Материалы к исследованию языка фольклора. М., 1984 и т. д.

² См. более точное название этой работы: M. Guthrie. Comparative Bantu. An Introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. Gregg International Publications. Gregg Press Ltd, Westmead. V. 1–4. 1967–1971. Третий том, на который ссылается Н. В. Охотина, вышел не в 1973 г., а в 1970 г. вместе с четвертым. Первый том опубликован в 1967 г., последним издан второй том – в 1971 г.

³ В этой фразе все неясно – ни то, какое значение автор вкладывает в словосочетание «более корректные принципы сравнительно-исторической грамматики», ни то, по отношению к какой работе измеряется «корректность» М. Гасри. Комментарий Приложению невозможно, потому что все в нем построено на формулировках указанного типа, и их анализ слишком затянул бы рецензию.

⁴ Здесь собрано и обработано указанным образом около 1300 лингвонимов по языкам банту.

ляют путем референции к статьям первого типа. Поскольку Словник в имплицитном виде включает классификацию всех африканских языков, ничто не должно было помешать представлению в нем в имплицитной форме также классификации какой-либо подгруппы этой иерархии, например, языков банту. За счет этого могла быть повышена информативность Словника.

Однако это не произошло. Хотя имя М. Гасри упоминается и в библиографии к Словнику, и в Приложении, никакого влияния на работу составителей Словника и редактора его труды не оказали, – ни в связи с упорядочением лингвонимов, ни в связи с их отбором, ни в связи с правильным прочтением. Из 480 языков банту, описанных у М. Гасри, 170 языков и диалектов не имеют корректных названий. Их либо нет вообще в Словнике, либо их названия сильно искажены. Словник не скорректирован ни с одним из справочников, которыми пользуются языковеды, этнографы и библиотечные работники¹. Единственный список, с которым наблюдается почти полное совпадение в отборе статей, – это W. E. Welmers. Checklist of African Language and Dialect Names (Current Trends in Linguistics. Ed. by T. A. Sebeok. V. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. Mouton. The Hague – Paris, 1971. P. 760–900). В связи с этим совпадением остановимся более подробно на работе Уэлмерса.

4. Как отмечает в предисловии к своему словнику Уэлмерс, он основывается на классификации Дж. Гринберга (с небольшими терминологическими изменениями), а также на данных различных исследований по африканистике, девять из которых были для составителя важнейшими². Списка М. Гасри, о котором шла речь выше,

---

¹ См., например: Les langues du monde. Par un group de linguistes sous la direction de A. Meillet et M. Cohen. Paris, 1952; C. F. Voegelin and F. M. Voegelin. Classification and Index of the World's Languages. New-York, 1978; Библиотечно-библиографическая классификация. М., 1963. Дополнения, вып. XX. М., 1978; Г. А. Шпажников. Религии стран Африки. Справочник. М., 1981 и др.

² J. H. Greenberg. The languages of Africa // International Journal of American Linguistics. Baltimore, 29.01.1963 (Publication 25 of the Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics); J. H. Greenberg. The languages of Africa. Bloomington, 1963; D. Westermann and M. A. Bryan. Languages of West Africa (Part II of Handbook of African languages). Oxford University Press for International African Institute. 1952; C. M. Doke. The Southern Bantu Languages (Handbook of African Language series). Oxford University Press for International African Institute, 1954; A. N. Tucker and M. A. Bryan. The Non-Bantu languages of North-Eastern Africa (with a supplement on "the Non-Bantu languages of Southern Africa by E. O. J. Westphal).

Уэлмерс знать не мог, потому что он был опубликован во втором томе работы М. Гасри, вышедшем в 1971 г. Надо также учитывать всегда существовавшую оппозицию Лондонской и Американской школ африканистики, обуславливающую принципы составления словника Уэлмерса. Как известно, М. Гасри был главой Лондонской школы, а Дж. Гринберг, Уэлмерс и составители седьмого тома энциклопедии – представителями противоположного направления. К последним безоговорочно примкнули и авторы русского Словника африканских языков.

Вот что пишет Уэлмерс о принципах составления своего словника на основании перечисленных источников: «Всюду, где можно, предпочтение отдается английским или американским названиям перед французскими, без каких-либо на то причин; таким образом, *peul* соотнесено с *Fula* как главным названием» (с. 760, пересказ здесь и далее – Л. С.). «Там, где Гринберг отличается от других источников, часто оказывается, что Гринберг сохранил названия, под которыми он впервые узнал языки, возможно, много лет назад. Многие его названия или написания сейчас не употребляются. Ярким примером является название *Munshi* для языка *tiv*, которое носители этого языка находят оскорбительным» (с. 760). «Для некоторых языков пригодна фонетическая транскрипция, которая может объяснить конкурирующие варианты написания. Например, один источник может использовать *o*, а другой *u* для звука, который оказывается по фонетической транскрипции сходен с гласным в английском слове *book*. Фонетическая транскрипция в данном индексе не используется, поскольку, за некоторым исключением, она встречается только в тех источниках, где перечисляются и другие названия языков. В некоторых случаях этого типа выбор написания для основного названия сделан произвольно и, возможно, непоследовательно» (с. 761). «Определенные типы альтернативных названий, которые можно встретить в упомянутых источниках, не включены в словник. В частности, в работе «D. Westermann and M. A. Bryan.

Part III of Handbook of African Languages. Oxford University Press for International African Institute, 1956; M. Guthrie and A. N. Tucker (Eds.). Linguistic Survey of the Northern Bantu Borderland. V. 1. Oxford University Press for International African Institute, 1956; M. A. Bryan (comp.). The Bantu Languages of Africa. Oxford University Press for International African Institute, 1959; G. P. Murdock. Africa: Its Peoples and their Cultural History. McGraw-Hill, 1959; Library of the American Bible Society. Scriptures of the World. United Bible Societies, 1968.

Languages of West Africa (Part II of Handbook of African languages). Oxford University Press for International African Institute. 1952» приводятся многочисленные примеры имен, под которыми какое-то племя известно соседним племенам. Такие названия исключены, так как весьма невероятно, чтобы тем, кто будет пользоваться данным словарем, посчастливилось встретить эти названия в устной или письменной речи, за исключением того источника, в котором они приводятся наряду с названиями, включенными в данный индекс. Возможно, что некоторые из этих названий могут встретиться еще где-либо с отсылкой к данным языкам...» (с. 761). «Некоторые типы альтернативных названий также исключены, а именно, те, которые могут быть сведены к более удобной записи применением некоторых простых принципов... Написание удвоенных согласных вместо одинарных обычно игнорируется» (с. 761). «Для каждого языка информация включает классификацию данного языка среди африканских языков (см. ниже), его территориальное распространение и, если известно, приблизительное количество говорящих... Классификацией африканских языков, используемой в индексе, является классификация Дж. Гринберга» с некоторыми модификациями (с. 762). «Для большинства языков, включенных в индекс, возможна более тонкая субклассификация, но она не вводится в данную работу. В нескольких случаях не учитывается никакая информация о более низких уровнях классификации. В совсем редких случаях недоступна вовсе никакая информация о классификации отдельных языков, — последние суть названия, используемые по отношению к переводам частей Библии, и очень похоже, что такие имена являются альтернативными названиями языков, перечисленных еще где-то в индексе, но их идентификация неизвестна составителю» (с. 763).

Нетрудно заметить, что ценность классифицируемого материала является подчас сомнительной. Заявления Уэлмера о «критериях предпочтения» одних лингвонимов перед другими не выдерживают критики. Возникает вопрос, нужно ли было класть в основу рецензируемого словаря индекс Уэлмера. Положение русскоязычного читателя усугубляется еще тем, что отсылка к Уэлмеру в переводе его индекса под видом рецензируемого Словника нигде нет. Нет даже намек на манифест Уэлмера, объясняющий основы составления индекса. Из предисловия же к русскому изданию следует, что Словник якобы составлен самостоятельно. Получается, что читате-

ля знакомят с работой, проделанной 20 лет назад в США, и дополняют этот перевод пометой: «сделано в Институте языкознания АН СССР», «впервые в мире» (см., например, с. 4 рецензируемого издания: «Таким образом, данный словник языков мира является первой в истории языкознания классификацией лингвонимов, т. е. обладает самостоятельным научным значением»).

5. Обратимся к качеству перевода словника Уэлмерса и остановимся на особенностях, которым русское издание обязано транслитераторам текста Уэлмерса и его редактору. Прежде всего, отметим, что у Уэлмерса представлена классификация Дж. Гринберга в первоизданном виде (с незначительными терминологическими изменениями), и Уэлмерс никакого отношения к исключению афразийских языков из африканских и введению Нило-Сахарских языков в состав Нигеро-Кордофанской семьи не имеет.

В его статье, содержащей словник африканских языков, есть не только отсылка к классификации Дж. Гринберга, но и приводится эта классификация в общем виде: разбиение африканских языков на 4 мультисемейства, ветвление этих семейств соответственно на 2, 6, 5 и 3 ветви с последующим разбиением на узлы следующего яруса – 6 групп в составе семьи Нигер–Конго, 5 – в составе Кордофанской, 4 – Шари-Нильской, 5 – Кушитской и 3 – Южноафриканской койсанской.

Все африканские языки приведены в алфавитном порядке. Учет классификации Дж. Гринберга сказался на оформлении статей индекса: все статьи разбиваются на основные и дополнительные и для подавляющего большинства основных статей приводится указание, в какую семью, группу или семейство входит данный язык, какие он имеет диалекты, где на нем говорят и сколько носителей языка зарегистрировано на момент составления индекса. Дополнительные статьи индекса определяются путем отсылок к основным статьям. Например:

Абакра ≈ Kwa

* *

*

Kwa: one of the six branches of the Niger–Congo family

Kwa Niger–Congo, Benue–Congo

Also: Абакра, Аква

* *

*

Kwaa Niger–Congo, Kwa
Also: Bellech

Liberia 25,000

и т. п.

Эксплицитность принципов построения индекса и содержащейся в нем информации, последовательность описания статей словаря, довольно обширный объем сведений, спрессованных посредством указателя и сообщаемых читателю в доступной, благодаря предисловию и алфавитному расположению материала, форме, – эти качества, несмотря на недостатки, отмеченные выше, делали в 70-е годы индекс Уэлмерса полезным пособием, которым с некоторой осмотрительностью можно было пользоваться при работе с африканскими языками.

К сожалению, русский перевод индекса Уэлмерса не сохранил его сильных сторон. Об отсутствии эксплицитного изложения общих принципов, нарушениях в классификации Дж. Гринберга, отходе от алфавитного упорядочения материала и вытекающих из этого следствиях уже говорилось выше. Теперь можно остановиться на различиях менее общего порядка, наблюдаемых при анализе отдельных словарных статей рецензируемого Словника и индекса Уэлмерса.

Чтобы эти различия сделать более наглядными, обратимся к аналогам приведенных выше статей индекса. Рубрика «Бенуэ–Конго языки (включая банту)» в русском Словнике открывается следующей статьей:

Абакпа см. Куа

Найдем на с. 137 Словника основной лингвоним, к которому сделана отсылка:

Куа

Вот и все. Больше ничего читатель о языке *абакпа* не узнает. Аналогично построены остальные статьи русского издания. Остановимся более подробно на них, полагая, что, если Словник не приносит пользы как классифицирующий справочник, он может употребляться как нормативный словарь, регламентирующий написание и произношение названий африканских языков.

Произвольность отбора лингвонимов и включения их в Словник привела к тому, что, с одной стороны, в него не попали названия многих живых африканских языков и диалектов, и, с другой стороны, Словник оказался перенасыщен различными вариантами произношения одних и тех же лингвонимов в силу причин, о которых пишет в своем предисловии Уэлмерс. Так, около 100 лингвонимов, зарегистрированных М. Гасри и другими бантуистами в качестве основных названий языков, диалектов и языковых групп, в Словнике не представлены.

Например, это такие традиционные для африканистики термины, как *юго-восточные, восточные, западные, центральные* и т. п. *банту*, служащие для называния ветвей или групп языков, или термины, употребляемые в качестве обобщенных названий языковых ареалов различной величины (*банги–нтумба, бена–кинга, луба–касаи, луба–катанга* и т. д.). Кроме того, практически все термины, вошедшие в лингвистику после работы Дж. Гринберга (1963 г.) в русском Словнике отсутствуют. Все языки банту как бы расположены в одной плоскости, т. е. Словник оказался «свободным» от какой-либо их классификации и от исследований, отразивших ее (например, от работ Дока, Такера, Коля и многих других, посвятивших немало страниц проблемам терминологии и классификации языков банту¹).

Кроме этих лингвонимов, отражающих уровень развития науки, т. е. служащих классификаторами, отсутствуют и названия самих языков, подлежащих классификации и описанию в Словнике. Есть два типа лакун: нет названий языков и диалектов, которые реально существуют в Африке (среди них – даже тех, которым посвящены отдельные исследования), и не приводятся варианты и синонимы упомянутых лингвонимов, хотя в других случаях такая синонимия и вариативность произношения представлены достаточно широко.

---

¹ Например: С. М. Doke. Bantu linguistic terminology. London, 1935; D. T. Cole. The history of African linguistics to 1945 // Current Trends in Linguistics. Ed. by T. A. Sebeok. V. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. Mouton. The Hague – Paris. 1971; A. N. Tucker. The comparative phonetics of the Suto–Chuana group of Bantu languages. London, 1929.

Из отсутствующих можно назвать язык *бена* (G63, по М. Гасри), носителей которого насчитывалось 158 тыс. человек¹. Вместе с носителями языков *хеке* и *погоро* в 1978 г. их стало 1 млн. 200 тыс.², – цифра для африканских языков немалая. Во всех остальных справочниках этот язык зафиксирован, в том числе, и в работах на русском языке. Нет в Словнике языка *бондеи* (G24, по М. Гасри), который указан во всех крупных справочниках³ и насчитывает свыше 28 тыс. носителей⁴. Отсутствуют *гирьяма* (G34, по М. Гасри), *хемба* (L34), *кабвари* (D56), представленные во всех крупных справочниках. Этот список можно пополнить лингвонимами: *бафуа* (A50), *бене* (A74b), *кее* (A53a), *кого* (A43b, c), *кхумби* (R14), *нгандьера* (R24), *киНгози* (G42e), *чиМиини* (G42f) и т. д. Описание этих языков содержится в многих исследованиях⁵, а диалекты суахили *киНгози* и *чиМиини* упоминаются (первый – как наиболее архаичный из всех известных) и даже описываются в работах не только зарубежных, но и советских исследователей⁶. К сожалению, этот список можно продолжить, – например, *богонго* (C12b), *боон* (B74b), *гуха* (D28a), *како* (A93), *каума* (E72b), *манди* (A46), *мбием* (B35a), и т. д.

Среди лакун в области синонимии названий можно привести лингвонимы: *адума* (B51), *бакум* (A91), *бванума* (D33), *баруэ* (A12),

---

¹ C. F. Voegelin and F. M. Voegelin. Classification and Index of the World's Languages. New-York, 1978.

² С. И. Брук. Население мира. М., 1981.

³ M. Guthrie. Comparative Bantu. An Introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. Gregg International Publications. Gregg Press Ltd, Westmead. V. 1–4. 1967–1971; Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique Subsaharienne, Pidgins et Créoles. Cartes. Éditions du CNRS. 1981; C. F. Voegelin and F. M. Voegelin. Classification and Index of the World's Languages. New-York, 1978; V. Krupa, J. Genzor, L. Drozdík. Jazyky sveta. Malá moderná encyclopedia. Bratislava, 1983 и т. д.

⁴ C. F. Voegelin and F. M. Voegelin. Classification and Index of the World's Languages. New-York, 1978.

⁵ I. Fodor. Introduction to the history of Mbundu, Budapest, 1983; E. O. J. Westphal. Olunghumbi vocabulary // African language studies. II. London, 1961; K. Meinhof. Linguistische Studien in Ostafrika. I–XV. Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin, 1903–1908; G. Forges. Le kela, langue bantoue du Zaïre (Zone C). Paris, 1977; G. Guarisma. Le nom en Bafia. Langue bantoue du Camerun, Paris, 1973 и др.

⁶ А. А. Жуков. Культура, язык и литература суахили. Л., 1983; Языковая ситуация в странах Африки. М., 1975.

карагве (E21), чина-мукуни (M61)¹ и т. п. Их отсутствие не казалось бы серьезным недостатком, если бы не было таких, например, серий: *або, абау, банкон, бо, бон*, служащих для регистрации одного и того же диалекта (см. у Уэлмерса *або, абав, банкон, бо, бон*). Тринадцать словарных статей посвящены вариантам «произношения» и различным «названиям» языка *яо*: *аджауа, адсауа, адсоа, айю, айя-уа, ачауа, вейао, джао, уаджао, хайяо, хиао, хьяо, яо* (соответственно у Уэлмерса эти лингвонимы записаны так; *ајао, адсауа, адсоа, аюо, ауауа, ачавуа, веисо, джао, ваяо, хайао, хиао, хуао, жао*). Таковы же ряды *афао – афо – афу, апакабети – апакебети – апакибети – апагибети, ауши – авауси – уши* и т. д. (с соответствующими аналогами у Уэлмерса).

Таким образом, подбор лингвонимов оказывается в значительной степени произвольным: общепринятые названия языков, диалектов и языковых общностей отсутствуют, а устаревшие названия или названия, не употребляемые носителями языков и неправильно произносимые, представлены. Так, уже упоминавшееся название языка тив *мунши* перекочевало из индекса Уэлмерса в русский Словник, несмотря на замечание Уэлмерса, что носители языка *тив* находят этот лингвоним оскорбительным (*highly offensive*). То же можно сказать о лингвонимах *митши, мунчи, суна* (Уэлмерс комментирует эти слова как „obsolete“, „derogatory“, „highly derogatory terms“^{2,3}).

---

¹ Все они есть и у М. Гасри (M. Guthrie. Comparative Bantu. An Introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. Gregg International Publications. Gregg Press Ltd, Westmead. V. 1–4. 1967–1971), и у Веглинов (C. F. Voegelin and F. M. Voegelin. Classification and Index of the World's Languages. New-York, 1978).

² Current Trends in Linguistics. Ed. by T. A. Sebeok. V. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. Mouton. The Hague – Paris, 1971. P. 878.

³ Из цитированного предисловия Уэлмерса и его замечания о различиях в английской и французской орфографии ясно, что он регистрирует в своем индексе написания лингвонимов, а не их произношения. При этом, хотя предпочтение отдается английским написаниям, приводятся и французские, и немецкие, и португальские способы записи одного и того же слова. Авторы Словника, забывая об этом, каждую из таких записей дешифруют в виде самостоятельных слов. Так, известно, что палатальный полугласный фиксируется то как *j* (например, в IPA), то как *y* (например, у Лепсиуса, Мейнхофа и др.). Соответственно лингвоним *яо* может быть записан в различных источниках при одном и том же произношении как *јао* и как *уао*. В русском Словнике *уао* Уэлмерса прочитано как *яо*, а *јао* – как

В итоге у читателя создается неверное представление как о состоянии африканистики на сегодняшний день, так и о достоверности сведений, попадающих в печать. Языковой указатель, использующий устаревшие и непроверенные сведения, вдобавок произвольно подобранные, плох сам по себе. Еще он хуже, если задуман как справочное издание.

6. Недостатки рецензируемого Словника усугубляются тем, что в нем не только допущен произвол в подборе материала и его систематизации, но и встречаются искажения названий африканских языков (например, на 10 страницах я насчитала свыше 70 таких ошибок и некорректностей). Такие языки банту, как *аква, бвала, бвенде, бомвали, ванда, ванджи, вонго, гвамба, гве, гвено, гвере, квая, квакум, квала, квамби, квангари, квангва, кваньяма, кве, квесе, кутсве, лвена, ломве, лвалу, мамбве, махонгве, мбангве, мбвела, мбвера, мбугве, мванга, мвера, мпонгве, нгангела, нгвана, нгвато, нгунгвел, нгхвеле, ньюнгле, пангва, пангве, пимбве, рво, рунгва, сафва, свази, свати, свака, табва, тонгве, чвабо, чокве и шенгве* представлены как *акуа, буела, буенде, бомуали, уанда, уанджи, уонго, гуамба, гуе, гуено, гуере, куайя, куакум, куала, куамби, куангари, куангуа, куаньяма, кве, куесе, кутсве, луена, ломве, луалу, мамбуе, махонгуе, мбангуе, мбуела, мбуера, мбугуе, муанга, муера, мпонгуе, нгангуела, нгуана, нгуато, нгунгуел, нгхуеле, ньюнгуе, пангуе, пангуа, пимбуе, руо, рунгуе, сафуа, суази, суати, суака, табуа, тонгуе, чуабо, чокуе и шенгуе*, – представлены в противоречии с существующей традицией и произношением этих названий носителями языков и их исследователями.

Произошло это потому, что перечисленные названия языков были взяты авторами Словника не из речи носителей языков или исследований, в которых они транскрибируются, а из работы Уэлмера

джао. Аналогично из *yaunde* получилось *яунде*, а из *jaunde* – *джаунде*, из *adyumba* – *адьюмба*, а из *adjumba* – *аджумба*, и т. д. и т. п. По-видимому, так же возникли лингвонимы *уаджао* и *вейяо* из общеизвестного этнонима *ваЯо* (см. дешифровку в индексе Уэлмера *wajao* и *veiao*). Похоже, что *баджиуни* – это не что иное, как *баджиуни* (см. три параллельных словоформы, приводимые Уэлмером для обозначения с помощью различных слогов записи одного и того же диалекта: *Vajuni* – *Vadjuni* – *Bajuni*). *Abaw* – это особое начертание слова *або* [abɔ], а не *абау* (см.: Current Trends in Linguistics. Ed. by T. A. Sebeok. V. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. Mouton. The Hague – Paris, 1971. P. 646, и т. д.). Таких примеров много. Они напоминают знаменитое РЕНИКСА (*ченуха*, прочитанная как RENIXA).

са. Составители русского Словника транслитерировали английские буквы индекса Уэлмерса русскими буквами (в частности, *w* буквой *y*, а не *в*, как писали те, кто пытался воспроизвести звучание данных слов в речи африканцев).

Например, все африканисты, писавшие по-русски, диалект суахили в Конго называли (и произносили) *кингована*, а не *кингуана*, диалект суахили на Коморских островах – *кимвали* (а не *кимуали*), в Момбасе – *кимвита* (а не *кимувита*). Это написание и произношение закреплено и в суахили-русских словарях¹, и в словарях языка суахили, выходявших за рубежом. Аналогично фиксируются эти лингвонимы и в различных исследованиях по бантуистике². Так же называют свои языки африканцы, приехавшие учиться в СССР.

Может показаться несущественным, назовем мы язык [mámɓwe] или [mambúye] (именно так произносит русский цепочку букв *мам-буе*, которую он видит в Словнике, [gwe] или [gúye] (см. *гуе*), [gwéɛrɛ] или [guyéɛrɛ] (см. *гуеɛɛ*), [swázi] или [suázi] (см. *суази*), [lómwe] или [lomúye] (см. *ломуе*) и т. д. Чтобы рассеять это впечатление, достаточно вспомнить о нашей реакции на эксперименты над родным языком (ср. '*мы говорим по-русски*' и '*мы говорим по-русски*'). Эмоциональная оценка возникает не только потому, что мы не считаемся с традициями африканцев, и не только потому, что термины «звучат непривычно», но и потому, что лингвонимы оказываются чужеродным телом для тех языков, из которых они якобы взяты. На этих языках '*так не говорят*', – этот аргумент должен быть исчерпывающим при составлении любого языкового справочника.

Во-первых, повсеместно в языках банту происходит лабиализация согласных, которая на письме чаще всего регистрируется с помощью композит, состоящих из согласного и полугласного *w*. На-

---

¹ Например: Суахили-русский словарь. М., 1961; А. И. Кутузов. Краткий суахили-русский и русско-суахили словарь. М., 1965.

² См.: А. А. Жуков. Культура, язык и литература суахили. Л., 1983; Языковая ситуация в странах Африки. М., 1975; Африканская сказка. Материалы к исследованию языка фольклора. М., 1984; Г. А. Шпажников. Религии стран Африки. Справочник. М., 1981; V. Krupa, J. Genzor, L. Drozdík. Jazyky sveta. Malá moderná encyklopedia. Bratislava, 1983; Д. А. Ольдерогге, Л. З. Сова. Рецензия на книгу А. М. Chamanga, N.-J. Guenier. Le dictionnaire comorien-français et français-comorien de R. P. Sacleux. Paris. SELAF, 1979 // ВЯ. 1982. N 4.

пример, *kw* в ряде случаев является не сочетанием звуков (двух согласных), а изображением с помощью двух букв одного лабиализованного согласного. По-русски такой звук более или менее хорошо фиксируется композитой *кв*, но не *ку*.

Во-вторых, в перечисленных языках существует тенденция к коалесценции гласных с превращением гласного *и* перед последующим согласным в полугласный *w*, либо с исчезновением гласного *и* и соноризацией предыдущего согласного (например, с превращением назального согласного в слогообразующий сонант), либо со стяжением двух гласных в один (нового, измененного качества, а в ряде случаев также количества и тона). Дифтонги при этом не образуются, и то звучание, которое приобретают цитированные выше лингвонимы, сразу начинает восприниматься как фрагмент из иностранного (по отношению к банту) языка.

В-третьих, существует множество топонимов, закрепленных узусом, в которых аналогичные сочетания букв издавна транслитерируются с помощью двух согласных, а не сочетания «согласный + гласный *у*», например: *Квандо-Кубанго*, *Квекве*, *Квененг*, *Квилу*, *Колвези*, *Корогве*, *Лилонгве*, *Масва*, *Мванза*, *Мвила*, *Нгвато*, *Свазиленд* и т. д.¹

И, наконец, в-четвертых: каждое слово в языках банту имеет свой тональный и акцентологический рисунок. Интерпретируя *w* с помощью русского гласного *у*, мы автоматически нарушаем слоговую структуру лингвонима, а в ряде случаев – тональные и количественно-качественные характеристики гласных, место ударения и т. д., т. е. полностью искажаем звучание данного лингвонима и вместо того, чтобы приспособить артикуляционные возможности носителей русского языка к африканским языкам, уподобляем свое произношение нормам английского языка, из которого взяты африканские лингвонимы составителями рецензируемого Словника.

Такое «прочтение» лингвонимов приводит к элементарным ошибкам. Например, язык *гуере* попадает в рубрику языков Бенуэ–Конго вместо языков группы Ква, хотя среди языков *ква* есть язык *гуере*, или *гере*, а среди языков банту – язык *гвере*. Выше было

---

¹ См., например: Г. А. Шпажников. Религии стран Африки. Справочник. М., 1981.

проиллюстрировано, как оформлен лингвоним *Kwa* у Уэлмерса и в русском Словнике (см. лингвоним *Kya*). На самом деле, одно и то же звучание [k^wa] соотносится с двумя различными значениями. В одном случае речь идет о ветви языков *ква*, во втором – о языке *аква* (С22), который тоже называется *ква* и входит не в ареал языков *ква*, а в ареал языков *банту*, т. е. Бенуэ–Конго, по терминологии Словника. Разведение омонимии лингвонима *ква* таким искусственным образом (путем снабжения его различными звуковыми оболочками) сбивает с толку и искажает реальную картину, тем более что последовательного проведения этого принципа для разведения омонимов в других местах Словника нет.

Транслитерация *w* с помощью *у*, к счастью, в русском варианте словника Уэлмерса произведена не всегда последовательно. Благодаря этой небрежности составителей, сохранились, например, такие термины, как *Адамава*, *Ква*, *тсвана* (не *тсуана*, хотя есть *суати*), *чвана*, *чева* (не *чеуа*, хотя есть *ачауа*) и некоторые другие. Но таких случаев мало. Большинству лингвонимов Уэлмерса с буквой *w* не повезло. Некритичность копирования словника Уэлмерса особенно заметна на следующем примере: диалект суахили *mwita* у Уэлмерса значится *Mvita*, а диалект суахили *mwali* – *Mwali*. Соответственно в русском Словнике появляется *mwita* и *муали* (ср. *Kimwita* 'кимвита' в других русских справочниках)¹.

Русский Словник собрал все неточности и ошибки Уэлмерса, – даже те, на которые указывала критика, см., например: „Rundi and Rwanda are simply glossed as constituting one language with each other“, although the author „would at least call them dialects, parallel with the list of Swahili dialects (Lamu, Pate, Siu, etc.)“².

Менее распространенной является еще одна некорректность. Она связана с транслитерацией названий языков, в структуре которых есть назальные композиты (например, вместо [bɔŋkɛŋ] в Словнике стоит *бонкен*, вместо *матумби* – *матуби*, и т. п.). При транслитерации сочетаний *ja*, *ju*, *je*, *ji*, *jo*, которые обозначают йотированные гласные, соответствующие русским *я*, *ю*, *е*, *и*, *ё*, йотирование в

---

¹ Например: Суахили-русский словарь. М., 1961. А. И. Кутузов. Краткий суахили-русский и русско-суахили словарь. М., 1965.

² J. Knappert. The state of our knowledge of African languages // Linguistics. 1974. N 124. P. 72.

Словнике, как правило, обозначено дважды. Например, не *тсааи* [tsaaji], а *тсааийи*, не *кикую*¹, а *кикуйю*, не *кукуя*, а *кукуйя*, и т. д. (см. также *куайя*, *хайя*, *гикуйю*, *луйяна*, *нгайяба*, *нкойя*), хотя *ела*, а не *йела* для *уела*, *адееях*, а не *адеейях* для *адееуач*, *ясем*, а не *йясем* для *уасет*, *яунде*, а не *йяунде* для *уаунде*, *ергум* и *йергум* для *уергит*, *дьюмба* для *дуймба*, наряду с *адьюмба* для *адуймба*).

В ряде случаев введено йотирование там, где его в оригинале нет, например, *баджуе* вместо *баджуэ*, *руе* вместо *руэ*. Не всегда подчеркивается долгота гласных, например, *ндумо* вместо *ндуюмо* [nduɔmo], *хаву* вместо *хааву* [haavu], *лали* вместо *лаали* [laali], но *лаади* в аналогичном случае. Вместо лингвонима Уэлмерса *ангие* в русском варианте появился лингвоним *андгис*, вместо *аджао* – *аджаауа*, вместо *хоса* – *коса* и т. п.

Те же закономерности представлены при транслитерации не только языков банту, но и других африканских языков. Ситуация с произношением лингвонимов в них обстоит, как в банту, но общий процент ошибок здесь еще больше. Поэтому всю африканскую часть Словника надо делать заново. Например, для банту процент ошибок вместе с необъяснимыми лакунами и опечатками распространяется более чем на четверть лингвонимов, т. е. свыше 25% материала оказывается не соответствующим нормам произношения и уровню современной науки. Для остальных африканских лингвонимов ошибки представлены в 30–35% случаев.

Кроме этих недостатков, есть и чисто технические ошибки и опечатки. Их немало. Например, непонятен выбор строчных и заглавных букв, – ср. *(ки)Мбунду*, *(чи)Асу*, *(чи)лумби*, *(ки)суахили* (хотя есть и *(ки)Суахили*), и т. д. В одних случаях названия языков употреблены с префиксами, в других – без, например: *(ли)Анмба*, но *Аму*, *(ичи)Лала*, но *Амбо*, и т. п. По-видимому, это происходит в тех случаях, когда составителям Словника префиксы неизвестны.

Различные варианты произношения одного и того же лингвонима то выделены в самостоятельные статьи, то даны списком в одной и той же статье, – ср., например, следующие статьи:

Абау   см. Банкон д-т баса

---

¹ Библиотечно-библиографическая классификация. М., 1963. Дополнения, вып. XX. М., 1978 и др.

Або см. Банкон д-т баса

Банкон д-т баса

* *

*

Баквеле тж. Баквил

* *

*

Апагибети, тж. Апакабети, апакебети, апакибети д-т буа

* *

*

Агуагуана, тж. Агуагуане см. Акунакуна

Акунакуна

Нет стандарта в описании синонимических и иерархических отношений между лингвонимами, – ср., например, такие статьи:

В Словнике	У Уэлмерса
Або см. Банкон д-т баса	Abo ≈ Bankon, dial. of Basa
Баджуни, т. ж. баджун см. (ки)Суахили	Bajun, Bajuni dial. of kiSwahili
Алеги подд-т гайи	Alegi ≈ Gayi (2)
Гайи д-т боки	Gayi (2) Niger–Congo, Benue–Congo Nigeria, Camerun (perhaps a dial. of Boki) also Bisu
Боки	Boki Niger–Congo, Benue–Congo 85,000 Nigeria, Camerun also: Boki, Nki, Okii dial.. Basua; perhaps closely related languages: Bete, Gayi, (Alegi, Ugi), Yakoro
Мбака д-т (ки)мбунду подд-т нджинга	Mbaka (1) sub-dial. of Njinga, dial. of kiMbundu Mbaka (2) ≈ Gbaya
Нджинга д-т (ки)мбунду	Njinga dial. of kiMbundu
(ки)Мбунду	kiMbundu Niger–Congo, Benue–Congo Angola 110,000 Also: Nbandu, N'Bundo, kiNdongo Dial.: Njinga (Ginga, Jinga), with sub-dialects kiMbamba (Bambiero), Mbaka (Ambaquista); Ngola, etc.

Другими словами, у Уэлмерса сказано: *баджуни (баджун)* – диалект *суахили*, а в соответствии с логикой русского Словника, изложенной в Предисловии, *баджун* и *суахили* – это синонимы (ср. *Або* и *Банкон*). У Уэлмерса *alegi* и *gaii* (2) – это синонимы, в рус-

ском Словнике *алеги* – это поддиалект *гайи*. У Уэлмерса *gayi*(2) – «возможно, диалект *боки*», а, «возможно, один из родственных языков», в русском Словнике *гайи* – диалект *боки*. У Уэлмерса *mbaka* – это поддиалект одного (*ndjinga*) из диалектов языка *kiMbundu*, а в русском Словнике *мбака* – это либо диалект (*ки*)мбунду, либо поддиалект одного из его диалектов (*нджинга*).

Лингвоним (*ба*)*Нох* зафиксирован как «подд-т (*ба*)танга», а *Нох* – как «подд-т (*ба*)нох». На самом деле, речь идет об одном и том же диалекте (*ба*)ноо языка (*ба*)танга, который называют *banoo*¹, [banɔɔ]², *baNoh*, *Noho*, *Noko*³. Примеров такого типа в работе много.

Я не говорю о соотношении строчных и заглавных букв в этих примерах, которое не выдерживает никакой критики, или о таких случаях, как статьи *Аджумба* и *Адьюмба*, дающие отсылки к статье *Дьюмба*, которой нет (есть статья *Дьумба*). Аналогично есть отсылка при лингвониме *Йергум* к слову *Боритсу*, а вместо него напечатано *Биритсу* (после *Бообе*). Лингвоним (*е*)*Бое* стоит после лингвонима *Бонкенг-Пендиа*, (*ичи*)*Фина* – перед *Физере*, *Мамбукушу* – после *Мбамба*, и т. д., и т. п.

Может показаться, что это всего лишь технические погрешности, но отыскать нужное слово или разобрать, где язык, а где его диалект, где основной лингвоним, а где – второстепенный, где установлены синонимические, а где – иерархические отношения между лингвонимами, невозможно. Технические погрешности накладываются на неудачную форму Словника, предопределившую отсутствие необходимой и наличие избыточной информации, и усугубляются ошибочной транслитерацией, отсутствием отсылок к оригиналу, устаревшими или неприемлемыми принципами подачи материала, искажениями в классификации, пренебрежением к лингвистической традиции и языковому чутью носителей африканских языков.

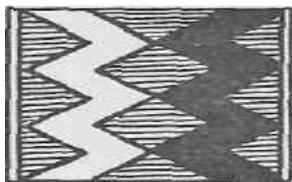
¹ C. F. Voegelin and F. M. Voegelin. Classification and Index of the World's Languages. New-York, 1978.

² M. Guthrie. Comparative Bantu. An Introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. Gregg International Publications. Gregg Press Ltd, Westmead. V. 1–4. 1967–1971.

³ Current Trends in Linguistics. Ed. by T. A. Sebeok. V. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. Mouton. The Hague – Paris, 1971.

Поскольку данный Словник задуман как издание, имеющее самостоятельное научное значение (см. с. 4 Словника, цитированную выше), он создан не для рабочего обсуждения или служебного использования, а как книга из массовой серии с тиражом 5 000 экземпляров. В Предисловии к нему перечислены авторитетнейшие ученые. Вышел Словник под грифом Академии Наук СССР.

Возможно, составители африканской части Словника случайно умолчали о тех источниках, откуда они почерпнули материал. Возможно, они случайно не упомянули о принципах, положенных в основу создания оригинала, переведенного на русский язык под видом самостоятельного исследования. Однако совершенно не случайно, что «принцип удобства» для составителей обернулся «принципом неудобства» для читателей¹.

---

¹ Рецензия написана в 1982 г. С ней были ознакомлены авторы Словника. Редакция журнала «Вопросы языкознания» не нашла нужным ее публиковать. Печатается впервые.

Рецензия на статью Н. В. Охотиной «Языки банту» в монографии «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы». Отв. ред. Н. З. Гаджиева (М., 1982. С. 274–290)

Рецензируемая статья посвящена истории и современному состоянию сравнительно-исторического изучения языков банту. Она состоит из четырех частей: 1) общая характеристика сравнительно-исторического изучения языков банту; 2) работы Мейнхофа как «первая попытка сравнительно-исторического исследования в бантуистике»; 3) появление исследований Гасри как «начало собственно сравнительно-исторического изучения языков банту»; 4) Гринберг и банту, а также Приложения.

Начнем с Приложения. В нем приведены лингвогеографические и демографические сведения о языках банту, упорядоченных по зонам А–S, установленным в классификации Гасри. Сведения, приведенные на с. 286–290, либо безнадежно устарели, либо изобилуют ошибками, опечатками и неточностями. Так, на с. 286 утверждается, что по наиболее представительному языку группы А *дуала* зарегистрировано 25 тыс. говорящих. На самом деле, в 1978 г. носителей этого языка было 1.2 млн. человек¹ (в конце 19 в. было зарегистрировано около 30 тыс. человек в Камеруне²). На той же странице приводятся группы *биафа* и *мако-нджем* (современные названия: *бафия*, *мака-нджем*) и отмечается, что на языках зоны А говорит свыше 1.5 млн. человек (в действительности, свыше 5 млн.) и в нее входят 46 языков (У Гасри зафиксировано свыше 50 языков, в настоящее время к зоне А относят более 60 языков и диалектов³). Наиболее представительным, как отмечено выше, назван язык *дуала*, хотя в эту группу входит также *фанг* (A75, по Гасри), на котором говорило в 1978 г. около 2.2 млн. человек. Кроме перечисленных в статье пяти африканских государств, где проживают носители языков группы А, есть еще одно – Нигерия⁴. Таким образом, все в этой рубрике является неверным: количество носителей языков, названия языковых групп, количество входящих в

---

¹ Данные на 2007 г. см. CIA. World Factbook, 14 June 2007. People Statistics. Ethnic groups (most recent) by country. Internet Usage Statistics for Africa. (<http://www.internetworldstats.com>), а также: Л. З. Сова. Африканистика и эволюционная лингвистика. СПб., 2007.

² J. Ittman. Grammatik des Duala (Kamerun). Unter Mitarbeit von Carl Meinhof. Berlin, 1939. S. 6.

³ См.: Les langues dans le monde ancien et moderne. Afrique Subsaharienne, Pidgins et Créoles. Cartes. Éditions du CNRS. 1981. Лист 8.

⁴ См.: С. И. Брук. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.

зону языков, характеристика их представительности, этнодемографические данные.

С аналогичной картиной мы сталкиваемся повсюду. Так, на с. 287 говорится, что число носителей каждого из 33 языков зоны В не превышает 50 тыс. человек. Это не соответствует действительности. Например, на языке *дзинг* В86 (все индексы здесь и далее взяты из классификации Гасри) говорит 180 тыс. человек, на *мпонгве* В11а – 160 тыс., на *мбете* В61 – 155 тыс., на *пуну* В43 – 120 тыс., на *кота* В25 – 105 тыс., на *нзеби* В52 – 60 тыс., на *тсаанги* В53 – 60 тыс. Вместо названий групп *ширапуну*, *нджави*, *мйене* следует писать: *шира-пуну*, *нджаби*, *мъене*, а к перечисленным локациям языков группы В необходимо добавить Экваториальную Гвинею.

В зону С у Гасри входит не 44 языка, а 48, число говорящих на них – свыше 7 млн., не 2.5 млн. Так, только племена *монго*, *тетела*, *ленгола* и *локеле* составляют 3.7 млн., *бобанги* – 1.7 млн., *сенгеле* и *саката* – 180 тыс., *бакуба* – 250 тыс., *нгомбе* (с *мабинджа* и *мбуджа*) – 460 тыс., *бабоа* – 650 тыс., и т. д. Из восьми групп Гасри две названы неверно (*ингунди* и *мбанги-нтумба* вместо *нгунди* и *банги-нтумба*). Гомогенность этой зоны представляется несомненной только автору статьи. Гасри не только этого не считал, но даже особо указал на неоднородность группы С, подчеркнув, что языки подгруппы С10 не менее близки к языкам зоны А (А80 и А90), чем к остальным языкам зоны С. Сравнение грамматических формантов показывает, что *бобанги* (С32), *сенгеле* (С33) и *саката* (С34) значительно ближе к языкам группы В, чем к остальным языкам группы С. К этому надо добавить, что общность корнеслова, которая служит в статье Н. В. Охотиной единственным критерием, с помощью которого мотивируется родство языков, для Гасри не была фактором, затмевающим важность остальных оснований классификации, таких, как значение классифицируемых единиц, фонетическое сходство элементов, имеющих одно и то же значение, грамматический алломорфизм, единообразие консонантизма и вокализма. Наоборот, он неоднократно подчеркивал, что для выводов о родстве языков надо использовать не один какой-либо критерий, а применять комплексный подход.

Наиболее многочисленными из языков группы D на с. 287 названы *рунди* (2 млн.) и *руанда* (2.3 млн.). На самом деле, на *руанда* говорит 7 млн. 840 тыс. человек, а племена *барунди* (вместе с близкородственными им *бах*) составляют 8 млн. 630 тыс. человек. Общая численность говорящих на языках этой зоны в 1978 г. составляла свыше 15 млн. человек, а не 5 млн., как полагает Н. В. Охотина. Из шести групп две названы неверно: *лега-каланга* и *бембе-кабвари* (вместо *лега-каленга* и *бемба-кабвари*, с.

287). Лингвоним *бемба* в ареале банту у Гасри есть, но к зоне D отношения не имеет (см. зону M).

В группе E у Гасри насчитывается не 38 языков, как отмечено на с. 287, а 39. Говорит на них свыше 19 млн., а не 7 млн. человек. Например, племена *балухья* составляют свыше 5 млн. человек, *баньоро* – свыше 3 млн., на *гикую* говорят свыше 4 млн. человек, как и на *ганда*. Кроме того, есть такие языки, как *ламба* E55 – 1.66 млн., *хаи* E62 – 870 тыс., *меру* E53 – 700 тыс. и т. д. Из семи групп три названы вопреки существующей традиции: *ньйоро–ганда*, *хайа–джита*, *кикуйю–камба*, что подчеркивает непоследовательность Н. В. Охотиной при транслитерации лингвонимов Гасри: в одном случае «йот» из английского текста передается диграфом *ьй*, в другом – буквой *ь*, в третьем – *й*. Например, *ньика* (*nyika*), *луяна* (*luana*) и *нкоя* (*nkoa*) в рецензируемой статье, с одной стороны, и *ньйоро* (*nyoro*), *хайа* (*haia*), *мьене* (*muene*), с другой. В соответствии с существующей традицией, большинство лингвонимов транслитерируются единообразно, – *ньоро*, *ньика*, *мьене* и т. п.

Общая численность говорящих на языках зоны G (не считая *суахили*) давно превысила 2 млн. человек (а не 1.66 млн. на с. 288). Это видно из следующего: на 1978 г. *вахеха* и *вабена* составляли 1.2 млн., на *шамбаа* и *зигула* (в соответствии с транскрипцией основных лингвонимов у Гасри) говорили 750 тыс. человек, т. е. только на четырех из 23 зарегистрированных Гасри языков говорило на момент написания статьи почти 2 млн. человек. Количество языков этой зоны в статье не называется, хотя по остальным зонам такие данные приводятся. Вопрос о количестве говорящих на *суахили* является спорным. В настоящее время эту цифру поднимают до 60 млн.¹, пятнадцать лет назад было 40–50 млн. говорящих на *суахили*. Из пяти групп зоны G одна названа неверно: *того* (вместо *гого* (ср. *гого* в Восточной Африке и Того – в Западной)).

Из четырех лингвонимов Гасри, служащих для обозначения групп зоны H, три искажены: на с. 288 упомянуты группы *конго*, *кимбунду*, *яка* и *мбала*, у Гасри – *киконго*, *кимбунду*, *кияка* и *кимбала*. Префикс *ки* служит у Гасри для дифференциации языковых групп в противовес языкам, входящим в эти группы, – ср. язык *яка*, но группа *кияка*; язык *мбала*, но группа *кимбала*, и т. д. Этот принцип Гасри проводит в зоне H последовательно, поэтому, по Гасри, *яка* и *кияка* – не два варианта одного и того же лингвонима, а два различных лингвонима. И значит, на с. 288 названы не четыре группы зоны H, а три языка и одна группа. На *киконго* (термин, отсутствующий у Гасри при фиксации языков и введенный им для обозначения койне, образованного на базе диалектов и языков, объединенных в группу

---

¹ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, языки. М., 1985. С. 42.

Н10. *киконго*), который является одним из «наиболее престижных» языков этой зоны (с. 288), по мнению Н. В. Охотиной, говорит 1.5 млн. человек. Это неверно. Только народность *баконго*, представители которой говорят на этом языке, насчитывает 6 млн. 165 тыс. человек. По данным Ж. Офунене и С. Акалафуа (студентов Ленинградского университета из Браззавиля), все *баконго* владеют *киконго*. Вторым языком у них является *лингала*, третьим (у некоторых) – *французский, русский и суахили*. Надо отметить, что вопрос о престижности для многих африканцев является болезненным. Они неохотно откликаются на него, поэтому и нам говорить на эту тему не стоит. На с. 288 отмечено, что языки зоны Н якобы близки к языкам зоны В, «особенно в части грамматических характеристик». Если это так, следует расшифровать это утверждение, поскольку известные мне материалы свидетельствуют, прежде всего, о том, что зона В не однородна. Особняком в ней стоят языки группы *мьене* (на это обращал внимание бантуистов еще Гасри). Данные о каких-то параллелях, которые помогли бы не только приблизить к языкам зоны В языки других зон, но хотя бы консолидировать саму зону В, являются нетривиальными. Мне неизвестно, о каких грамматических характеристиках говорит Н. В. Охотина, но, если иметь в виду информацию, относящуюся к системам согласовательных классов, сблизить зоны В и Н значительно труднее, чем, например, С и D или В, С и D (в противовес Н), потому что между зонами В, С и D, с одной стороны, и зоной Н, с другой, различий больше, чем сходств.

Численность говорящих на языках зоны К не около 930 тыс., а около 3 млн. Например, на *луимби* и *лучази* говорят 630 тыс. человек, на *лози* – 630 тыс., на *чокве* и *луяна* – 1 млн. 430 тыс., а говорящих на языках зоны L не 4.03 млн., а около 7 млн. Так, на языках группы *луба* говорит свыше 5 млн. человек, на *лунда* – 600 тыс., на *нкоя* – 150 тыс. и т. д. Разнобой транслитерации проявляется и здесь (ср., например, *куруа* и *субия* – [kɔɾja, suβia]). Открытие: «Есть основания полагать, что языки зоны представляют собой наиболее типичные языки банту» (с. 289) следовало бы аргументировать, указав, что такое «наиболее типичные языки банту» и о каких основаниях идет речь (в аспекте синхронии или диахронии, лексики или грамматики, содержания или выражения, морфологических или синтаксических категорий).

Общее число говорящих на языках зоны М составляет не около 1 млн., а свыше 3 млн. Так, только в Замбии *бемба* вместе с близкородственными им *табва*, *биуса*, *лала* и *ламба* составляют 2.3 млн. (*бемба* живут также в Заире и Танзании). Кроме того, *фита* и *мванга* насчитывают 475 тыс. Группа «*ньяка-сафва*» названа неверно: у Гасри *ньяка-сафва* (*Nyika-Safwa*).

На языках группы N говорит свыше 7 млн., а не 2 млн. человек, а на *ньянджа* (N31) – свыше 6 млн., а не 1 млн.: на языке *ньянджа* говорят народы *Малави* и *ангони*, соответственно: 5.516 млн. и 650 тыс. Общее число говорящих на языках группы P не «приближается к 2 млн.», а давно перевалило 9 млн. и на самом распространенном языке этой группы *макуа* говорило еще в 1978 г. 6.465 млн. человек, а не 1 млн., как это утверждает Н. В. Охотина. Кроме того, есть еще *яо* (P21) – 1.560 млн. и *маконде* (P23) – 1.11 млн., не говоря об остальных языках данной зоны.

Таким образом, из демографических сведений нет ни одного правильного. Некоторые цифры отражают положение дел на середину 20 в., другие – весьма приблизительно – на начало 20 в., третьи вообще взяты, что называется, с потолка. При передаче лингвонимов Гасри, которыми якобы пользуется автор статьи, нет единообразия в транслитерации английских терминов. Из-за ошибок и опечаток искажена примерно четверть названий Гасри. В ряде случаев неверно указана локализация языковых зон. Произвольно интерпретированы результаты Гасри в отношении генетической общности языков и степени гомогенности выделенных им групп, нечетко и непоследовательно аргументированы принципы классификации Гасри, определяющие соотношения между языками, их группами и зонами.

2. Перейдем к остальным разделам статьи. О первой части, посвященной общей характеристике сравнительно-исторического направления в бантуистике, говорить, употребляя аффирмативные формы глаголов, невозможно, потому что в ней нет того, что должно быть: характеристики специфики применения сравнительно-исторического метода к языкам банту, обзора полученных при этом результатов и их оценки автором статьи. Вместо этого упоминаются два десятка имен и о четырех из них сообщаются хрестоматийные сведения. И в отборе имен, и в приписываемой им роли допускается ничем не мотивированный произвол, находящийся в противоречии с положением дел в африканистике.

Так, в Послесловии к сборнику «Африканское языкознание» (М. 1963) Д. А. Ольдерогге пишет: «Начало научного изучения языков народов Африки относится к концу XVIII – началу XIX в., когда закладывались основы науки о языке и вырабатывались принципы сравнительно-исторического метода языкознания. Африканскими языками интересовался в конце XVIII в. английский лингвист санскритолог Марсен; ему удалось установить, что языки, на которых говорят народы Конго, Южной и Восточной тропической Африки, составляют единую группу родственных языков. Языками Западной Африки занимался Р. К. Раск – один из основоположников сравнительно-исторического метода, а позднее – видные языковеды Г. Габеленц, А. Ф. Потт, Г. Штейнталь и многие другие лингвисты начала прошлого века» (с. 378). Далее Д. А. Ольдерогге кратко ос-

танавливается на развитии африканистики в целом и сравнительно-исторического направления, в частности, и кратко характеризует работы Барта, Апплеярда, Граута, Лепсиуса, Кэста, Кольба и многих других.

Н. В. Охотина поступает просто: первой попыткой сравнительно-исторического изучения языков банту называет работы Мейнхофа (с. 276 рецензируемой статьи), а «началом собственно сравнительно-исторического изучения языков банту» – Гасри. До этого она снисходительно упоминает Блика и Джонстона (последнего – в связи с «низким уровнем фонетического описания», с. 275), а после этого – Гринберга. Вот и вся история сравнительно-исторического изучения языков банту.

В связи с этим нужно отметить, что, кроме обширной литературы по истории вопроса за последние два века, в африканистике есть немало обзоров и сводных работ. Один из таких обзоров представлен в седьмом томе «Linguistics in Sub-Saharan Africa» издания «Current Trends in Linguistics» (1971)¹. Вопросам применения сравнительно-исторического метода в бантуистике посвящено также несколько работ, опубликованных на русском языке (в том числе, исследование Д. А. Ольдерогге по так называемой хамитской проблеме в языкознании, его статьи о состоянии изучения языков Африки, рецензии и обзоры, посвященные развитию различных школ в африканистике). Тем более странным представляется игнорирование традиции в таком издании, как труд по сравнительно-историческому изучению языков разных семей, подготовленный Институтом языкознания Академии Наук.

Поскольку статьи по остальным языковым семьям указанной особенностью не отличаются, невольно создается впечатление, что не автор рецензируемой статьи игнорирует историю изучения языков банту, а что эти языки попросту не имеют таковой. Вывод, который вступает в противоречие с фактами и выглядит как откровенная насмешка над африканистикой.

Есть еще один аспект данной проблемы. Африканские студенты, которые учатся в СССР, с огромным интересом реагируют на публикации, посвященные их странам и языкам, независимо от того, имеют эти публика-

---

¹ См. также: Р. А. Агеева. О классификации африканских языков Дж. Гринберга (Обзор) // Языки Африки. М., 1966; I. Fodor. The problems in classification of the African languages. Budapest, 1969; P. Bennett and J. Sterk. South-Central Niger-Congo: a reclassification // Journal of the (Royal) African Society. 1977. N 8; K. Williamson. South-Central Niger-Congo re-examined. Paper read at the 14. WALC. Cotonou, Benin, 1980 (pro manuscripto); P. de Wolf. The noun class system of Proto-Benue-Congo. Mouton. The Hague – Paris, 1971; J. Knappert. The state of our knowledge of African languages // Linguistics. 1974. N 124; E. O. J. Westphal. The Click Languages of Southern and Eastern Africa // Current Trends in Linguistics. Ed. by T. Sebeok. V. 7. Mouton. The Hague – Paris, 1971 и др.

ции отношение к их профессии или нет. Важным оказывается не только то, что написано в исследовании, а и то, насколько подробно, скрупулезно и внимательно освещаются факты. Степень внимания к стране, ее истории, языку, тщательность их изучения, верность деталям воспринимается как дань уважения, отсутствие этих факторов – как отношение противоположного плана. Хотя речь идет об экстралингвистических обстоятельствах, оставлять их без внимания нельзя. Они заставляют совсем другими глазами смотреть на ошибки, неточности, некорректности и искажения в статье Н. В. Охотиной.

3. В рецензируемой статье наибольшее внимание уделено Мейнхофу. Посмотрим, как это внимание проявляется. На с. 276 Н. В. Охотина пишет: «Постулируемая Мейнхофом фонетическая структура протобанту в части вокализма содержит три первичных гласных *a, i, u*, а также два составных: *e* и *o*. Так называемые составные гласные являются, по мнению Мейнхофа, результатом взаимодействия первичных гласных, а именно: $a + u > o$, $a + i > e$ ». Во-первых, перевод термина Мейнхофа словом «составные» плохо передает идею Мейнхофа (см. у Д. А. Ольдерогге термин «производные»), так как речь идет не о сложности или дискретности состава и структуры гласных в синхронии (см. значение русского слова «составной» в Словаре современного русского языка: «составленный из нескольких частей»), а об их генезисе (Мейнхоф противопоставляет оба типа гласных как исходные, первичные и образованные из исходных в результате их коалесценции). Во-вторых, производными, по Мейнхофу, являются *e, o*, а не *e, o*, как написано на с. 276. Поскольку в начале абзаца Н. В. Охотина называет *e, o* и приводит якобы правила образования этих гласных (у Мейнхофа это – правила образования гласных *e, o*: $a + u > o$, $a + i > e$), а затем оперирует гласными *e, o* (см. следующую строку, цитируемую ниже), создается ошибочное впечатление, будто Мейнхоф был непоследовательным и некорректно описывал результаты своих наблюдений. На самом деле, Мейнхофа упрекнуть не в чем, виноват его интерпретатор.

Далее Н. В. Охотина пишет: «Установление открытых и закрытых вариантов фонем *e, o, i, u* дает основание Мейнхофу предложить для протобанту следующую вокалическую структуру:

$$\begin{array}{c} a \\ e \quad o \\ i \quad \hat{i} \quad \hat{u} \quad u \end{array} \text{ (с. 276).}$$

Во-первых, оппозиция «открытые – закрытые» гласные проводится Мейнхофом только в отношении $i - \hat{i}$, $u - \hat{u}$, и на *e, o*, она, вопреки мнению Н. В. Охотиной, не распространяется. И вот почему. Как отмечалось выше, Мейнхоф выделяет три основные (первичные, исходные) гласные *a, i, u*, а

все остальные рассматривает как производные от них. Производность, по Мейнхофу, бывает нескольких типов. Одним из них является коалесценция, в результате которой образуются $\underline{e}$, $\underline{o}$. Из остальных типов выделяют контракции гласных, в результате которых возникают краткие гласные. Поэтому $\hat{i}$ выступает как образованный от i , а $\hat{u}$ – от u , и цитируемая выше фраза Н. В. Охотиной («установление закрытых и открытых вариантов фонем $\underline{e}$, $\underline{o}$, $\hat{i}$, $\hat{u}$ ») превращается в бессмыслицу: i , $\hat{u}$, по Мейнхофу, находится в одном отношении производности к i , u (как краткие и обычные), а $\underline{e}$, $\underline{o}$ – в другом (как результат слияния i , u с гласным a), и никаких закрытых и открытых вариантов фонем $\underline{e}$, $\underline{o}$ у Мейнхофа нет.

Это обусловлено тем, что закрытыми гласными Мейнхоф называет более напряженные и, следуя современной терминологии, слегка централизованные. Например, по Мейнхофу, $\hat{u}$ продвинуто вперед по сравнению с u и в силу этого более округлое. Соответственно $\hat{i}$ является более углубленным, чем i , и этим объясняется палатализуемость k перед ним. Этими соотношениями, как объясняет Мейнхоф, определяется иерархия гласных в системе, цитируемой Н. В. Охотиной (см. положение гласного $\underline{e}$ между i и a , символизирующее результат уподобления гласных a , i друг другу, заканчивающегося их слиянием и образованием гласного нового качества – $\underline{e}$).

Симметрично этой подсистеме расположены гласные a , $\underline{o}$, u . Кроме того, ближе от i к центру расположен гласный $\hat{i}$, что соответствует изменению артикуляционных движений при переходе от i к $\hat{i}$ (углублению артикуляции). Аналогично: $\hat{u}$ фиксируется левее от u и ближе к центру, что свидетельствует о продвинутости вперед $\hat{u}$ по сравнению с u .

Внутренняя логика, эксплицируемая посредством упорядочения гласных, объясняет не только суть реконструкций Мейнхофа, но и долговечность его построений. Она же свидетельствует о полноте, непротиворечивости и гармоничности постулатов его теории. Вне этого объяснения система Мейнхофа непонятна, а сам набор гласных (Почему именно семь? Почему эти, а не другие?) кажется немотивированным. При нотации Н. В. Охотиной система Мейнхофа выглядит странной, тогда как, на самом деле, Мейнхоф с предельной скрупулезностью проанализировал и объяснил все компоненты своей системы и мотивы ее построения.

Следующий абзац у Н. В. Охотиной посвящен консонантизму прабанту. Здесь картина не лучше. Так, на с. 276 написано: «Система консонантизма протобанту, реконструируемая Мейнхофом, содержит следующие согласные: 1) первичные плозивные k , t , p ; палатализованные плозивные $\underline{k}$, $\underline{t}$, $\underline{p}$; 2) первичные фрикативные γ , l , $\underline{v}$; палатализованные фрикативные γ , $\underline{l}$; 3) назальные $\hat{n}$, m , n ».

Во-первых, перевод «пловивные» на русский язык неудачен. Речь идет о взрывных согласных, а не о пловии как общем названии первой и третьей фаз произнесения смычных согласных, т. е. импловии и экспловии.

Во-вторых, палатализованных взрывных Мейнхоф устанавливает не три $\underline{k}$, $\underline{t}$, $\underline{p}$, а только два: $\underline{k}$, $\underline{t}$. Это соответствует исследуемым им и известным африканистам фактам – палатализованные $\underline{k}$, $\underline{t}$ Мейнхоф наблюдал в живых африканских языках, на основании анализа которых он строил свои реконструкции, а сведений о палатализации $\underline{p}$ у него, как, впрочем, и у других лингвистов, не было.

В-третьих, палатализованный велярный фрикативный у Мейнхофа обозначен символом $\underline{\gamma}$, а не γ , как указано на с. 276.

В-четвертых, – и это является очень существенным для концепции Мейнхофа, хотя об этом умалчивает Н. В. Охотина, – Мейнхоф вводит в свою систему согласных принцип симметрии, в соответствии с которым все первичные взрывные являются глухими, а фрикативные – звонкими, поэтому противопоставление первичных консонантов основано не только на принципе «взрывные – фрикативные», но и на принципе «глухие – звонкие», и между обеими оппозициями установлен полный параллелизм.

В-пятых, палатализованные $\underline{t}$, $\underline{k}$, $\underline{\gamma}$, $\underline{l}$ не являются первичными (это опять-таки вытекает из внутренней логики системы, полнота и непротиворечивость которой обусловлена характером отношений согласных, зарегистрированных выше). Мейнхоф называет их вторичными, генетически производными от непалатализованных, и отмечает, что своим отличием от первичных консонантов они обязаны влиянию гласных, являющихся их соседями в слове.

В-шестых, говоря о первичных назальных, Мейнхоф употребляет две модальности: аффирмативность по отношению к m , n и предположительность – по отношению к $\acute{n}$, поэтому в нотации Мейнхофа первичными назальными являются не $\acute{n}$, m , n , как у Н. В. Охотиной, а m , n и $[\acute{n}]$.

Таким образом, изложение взглядов Мейнхофа является полуправдой: и количество реконструированных элементов, и их системные отношения, и мотивация построения протосистемы. За кажущимся лаконизмом пересказа концепции Мейнхофа скрывается дезинформация, не говоря о том, что отсутствует самое необходимое – объяснение нотации Мейнхофа, без чего текст Н. В. Охотиной оказывается загадкой шифровальщика: как, скажем, читатель, не знакомый с работами Мейнхофа, может догадаться, что $\acute{n}$ – это $[\eta]$ в терминах IPA? Кроме недоумения, почему Мейнхоф был признан одним из крупнейших представителей сравнительно-исторического языкознания и считался самым большим авторитетом в

бантуистике первой половины 20-го века, подобное изложение-искажение его взглядов ничего не вызывает.

Этот разбор можно было бы продолжить, но и анализа восьми страниц из шестнадцати достаточно, чтобы увидеть качество рецензируемой статьи. Можно добавить, что Гасри повезло еще меньше, чем Мейнхофу. Если верить Н. В. Охотиной, вокалическая протосистема Гасри имеет вид: *a, *e, *ε, *f, *Q, *ɔ, *U. Догадаться, что речь идет об *A, *E, *ε, *I, *O,

*ɔ, *U (Т. 1. Ч. 1. С. 61 работы Гасри, описываемой Н. В. Охотиной) трудно, потому что из семи элементов протосистемы правильно перечислены только три. Кроме того, нет объяснения, почему в состав перечисленных знаков включены пять символов гласных, два – согласных, пять букв являются строчными, две – заглавными, одни взяты из латинского алфавита, другие – из греческого, третьи – из транскрипционных символов. Сообразить, какую они образуют систему и какими связаны отношениями друг с другом, в этой ситуации можно с таким же успехом, как интерпретировать печочку случайных чисел.

Конечно, подобный казус – результат опечаток. Не будь остального, он вызывал бы сожаление о том, что автор статьи недостаточно внимательно работал с корректурой. Однако, при учете остальных ошибок, бессмыслица, приписываемая Гасри, выглядит как закономерный результат этого совершенно беспрецедентного в лингвистике «исследования». Каждая часть рецензируемой работы и статья в целом, как было показано выше, содержит столько ошибок и неверных сведений, что ее нельзя отнести ни к одному из существующих в языкознании направлений. Она не соответствует не только сегодняшнему, но даже вчерашнему уровню развития науки. Работа создает неверное представление о положении дел в бантуистике и о тех фактах, которые оказались в центре внимания Н. В. Охотиной. Низкий научный уровень данной статьи снижает значение монографии, в которую она входит. Работа не соответствует представлению об Институте, под грифом которого опубликована¹.

---

¹ Рецензия написана в 1982 г. и представлена на обсуждение в Сектор африканских языков Института языкознания АН СССР (Москва). Публикуется впервые.

Из личного архива

Аннотация к монографии «Конфигурационный синтаксис языка зулу. Ч. 1 (Конфигурации 1–15. Ленинград, 1968. 208 стр.). Ч. 2 (Конфигурации 16–40. Ленинград, 1969. 300 стр.)»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

Л. З. СОВА

КОНФИГУРАЦИОННЫЙ
СИНТАКСИС
ЯЗЫКА
ЗУЛУ

ЧАСТЬ 1
(КОНФИГУРАЦИИ 1–15)

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА
Ленинградское отделение
Ленинград - 1968

Книга представляет собой исследование синтаксической структуры зулу – одного из африканских языков группы банту. Монография состоит из теоретического введения, основной части, комментариев и приложения. Основная часть представляет собой описание сорока синтаксических конструкций языка зулу: тридцати семи формально-

смысловых конфигураций, ядрами которых являются глаголы, и трех формально-смысловых конфигураций, ядрами которых являются имена и наречия. Все конфигурации описаны по единой анкете¹, принципы построения которой сформулированы во введении. Итоги ответов на вопросы этой анкеты (сводные описания формально-смысловых и типологических характеристик конфигураций) представлены в приложении, замечания и пояснения к тексту вынесены в комментарии. В первой части монографии описаны пятнадцать конфигураций, во второй – двадцать пять. Книга рассчитана на африканистов, а также на специалистов по общему языкознанию.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

Л. З. СОВА

КОНФИГУРАЦИОННЫЙ
СИНТАКСИС
ЯЗЫКА
ЗУЛУ

ЧАСТЬ 2
(КОНФИГУРАЦИИ 16–40)

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА
Ленинградское отделение
Ленинград - 1969

В. С. Храковский. Отзыв на работу Л. З. Сова «Конфигурационный синтаксис языка зулу»

Книга Л. З. Сова представляет собой исследование, посвященное разработке теоретических вопросов синтаксиса языка зулу. В соответствии с

¹ Примером такого описания является статья «“Дефективные“ глаголы в языке зулу», представленная выше.

теорией конфигураций проф. А. А. Холодовича в качестве основания классификации сказуемых можно принять систему типов окружения (систему конфигураций), представляющую собой набор различных последовательностей членов предложения, которые могут употребляться друг с другом в одной и той же синтагматической цепи.

Развивая теорию проф. А. А. Холодовича, Л. З. Сова построила классификацию сказуемых по смысловым (неформальным) критериям и получила классы слов, эквивалентных друг другу по смыслу (с точностью до смысла терминов конфигурации). Переходя к описанию результатов классификации, она построила его как формально-логическую систему.

В соответствии с замыслом автора сказуемые (и в частности, сказуемые, выраженные финитными глаголами) разбиваются на классы, члены которых имеют изотипное окружение, т. е. такое окружение, элементы которого можно записать в терминах одних и тех же членов предложения. Члены предложения устанавливаются как смысловые единицы, материальным субстратом которых являются особые формальные парадигмы.

В рецензируемой книге представлено описание 15 (из 40) классов глаголов и конфигураций, которые ими образуются. Описание формализовано за счет введения специальной анкеты, ответы на вопросы которой составляют стандарт описания каждого класса. Анкета включает 8 пунктов: 1. Общая характеристика класса (структура данного глагола, варианты структуры в речи, необходимые примеры). 2. Функциональная характеристика класса (функциональные отношения между различными элементами структуры). 3. Специфическая характеристика класса (общесемантическая характеристика элементов окружения данного глагола). 4. Референционная характеристика класса (указываются референты, соответствующие элементам структуры вне языковой действительности). 5. Семантическая характеристика класса (значения глаголов, входящих в данный класс). 6. Микросинтагматическая характеристика класса (морфологическая структура глаголов данного класса). 7. Позиционная характеристика класса (порядок расположения элементов в структуре). 8. Типологическая характеристика класса (соответствия структур языка зулу структурам русского языка, вопросы перевода глагольных конструкций языка зулу на русский язык).

В соответствии с этой анкетой построено описание каждого класса глаголов, и это дает возможность ответить фактически на все вопросы, которые возникают при построении любого конкретного предложения. Таким образом, исходя из системы конфигураций данного языка, мы можем построить такое описание языковой системы, от которого, на самом деле, практически очень легко перейти к порождающей грамматике данного языка.

Оценивая в целом монографию Л. З. Совы «Конфигурационный синтаксис языка зулу», можно отметить, что она является солидным трудом в области грамматики языка зулу. Она основана на большом фактическом материале и на прекрасном знании литературы вопроса.

Книга представляет интерес не только для специалистов в области африканского языкознания, но и для всех тех, кто занимается проблемами классификации слов и теоретического осмысления фактов, получаемых в результате типологического изучения языков разных систем. Она, несомненно, заслуживает самой скорейшей публикации.

Ljubov Z. Sova. *Konfiguracionnyj sintaksis jazyka Zulu*. Leningrad, 1968: Bd. I. S. 208; 1969: Bd. II. S. 29S.

Unter den Arbeiten die sich in den linguistischen Zentren Leningrads und Moskaus mit afrikanischen Sprachen befassen,¹ nimmt das hier zu rezensierende Werk eine besondere Stellung ein, weil sich die Autorin das Ziel gesetzt hat die Struktur der verbalen Wortgruppe im Zulu, einer Bantu-Sprache, vollständig (29) darzustellen. Die mehr als 500 Seiten zählende Arbeit umfasst eine theoretische Einführung, einen Hauptteil, Kommentare und Anhänge. Der Hauptteil enthält 40 syntaktische Konstruktionen der Zulu-Sprache, die formale und sinnvolle Konfigurationen bilden, die Mehrzahl mit Zeitwörtern als Nukleus, wobei aber auch Substantive und Adverbien als Nukleus auftreten können. Alle Konfigurationen sind einem einheitlichen Untersuchungsbogen (Enquete) nach dargestellt und zusätzlich tabellarisch in den Anhängen erfasst worden. Das Buch ist bestimmt für Afrikanisten und für alle die sich mit allgemeiner Sprachwissenschaft befassen.²

Methodologisch folgt die Arbeit den theoretischen Erwägungen von A. A. Xolodovič,³ welche praktische Anwendung finden in den Untersuchungen der Arbeitsgruppe für 'strukturelle Typologie' im Linguistischen Institut der Sovietischen Akademie der Wissenschaften; das Ziel der Arbeitsgruppe ist Sprachen verschiedener Struktur zu beschreiben und zu vergleichen.

Zweifelhaft wirkt im Werk eigentlich nur die Methodologie, denn die redaktionelle Verantwortung, durch den weltberühmten Afrikanisten D. A. Olderogge übernommen, garantiert die fehlerfreie Anwendung des linguistischen Materials. Aber selbst eine Diskussion der theoretischen Anlagen würde den Rahmen einer Rezension überschreiten, so dass wir uns hier

---

¹ Z. B. Afrikanskaja Filologija. Red. N. W. Ochotina (Moskva, 1965), 9–25.

² Cf. L. Z. Sova, 1968: 2.

³ Cf. 1968: 3.

begnügen müssen dem Leser den Inhalt des Werkes nur in weiten Zügen vorzustellen und uns in unseren Erörterungen auf das u. E. Wichtigste zu beschränken.

1. Die Einleitung kann ohne Vorbehalt zum Teil gerechnet werden, der die technischen Erläuterungen für die hier vorausgesetzte strukturelle Umschreibung enthält. Wenn die Autorin jedoch zu sprachphilosophischen Verallgemeinerungen übergeht, hört sie auf u. E. konsequent zu bleiben. Nur der Autorin nach soll man die Sprache als eine Tätigkeit (*energeia*) und gleichzeitig als ein Produkt (*ergon*) der Tätigkeit ansehen; eine Sprache durchzuforschen – sagt die Autorin weiter – soll eine äquivalente Aufgabe sein: d. h., man soll die elementaren Einheiten der sprachlichen Tätigkeit feststellen, so dass man mit ihrer Hilfe elementare Einheiten des Produkts der sprachlichen Tätigkeit erhalten kann. Die Autorin zitiert dazu Humboldt, obwohl das Zitat (4) einen ganz anderen Gedankengang enthält. Diese Inkonsequenz kann möglicherweise geklärt werden, jedoch soll man die Anwendung des Ausdrucks 'Produkt' in einer strukturellen Arbeit als ein Missverständnis auffassen. Der Autorin nach besteht dieses 'Produkt' (Ja) aus Sätzen ($P_1, P_2, \dots, P_i$), wiederum diese aus Bedeutungselementen ($Z_1, Z_2, \dots, Z_i$) und aus formalen Elementen ($F_1, F_2, \dots, F_i$), d. h.

$$Z = \sum_{k=1}^i Z_k, F = \sum_{k=1}^i F_k$$

Die Gleichungen sind u. E. falsch, denn man soll doch nicht Mengen, die nicht äquivalent sind durch eine Summe wiedergeben, denn u. a. ist die Menge von Bedeutungselementen in der Sprache unbegrenzt, dagegen die Menge der formalen Elemente begrenzt. Missverständnisse treten u. E. auch in weiteren Teilen der Einleitung auf, z. B. wenn die Autorin über Idiolekte (6) oder binäre Werte spricht. Alle diese Folgewidrigkeiten hindern einen aber doch nicht die Absicht der Autorin gut zu verstehen, d. h. die Syntax der Zulu-Sprache mit Hilfe von Konfigurationen zu beschreiben: eine Konfiguration stellt eine Verkettung von Satzteilen dar, die aus einem Hauptteil – dem Nukleus und den marginalen, umgebenden Teilen besteht. Wenn wir diese Definition konventionell wiedergeben, dann hätten wir es hier mit slotfillers (leider nicht in *kernel sentences*) zu tun, oder noch einfacher – es wird die Frage beantwortet, mit welchen Satzteilen kann ein konkretes Wort, das als Prädikat im konkreten Satz fungiert, sinnvoll und formal verbunden werden. Die Autorin führt den Ausdruck "funktionelle Klassen"¹ ein, um die Beschreibung des Tatbestandes besser zu präzisieren. Unter den angewandten Klassen übernimmt F_0 (Prädikat) die Funktion des Nukleus der Konfiguration, die übrigen 16 Klassen ($F_1, F_2, \dots, F_{16}$) die Funktionen der 'Umgebung' des Nukleus. F_1 entspricht überwiegend

---

¹ In der Bantuislik wendet man den Ausdruck 'Klasse' ganz anders an, wodurch die durch die Autorin neu eingeführte Nomenklatur eine störende Auswirkung besitzt.

dem Subjekt, F_2 , F_3 , ..., F_6 und F_{15} –den verschiedenen Typen des russischen Objekts, F_7 – den lokativen Adverbien, F_8 – den temporalen Adverbien usw.

In den nächsten 25 Abschnitten stellt uns die Autorin Untersuchungen von 40 Konfigurationen vor, den Zeitwortklassen nach geordnet, wie z. B. Nr. 1 Klasse der defektiven Verben, Nr. 2 Klasse der Hilfszeitwörter usw.

2. Die einzelnen Untersuchungsschemas bestehen aus folgenden Punkten:

(A) Allgemeine Charakteristik der Klasse, d. h. Inventarnummer und Bezeichnung der gegebenen Klasse, die tabellarische Erfassung der Struktur (mit welchen funktionellen Klassen sich das gegebene Zeitwort fakultativ oder obligatorisch verbinden kann), Beispiele für ihre Anwendung im Zulu, event. Strukturwandel, Verzeichnis der Zeitwörter der gegebenen Klasse.

(B) Formale Charakteristik der Klasse, welche Wortformen darstellt, die die 'Umgebung' der gegebenen Klasse bilden (mit Beispielen im Zulu).

(V) Formale und sinnvolle Verbindungen im Rahmen der gegebenen Konfiguration, welche auf das Auftreten (oder Fehlen) von formalen und sinnvollen Verkettungen des Nukleus mit den umgebenden Klassen weist.

(G) Semantische Charakteristik der Klasse, die zur näheren Bestimmung des semantischen Einwirkungsbereichs des gegebenen Zeitwortes dient, z. B. Wörter mit Funktion F_{10} geben eine Tätigkeit oder einen Prozess wieder usw.

(D) Charakteristik der gegebenen Klasse in bezug auf ihre Referenzrichtung, welche in diesem Sinn die Möglichkeiten des Nukleus beschreibt, z. B. des Nukleus mit einstelligen Referenten¹ bezeichnet nur den Referenten der in der Funktion F_1 (Nomen) auftritt.

(E) Mikrosyntagmatische Charakteristik der Klasse, welche zur näheren Beschreibung der Nukleusform und der daraus folgenden Möglichkeiten oder Unmöglichkeiten die Bestandteile des Nukleus in Satz zu verschieben dient, z. B. wenn wir es mit vierteiligen Idiomen zu tun haben.

(Ž) Charakteristik der Klasse in bezug auf die Stellung der funktionellen Klassen, welche die möglichen Stellungen der Wörter im Satz beschreibt, z. B. mit der Funktion $F_{10} \rightarrow F_1V_1F_{10}, V_1F_{10}F_1, V_1F_1F_{10}$.

(Z) Typologische Charakteristik der Klasse. Diese dient zur Erläuterung inwiefern die grammatischen Kategorien der Zulu-Sprache in der gegebenen Konfiguration angewandt den passenden russischen Satzteilen entsprechen.

Aus den Anhängen geht hervor, dass in den Konfigurationen die Situation von 777 Zulu-Zeitwörter untersucht worden ist. Man kann sich also leicht den

---

¹ Ausdruck der Autorin.

großen Arbeitsaufwand der Autorin vorstellen, die sich bemüht hat aus Zulu-Texten alle mögliche syntaktische Varianten der Zeitwörter zu isolieren und in allen Einzelheiten zu beschreiben. Die hier vorgenommen Präsentation der Methode und des Umfangs des Werkes ist also selbstverständlich vereinfacht; nur ein tiefgehendes Studium ermöglicht einen vollen Einblick in das vollbrachte Werk.

3. Ohne den weiten Arbeitsaufwand der Autorin einschränken zu wollen, kann der Unterzeichnete sich doch nicht von einigen kritischen Bemerkungen enthalten. Das hier dargestellte syntaktische System ist formell eingeeengt worden; nach einer Untersuchung von einer Anzahl von Texten hat sich heraus gestellt, dass sich gegebene Zeitwörter die als Satz-Nukleus fungieren mit gegebenen Wortklassen, welche als ihre 'Umgebung' auftreten, verbunden werden können. Diese formell dargestellte Wörter und Wortklassen bilden ein Inventar. Demzufolge erhalten wir nicht typische Mustersätze die weiteren Transformationen unterliegen können, sondern nur ein Verzeichnis sprachlicher Tatsachen. Die Beschreibung des eigentümlichen syntaktischen Baus der Zulu-Sprache tritt also weniger in den Untersuchungsbogen (Enqueten) als in den zugefügten Kommentaren hervor. Wenn also das Material zu allgemeinen linguistischen Vergleichen dienen soll, kann man sich dem Eindruck nicht erziehen, dass dieses Ziel anhand dieser Methode äußerst schwierig zu erreichen sein wird. Z. B. Merkmale typisch für die Zulu-Sprache, stecken in ihrem Kongruenz-System das mit dem System der Sachklassen verknüpft ist. Im Punkt B des Untersuchungsschemas (formale Charakteristik der Klasse) ist davon die Rede; es ist jedoch so verfasst, dass es dem Leser dem die Zulu-Sprache nicht geläufig ist, schwer wird sein die Funktion der im Satz und Wortform auftretenden einzelnen morphologischen Elemente zu erkennen. Z. B. S. 103 bei der Beschreibung der Konfiguration Nr. 8 lesen wir: "Zeitwort in substantiver Form mit Präfix *ku*: 6. *Kwathi* (1) *kwowokuphela* (2) *w'aphuka* (3) *umkonto* (4) 'Es geschah (1) mit (2) denen die (die Arbeit) endeten (2): das Messer (4) zerbrach (3) (1). Im Satz 6 beim Zeitwort *thi* (steht in der Form *kwathi*) in der Funktion F_3 tritt das Zeitwort *phela* 'beenden' in Subjektivform auf: *owokuphela* 'die, welche (be)enden (die Letzten)' mit Präfix *ku*: *kwowokuphela*" In diesem Fall verlangt auch das zweite Infix *ku* nähere Erklärung neben dem Präfix *kw*- und dem Infix *-owo-*. Zusätzlich gibt die Autorin an (107), dass *kwathi* in der Übersetzung weggelassen werden kann, wodurch die syntaktische Situation eine ganz andere wird.

Im Ganzen genommen kann man das Werk L. Z. Sovas als einen Vorschlag betrachten, dessen praktischer Wert sich zweifelsohne beweisen wird.

Warszawa

RAJMUND OHLY

Eugene A. Nida

33 HUSTED LANE, GREENWICH, CONNECTICUT

March 3, 1970

Professor L. Z. Sová
Academy of Sciences
Institute of Linguistics
Universitetskaya Nab. 5
Leningrad, USSR

Dear Professor Sová:

I certainly appreciated the opportunity of meeting you, and even though our conversation was rather brief, I surely enjoyed it. Thank you for your kindness in giving to me the two volumes of your work on African verb structure. I am very much interested in what you have done – in fact, it is an enormous amount of work. Congratulations!

I am asking the office to send you copies of *Toward a Science of Translation*, as well as *Theory and Practice of Translation*. Both of these books deal with some of the semantic concepts on which we are working. As soon as I have completed the book on “Introduction to Semantic Structures”, I will arrange for the office to send you a copy.

You have probably noticed that in some respects the ideas which you have developed in connection with the verb structure are parallel to what Professor Fillmore has done in discussing classes of verbs in terms of their case relationships. This has also been treated rather fully in a book on English grammar by Professor Langendoen. I am asking the office to send you a copy of this latter book.

Thank you for your kindness to me. I certainly appreciated meeting you and I am indebted to you for your valuable observations on developments in the field of linguistics in the USSR.

Most sincerely,

Eugene A. Nida

Уважаемая Галина Федоровна¹,

отвечаю на ваше письмо с таким опозданием, так как получила его в середине декабря. Письмо было послано в Ленинград, где я не живу уже с 1960 года.

Статья Л. З. Совы «Связь подлежащего и сказуемого в языке зулу», которую Вы послали на отзыв, не показалась мне интересной и в нескольких словах я постараюсь объяснить почему. Мне представляется, что данная статья не содержит сколько-либо полезной информации, как принято теперь говорить, ни с точки зрения фиксации фактического материала, ни с точки зрения теоретических выкладок. Работа распадается на две части: 1) до стр. 9, где автор описывает модель согласования субъекта и предиката, и 2) со стр. 9 до конца, где автор пытается доказать возможность предсказания отсутствующего субъекта по форме глагола-предиката. Что касается первой части работы, то данные приведенные здесь автором не являются впервые описываемыми. Приводимые языковые явления уже зарегистрированы, а также достаточно исчерпывающе, более емко, и, как мне кажется, более адекватно описаны авторами грамматик языка зулу (особенно см. работы К. М. Дока – "Zulu syntax and Idiom, London", 1955, „Text-book of Zulu grammar”, London, 1954).

В этой части работы Л. З. Сова, перегруппировав уже зарегистрированные факты, допускает некоторые неточности, а иногда и довольно грубые ошибки. Так, например, мне кажется неверной следующая формулировка автора (стр. 2, пункт 1): «если субъект действия, выраженного глаголом, имеет неопределенно личное значение, то в глагол-сказуемое вводится, префикс, начинающийся с согласного *k*-». Дело в том, что согласным *k*-, (вернее *kh*-) могут начинаться не только неопределенно-личные глаголы, приведенные Л. З. Совой, но также глаголы согласованные с именами существительными XIII кл. На той же странице автор допускает ошибку, определяя показатель *kwa*- как субъективный согласователь, в то время, как данный показатель состоит из двух морфем – действительно субъектного согласователя *ku*- и инфикса прошедшего времени изъявительного наклонения *-a*. Такая ошибка естественна при «буквенном» методе принятым автором. На той же странице в пункте 1. 1.3. представляется неубедительным пример, хотя бы потому; что *kwashona* – 'село /солнце/' глагол-предикат никак не связан с последующими им. существительными, связанными предложным префиксом, и др. В примечаниях к этой части рабо-

---

¹ Письмо Н. В. Охотиной в редакцию журнала «Вопросы языкознания» Г. Ф. Благовой (1967 г.).

ты допущены также неточности и ошибки, например, на стр. 23; примечание 3, неправильно утверждается о якобы единообразном морфологическом оформлении субстантивированных прилагательных, местоимений и т. п. и имен существит. – данное утверждение просто противоречит фактам языка.

На стр. 24, примечание 7, приведена таблица приглагольных субъектных согласователей, которые почему-то названы автором «согласователи для настоящего времени». Это или неточность или ошибка, так как приведенные согласователи употребляются при образовании любого времени, поскольку время в зулусском глаголе выражается не субъектными согласователями, которые несут значения лица, числа, класса, но самостоятельными морфемами или отсутствием их. Приведенные здесь замечания по первой части работы, не исчерпывают всех, я привела наиболее очевидные. Что касается второй части работы, то она как мне кажется построена на неверной посылке, и привлекаемый автором угрожающе сложный аппарат описания все той же модели согласования предиката и субъекта, не меняет дела, а лишь еще более деформирует языковой материал. Со стр. 9 и далее до конца автор пытается доказать, что по форме субъектного согласователя глагола-предиката возможно определить значение элементов выступающих в функции субъекта.

Автор производит ряд сложнейших операций, рассмотрение которых, если снять многочисленные ошибки и неточности, приводят к исходным положениям, а именно: если мы можем предсказать выбор субъектного показателя при глаголе по имеющимся субъектам, то обратной силы это не имеет, т. е. по форме субъектного согласователя мы можем определить лишь число и класс субъекта, но даже не сможем сказать именем существительным одним, несколькими именами существительными или абсолютными местоимениями выражен субъект. Мы не можем даже предсказать мыслится ли субъект определенно или неопределенно; /F₂/, так как согласователь *ku-* может относиться к им. сущ. XIII класса, и т. д. Так же точно как по форме русского глагола '*пришли*' кроме числа мы не можем сказать ничего о субъекте предложения, поскольку здесь возможна подстановка практически нефиксируемого ряда субъектов выраженных именами сущ. или абсолютными местоимениями.

В заключении хочется сказать, что по-моему, излишнее усложнение описания языка, в каких бы терминах оно не производилось, не выглядит целесообразным, если еще принять во внимание, что такое описание может исказить сущность языковых явлений.

Вот, вкратце, все, что я могу сказать о статье.
С уважением Н. В. Охотина¹

---

¹ Орфография и пунктуация первоисточника сохранены.

Глубокоуважаемый тов. Благова!

Буду очень Вам признательна, если Вы дадите мне возможность ознакомиться с отзывом рецензента полностью, а не только с его началом и концом (в письме, высланном Вами, отсутствует стр. 2 отзыва). Не менее буду Вам благодарна, если Вы сообщите фамилию рецензента, поскольку я собираю шедевры, наподобие присланного, и буду очень опечалена, если автор останется неизвестен.

Не говоря о том, что рецензент попросту не понял сути работы, он не сумел доказать даже того, что понял, и в чем, по его мнению, состоят мои ошибки. Так, на стр. 1 рецензии отмечено, что в статье имеются «довольно грубые ошибки». В качестве примера приведена следующая: „...мне кажется неверной следующая формулировка автора: «Если субъект действия, выраженного глаголом, имеет неопределенно-личное значение, то в глагол-сказуемое вводится префикс, начинающийся с согласного *k*»“. Когда хотят доказать, что формулировка неверна, то либо иллюстрируют ее внутреннюю противоречивость, либо показывают ее несоответствие описываемым объектам. Рецензент не делает ни того, ни другого. Вместо этого он пишет, что «Дело в том-то согласным *k*-, (вернее *kh*-) могут начинаться не только неопределенно-личные глаголы, приведенные Л. З. Совой, но также глаголы, согласованные с именами существительными 13 класса». Конечно, могут, ответим мы. Но какое это имеет отношение к цитируемой формулировке? Разве в этой формулировке сказано, что «префикс вводится только, если субъект имеет неопределенно-личное значение» или что «префикс *ku*- вводится только в глаголы, приведенные в статье»? Самое забавное, что в статье перечислены все случаи употребления *ku*-, в том числе и случай «согласования с именами существительными 13 класса»: стоило только внимательнее почитать работу и не надо было бы демонстрировать свою неспособность понимать даже то, что написано по-русски (Здесь мной допущена неточность: «доказательства», приведенные рецензентом, говорят не о том, что он не понимает значений увиденных им словоформ, но, скорее, о том, что он не понимает логических связей между ними, т. е. что он мыслит по законам изобретенной им самим логики).

Стр. 2 отсутствует, потому о «второй ошибке» я могу только догадываться из начала фразы: «автор допускает ошибку, определяя показатель *kwa*- как субъективный согласователь, в то время как данный показатель...» (далее в соответствии с логикой рассуждения должно следовать: «субъектным согласователем не является»). Не хочется гадать на кофейной гуще и предполагать, будто уважаемый рецензент не знает, что префикс, введенный в глагол, называется субъектным согласователем. Обще-

известно, что этот префикс называется субъектным согласователем даже в тех случаях, когда при буквальном подходе он таковым не является, например, когда он рассматривается как комплекс, состоящий из двух морфем: морфемы «времени» и «классной» морфемы, – см. высказывания К. М. Дока о том, что субъектный согласователь 3-л. имеет в различных временах и наклонениях различные формы *ти, ба, ти* и т. д., – другими словами, что *ти, ба, ти* и т. д. – алломорфы одного и того же субъектного согласователя, а не цепочки формантов, одним из которых является субъектный согласователь. См. также: Н. В. Охотина. Язык зулу: на стр. 38, 67 и др. автор отмечает, что в приведенном им слове префикс *ngi* является субъектным приглагольным согласователем 1-ого лица ед. ч. Поскольку остальные морфемы не могут рассматриваться как «морфемы времени», а время действия передается однозначно с помощью элементов этого слова, остается предположить, что префикс, называемый Н. В. Охотиной «субъектным согласователем», служит, по ее мнению, не только для обозначения «согласования» подлежащего со сказуемым, но и для выражения времени совершения действия. Следовательно, выделение в префиксе комплекса значений (время + класс) не мешает Н. В. Охотиной рассматривать его как субъектный согласователь. Кстати, в моей статье говорится о субъектном согласователе, а не о субъективном согласователе (речь идет о префиксе, указывающем на субъект, а не о показателе субъективности автора в оценке тех или иных явлений).

Начало глубокомысленной фразы на стр. 3 отсутствует, но ее конец привел меня в восхищение. Вот именно, дорогой товарищ рецензент, что можем! Прочитайте статью беспристрастно, и Вы увидите, что по форме субъектного согласователя можно сказать, чем выражен субъект (или чем он не выражен), мыслится он определенно или неопределенно и т. д. – точно так, как по форме русского глагола '*пришли*' многое сможет сказать о субъекте предложения даже первоклассник (например, очевидно, что подлежащим к '*пришли*' не может быть '*я*' или '*ты*', но только '*вы* (*они, мы*)', т. е. что субъект может представлять собой либо группу объектов, которые мыслятся определенно ('*Мальчики пришли*'), либо один объект, который также мыслится определенно ('*Вы*'). Так что фраза уважаемого рецензента о том, что «по форме русского глагола '*пришли*' кроме числа мы не можем ничего сказать о субъекте предложения...» просто повисает в воздухе, и остается непонятным, почему о числе мы можем судить, а о других фактах – нет.

По-видимому, рецензента сбило с толку то, что не всегда форма субъектного согласователя дает возможность строить однозначные ответы о подлежащем (способах его выражения, характере отношения к субъекту и т. д. – см. статью). Поэтому задача исследования сводилась не к тому, чтобы изобрести, сверх К. М. Дока (работы которого прекрасно известны не

только рецензенту, – см. примечание 2 к статье), «дополнительные» случаи употребления субъектного согласователя, но только к тому, чтобы сгруппировать эти случаи в систему и показать, когда форма субъектного согласователя однозначно приводит нас к некоторому значению, а когда – нет.

К сожалению, рецензент не понял, какое теоретическое значение имеет осмысление этих фактов, как не понял того, для чего надо рассматривать формы, посредством которых передается функция «связь между подлежащим и сказуемым в языке зулу».

Но здесь уже не вина рецензента, а беда его, – как и беда тех, кто пытается заставить ребенка дошкольного возраста «судить» о статье, смысл слов в которой он способен понять только буквально.

С уважением

Л. З. Сова

В. А. Лившиц. Отзыв о работе Л. З. Сова «Аналитическая морфология языка зулу»

Рецензируемая монография представляет собой систематическое описание морфологии языка зулу. Основные принципы этого описания сформулированы во Введении, они последовательно применены при исследовании грамматической структуры всех классов слов языка зулу, они определили классификационную схему частей речи, построенную в работе.

Особенности структуры слова и предложения в зулу, как и в других языках семьи банту, вызывают необходимость исследования слова как цепочки формантов, каждый из которых выражает минимум одну категорию (такая цепочка в целом соответствует нередко предложению индоевропейских или семитских языков). Л. З. Сова подробно описывает механизм анализа микроструктур словоформ языка зулу, определяет потенциально возможные наборы формантов и минимальные типы

цепочек, встречающиеся в текстах, т. е. форманты, обязательные для каждого класса словоформ, и форманты, факультативные для данного класса.

Так, для глагола минимальная структура устанавливается как состоящая из формантов четырех типов: корня (носителя лексического значения), конечного гласного основы, выступающего в качестве показателя модальности (негативного/позитивного спряжения или наклонений), темпорального форманта и форманта, выражающего связь между сказуемым и подлежащим (первые три форманта – парадигматического плана, четвертый – синтагматического).

В результате такого анализа автор выделяет в зулу 10 основных лексико-грамматических классов слов – частей речи: идеофон, глагол, существительное, прилагательное, местоимение, числительное, демонстратив, наречие, союз и междометие. Описание структур этих классов составляет содержание десяти глав работы.

Классификация частей речи в языке зулу, предложенная Л. З. Совой, как я могу судить, выгодно отличается от классификационных схем, выдвигавшихся другими исследователями этого языка, – эти схемы, как правило, учитывали лишь функциональные (синтаксические) признаки словоформ.

Основная часть работы написана просто и ясно. Несколько отличается по стилю лишь §2 Введения и §4 главы 3, посвященный синтаксическим функциям глагола. Этот параграф, видимо, целесообразно переработать, тем более что некоторые явления, описанные в нем, уже были затронуты автором в «Конфигурационном синтаксисе языка зулу».

Авторскую работу над книгой можно считать, в основном, завершенной. Книга Л. З. Совой, несомненно, будет с интересом встречена языковедами разных специальностей.

А. Л. Грюнберг. Отзыв о монографии Л. З. Совой «Аналитическая морфология языка зулу»

Работа Л. З. Совой «Аналитическая морфология языка зулу» является первым на русском языке исследованием по одному из малоизученных африканских языков, представляющих большой интерес не только для африканистов, но и для исследователей, работающих в области типологии и общего языкознания. Следует отметить, что и в целом количество работ, посвященных грамматике языка зулу, исчисляется единицами. Таким образом, актуальность темы, избранной автором, не подлежит сомнению.

Исследование Л. З. Совой построено на анализе большого количества текстов различного жанра: художественной литературы, фольклора и пуб-

лицистики. Кроме того, автором был расписан наиболее полный из существующих словарь языка зулу, изданный под редакцией К. М. Дока и Б. В. Вилакази. В результате автору удалось создать работу, которая, как мне кажется, с максимально возможной в настоящее время полнотой описывает морфологический строй языка зулу.

А. М. Дока

Целью автора было, обобщив все известные ранее сведения о морфологии языка зулу, представить накопленный им материал в виде единой, строго упорядоченной системы. Очень хорошо, что автор адресует свою книгу не только специалистам по африканистике, но и широкому кругу лингвистов разных специальностей. Поэтому вполне уместно включение в состав работы обширного Введения, дающего читателю довольно полное начальное представление об исследуемом языке и теоретических установках автора.

Исходя из морфологической структуры слов, автор выделяет в языке зулу 10 частей речи. Эти части речи охарактеризованы автором с разной степенью подробности. Наиболее полно описаны глаголы, идеофоны и существительные, составляющие в общей сложности около 90% словоформ, зафиксированных в словарях языка зулу. Менее других разработан раздел, посвященный наречиям. Здесь недостаточно четко сформулированы те признаки, по которым выделяется эта часть речи. Следует, впрочем, отметить, что выделение этой категории в любом языке связано со значительными трудностями. По своему опыту могу сказать, что отграничение наречий от прилагательных или существительных – проблема, актуальная, отнюдь не только для языка зулу. Поэтому не удивительно, что общность категории наречий в работе показана недостаточно убедительно.

Можно соглашаться или не соглашаться с отдельными теоретическими положениями автора, но несомненно, что автором проделана очень большая и полезная работа как по исследованию материала, так и по его классификации. Отрадным является также тот факт, что автор излагает материал по большей части простым и общепонятным языком, что в данной работе, имея в виду сферу ее использования, совершенно необходимо. Отдельные стилистические погрешности могут быть исправлены в процессе подготовки рукописи к изданию.

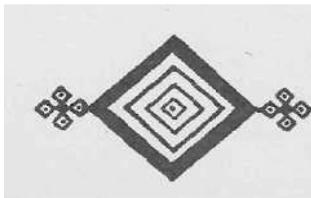
Вместе с тем хотелось бы обратить внимание автора на отдельные недочеты, которые, с моей точки зрения, следовало бы устранить в дальней-

шем. Я бы рекомендовал во Введение включить небольшой параграф справочного характера, дающий читателю общее представление о распространении языка зулу, об условиях его бытования и о статусе литературного языка. Второй и третий параграфы Введения, где автор излагает свои теоретические установки, по-видимому, следовало бы объединить и значительно сократить: эти параграфы сейчас составляют более ста страниц. Мне представляется, что без ущерба для содержания их можно изложить на 50–60 страницах, тем более что, по-видимому, рукопись превышает предусмотренный объем (20 а. л.). Слишком много внимания уделено также синтаксису глагола. Здесь автор нередко повторяет то, что нам уже известно из его работы «Конфигурационный синтаксис языка зулу». Не все примеры снабжены переводами (см., например, с. 369, 373 и др.).

Хотелось бы, чтобы автор внес соответствующие исправления в рукопись в процессе редакционно-издательской подготовки.

В целом работу автора можно считать завершенной. Целесообразность ее опубликования, исходя из всего вышесказанного, не подлежит сомнению.

15 декабря 1971 г.

Dictionary Of International Biography

Professor Ijubov Sova
Ul. Kompozitorov
d.1/1 kv 351
St Petersburg 194356
Russia

25th Edition

Publication scheduled around the
world for November/December 1996

Ref : DIB25/1

2000 Outstanding Scholars of the 21st Century – First Edition

Dear Professor Dr Sowa (Aksjonowa)

ONE THOUSAND GREAT SCHOLARS

The International Biographical Centre of Cambridge, England has, for many years, promoted the achievements of individuals throughout the world. Over one million biographies of notables in all fields have been published in its titles such as Dictionary of International Biography and Outstanding People of the 20th Century. It is now time to highlight those members of the international community, such as yourself, whose efforts have helped society make great strides through every aspect of scholarly achievement. You have therefore, been selected for consideration in this, one of our foremost publications.

Sincerely

NICHOLAS S LAW
Director General

500 Founders of the 21st Century

Together we stand at the crossroads of a new age. Together we set forth down that long and winding road in an attempt to shape the future and to bring light where there is darkness wherever we may be in the world.

Together we are Founders of the 21st Century. The International Biographical Centre has on more than one occasion been likened to a microcosm of the United Nations and without doubt this is an accolade that we should all be proud of. You are a vital constituent part of the International Biographical Centre and so your inclusion in this new, forwarding looking creation is in turn vital.

Living Legends

I was very pleased to include your entry in 2000 Outstanding Scholars of the 20th Century - 1st Edition. The book was received with great enthusiasm and as you know the following edition is well into production. From all the entrants, a select few are being approached to feature in this more widely distributed and well respected title - you are one of the first to be contacted,

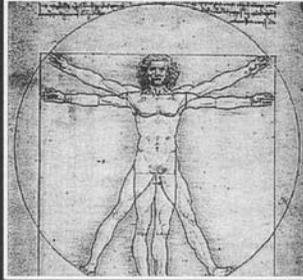
Living Legends is the culmination of many years of work done by the IBC under the direction of myself and of course of my predecessor, Dr. Ernest Kay D.Litt. but more importantly, of the individuals we have strived to honour in the pages of our world-leading biographical reference books. You know that I have been following your career with admiration. You are the epitome of that which we have praised and I would therefore like to welcome you into our most prestigious arena - the International Biographical Centre's Living Legends.

Nicholas S. Law
Director General

Публикация биографии в энциклопедиях: „Dictionary of International Biography. 25th Ed.“ (Кембридж, 1996), „2000 Outstanding Scholars of the 20th and 21st Century“ (Кембридж, 2001), „One Thousand Great Scholars“ (Кембридж, 2002), „500 Founders of the 21st Century“ (Кембридж, 2001), „Living Legend“ (Кембридж, 2003).

One Thousand Great Intellectuals

*"To wisdom belongs the intellectual apprehension of things eternal; to
knowledge, the rational apprehension of things temporal."*

Saint Augustine 354 AD - 430 AD

IBC

Ref:DDG/INV

Dear Dr Sowa (Aksjonowa)

Deputy Director General of the International Biographical Centre

I have been reviewing your Biographical File recently and I am delighted to say that out of the many that I have assessed yours has come to my particular attention. From the biographical material that I have read I feel that you are eminently qualified to take up the appointment as one of my Deputies at the International Biographical Centre. The role of the Deputy Director General is not onerous but is one that seeks to recognise the accomplishments of a very select few individuals who have come to my particular attention as great achievers.

Deputy Directors General are divided up into the five main regions of the world: Africa, America (including Latin America and the West Indies), Asia (including the Near and Middle East), Europe and Oceania. Each Deputy is appointed on merit alone and is selected to represent his or her region of the world. I find that at the present time I do not have the correct balance of Deputy Directors General from (enter country) and I therefore urge you to accept this honour for yourself and for your country.

Dear Professor Dr Sowa (Aksjonowa)

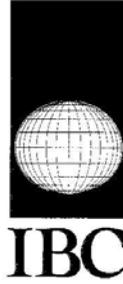
Outstanding People of the 21st Century, First Edition

THE ORDER OF INTERNATIONAL FELLOWSHIP

GOLD STAR AWARD - A Symbol of Outstanding Achievement

THE DIRECTOR GENERAL'S HONOURS LIST

Публикация биографии в энциклопедии „Outstanding People of the 21st Century“ (Кембридж, 2002) и в почетной книге „The Director General's Honours List“ (Кембридж, 1997), а также приглашение на должность „Deputy Director General of the International Biographic Centre“ (Кембридж, 2001) и награждение орденами „The Order of International Fellowship“ (Кембридж, 1997) и „Gold Star Award – A Symbol of Outstanding Achievement“ (Кембридж, 1996).

10th August 2001

Dr Ljubov Sowa (Aksjonowa)

Ref:OUT02/21OUT

Dear Dr Sowa (Aksjonowa)

**OUTSTANDING PEOPLE OF THE 21st CENTURY
FIRST EDITION
PUBLICATION: MID 2002**

Please find the clipping of your entry that appeared in Outstanding People of the 20th Century - Second Edition, attached alongside. The book sold extremely well and we are proud to tell you that your achievements are now available for reference in municipal and university libraries around the world.

I now have great pleasure in inviting you to update your entry for inclusion in the above Edition, due for publication in mid 2002.

If you wish to amend or add to your entry, please include corrections in the relevant sections overleaf. Complete your name, current address and signature and return this form by the date shown. We will then send you a typescript for approval prior to publication.

If, however, you have no new information or alterations, simply return the form on which you need only enter your name, address and signature and write 'no change'.

As you are aware, there has never been a charge for listing in our titles. However, we know from previous editions that biographees want their own copies so we have included an order form for your convenience.

....Over

SOWA (AKSJONOWA) Ljubov, b. 17 September 1937, Kharkov, Ukraine. Philology: m. Vertel, 1 daughter. Education: MA (Philological Department (Russian Language and Literature), Kharkov State University, 1950; MA, Mathematical & Mechanical Department (Mathematics and Computers), Leningrad State University, 1959; PhD (Structural Linguistics and African Philology), 1965; Academic Doctoral Degree, Philological Sciences (General and Computational Linguistics), USSR, 1977; Academic Honor degree of Full Professor, USSR, 1984; Doctoral Degree, Philosophy, Germany, 1993. Appointments: Assistant Professor, 1964-77; Full Professor, 1977-89; Leading Full Professor, 1989-90; Historical, Comparative and Typologic Linguistics, Leningrad Branch of the Linguistic Institute, Academy of Sciences of the USSR; Guest Professor, 1991-95; Chief-Redactor, Berlin Journal "Good Evening"; 1997-; Scientific Worker, Philosophical Department III, Humboldt University, Berlin, 1999-. Publications: 200 articles, stories, novels, 5 monographs, including: *Zulu Configurational Syntax*, p.1-2, 1968-69; *Analytical Linguistics*, 1970; *Bantu Grammatical Structure Evolution*, 1987; *At the Dawn of Language and Thinking*, 1996; *This World and the Next*, 2000. Memberships: Research Board of Advisors, American Biographical Institute Inc; IASS (International Association of Semiotic Studies); Berlin Society of Semiotics; IBC Advisory Council.

СОВА (Аксенова) Любовь Зиновьевна род. 17.09.1937 в Харькове в семье служащего. В 1960 окончила филол. фак-т Харьковск. ГУ. Канд. филол. наук (25.02.1966), тема дис.: "Классы глаголов в языке зулу". Доктор филол. наук (15.07.1977, по монографии). Старший научный сотрудник (04.10.1984). Преподаватель вост. фак-та ЛГУ (1964–1969). Научный сотрудник ЛО Ин-та языкознания АН СССР (с 1964). Издано около 70 работ. Участник X Междунар. конгр. лингвистов (Бухарест, 1967).

Основные работы

Конфигурацион. синтаксис языка зулу. В 2 ч. / АН СССР. Ин-т языкознания. Л.: Наука. ЛО, 1968–1969. Ч. 1. Конфигурация 1–15. 1968. 209 с.; Ч. 2. Конфигурация 16–40. 1969. 299 с.

Аналитич. лингвистика / АН СССР. М.: ГРВЛ, 1970. 255 с. (Защ. как докт. дис.)

Функции суффикса -isa в языке зулу // Тр. Ин-та этнографии (АН СССР). Нов. сер. Т. 96. Africana. Вып. 8. М., 1971. С. 127–150.

Связь подлежащего и сказуемого в языке зулу // Тр. Ин-та этнографии (АН СССР). Нов. сер. Т. 100. Africana, вып. 9. М., 1972. С. 160–180.

A Structural-Syntagmatic Invariant // Linguistics. An International Review. № 125. Mouton – The Hague, 1974. P. 73–89.

Границы и возможности типологии // Studies in Linguistic Typology. Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Т. 5. Prague, 1974. P. 67–82.

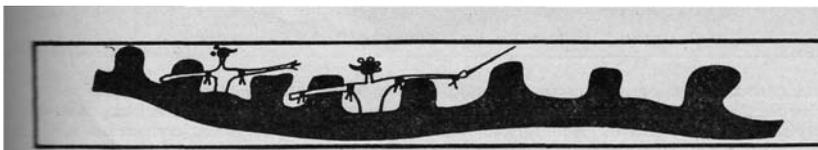
Иерархия грамматич. категорий при построении теории залога // Народы Азии и Африки. 1975, № 1. С. 181–185.

Микроструктурн. и макроструктурн. анализ в морфологии и синтаксисе / Archiv orientální. Vol. 48. Praha, 1980, № 3. P. 217–239.

Синхрония и диахрония языков банту // Актуальн. вопросы сравнительн. языкознания. М., 1989. С. 203–238.

С. Д. Милибанд. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд. Книга II. М–Я. М., 1995.

С. 422.

List of Publications (selected)

(Forthcoming) Africanistics and evolutionary linguistics (In Russian, English and German). St – Petersburg. 397 p.

(Forthcoming) Studies in Zulu (In Russian, English, and German). St – Petersburg. 226 p.

2007 Analytical linguistics and typology (In Russian, English and German). St – Petersburg. 378 p.

2007 Linguistics of synthesis (In Russian, English and German). St – Petersburg. 421 p.

2006 Evolution of nouns in the languages with different structures // Indoiranskoje jazykoznanije i tipologija jazykovyh situacij. The Materials devoted to the 75th years since the birth of A. L. Grunberg (In Russian, English, German). St – Petersburg. P. 421–430.

2004 The problems of the 21st century (In Russian) // Strukturnaja i prik-ladnaja lingvistika. Issue 6. St – Petersburg. P. 19–38.

2004. Ours in Berlin. Notices about emigrants (In Russian). St – Petersburg. 188 p.

2004. Eurofall. Novel (In Russian). St – Petersburg. 178 p. (Together with Je. V. Vertel).

2004. Ich, Albert Einstein... (In German) // Neue Literatur. Anthologie im Herbst 2004. Frankfurt A/M. S. 11–18.

2003 Eurofall. Novel (In Russian) // Neva. N 11. St – Petersburg. P. 91–155. Neva. N 12. P. 118–173 (Together with J. V. Vertel).

2003 The correctness of linguistic statistical experiments in „The Bible Code” by M. Drosnin (In Russian) // Vestnik MGLU. Philology. № 12. Minsk. P. 199–213.

2002 The Orthographic Reform in BRD (In Russian) // The Materials of Conference, devoted to the 90th years since the birth of A. V. Desnizkaya. St. – Petersburg. P. 203–209.

2002 Boris Pasternak and his relatives in Berlin (In Russian) // Neva. N 6. 2 St. – Petersburg. P. 118–121.

2001 Berlin stories 1997–1999 (In Russian). Berlin. 56 p.

2000 Who are we and where from? (In Russian) // Neva. N 11. St. – Petersburg. P. 159–170.

2000 In the Other World. A novel (In Russian). St.-Petersburg. 320 p.

2000 Clouds sail, clouds... A story (In Russian) // Neva. N 3. St. – Petersburg. P. 144–162.

1999 Approaches to the model of verbal thinking (In English) // Abhandlungen der wissenschaftlichen Gesellschaft bei der ZWST und Jüdischen Gemeinde zu Berlin. Band 2. Berlin. P. 112–115.

1999 The Reform of Orthography in Germany (In Russian) // Russkij Berlin – Russkaja Germanija. N 179/47. Appendix «Chto i Kak». Berlin. P. 7, 11.

1999 Et altera pars... (In Russian and German) // Dobryj Vetscher (DV). N 8(2). Berlin. P. 6–7.

1999 What's the price of integration today? (In Russian and German: Was kostet Integration heute?) // DV. N 8(2). Berlin. P. 14–15, 26–29.

1999 «Birthday» («Geburtstag». Rosentag – Mysterium. In German) // DV. Special issue (Sonder Ausgabe). Berlin. 12 p. (Together with Je. Vertel.).

1998 Jewish Happiness (a story) // «Berega (Coasts)». Literature almanac. Issue 2 (In Russian). Potsdam – Berlin. P. 44–50.

1998 Old Persons (a story) // «Berega (Coasts)». Literature almanac. Issue 2. (In Russian). Potsdam – Berlin. P. 43.

1998 In the Deep of «Tikhij Don» of M. A. Sholokhov (In Russian) // DV. N 4(2). Berlin. P. 28–44.

1997 The International Status of Contemporary German (In Russian) // DV. N 2. Berlin. P. 14–15.

1997 The Authorship of the «Quiet Don» // «Spiegel der Geheimnisse» (In Russian). N 6. Berlin. P. 42–44 (Together with Je. Vertel).

1996 At the Dawn of Language and Thinking. The Origin of African Languages (In Russian). St.–Petersburg. 384 p.

1996 Concerning Scandinavian version of «Quiet Don» // The Miracles and Mysteries of «Quiet Don» (In Russian). T. 1. Samara. P. 183–194 (Together with Je. Vertel).

1995 The Cosmogonical Lexics of the Peoples of Tropical Africa // Ethnolinguistical Researches. Ethnic contacts and language changes (In Russian). St.–Petersburg. P. 203–232.

1992 Zur Autorschaft des «Stillen Don» (In German) // Zeitschrift für Slawistik. N 37/4. S. 552–572 (Together with Je. Vertel).

1991 Concerning the Authorship of the "Quiet Don" (In Russian) // Voprosy literatury (Problems of literature). N 2. Moscow. P. 68–81 (Together with Je. Vertel).

1989 The Synchrony and Diachrony of Bantu (In Russian) // Actual problems of comparative linguistics. Leningrad. P. 203–238.

1987 Bantu Grammatical Structure Evolution (In Russian) // Leningrad: Nauka. 360 p.

1987 The analysis and synthesis of the grammatical categories by a computer (In Russian) // Language and logical theory. Moscow. P. 62–73.

1986 The computerising fund of Russian and personal computers (In Russian) // Summary of the 2nd Conference on Computerising Fund of Russian.

Moscow. P. 37–39 (Together with Je.Vertel).

1986 The principles of the selection of texts for illustrative fund of Russian (In Russian) // Summary of the 2nd Conference of Computerising Fund of Russian. Moscow. P. 3 (Together with Je.Vertel).

1986 The antinomies in constructing the Computerising Fund of Russian (In Russian) // Computerising Fund of Russian. Ideas and opinions. Moscow. P. 217–220.

1982 A review of "Le dictionnaire comorien-français et français-comorien du R. P. Sacleux" by M. A. Chamanga and N. – J. Gueunier (SELA, Paris, 1979). In Russian // Problems of Linguistics. N 1. P. 139–141 (Together with D. A. Olderoog).

1980 Micro- and macro-structural analysis in morphology and syntax (In Russian) // Archív Orientální. N 48/3. P. 217–240.

1979 Linguistics as a Branch of Semiotics (In English) // A semiotic landscape. Ed. by S. Chatman, U. Eco, J. – M. Klinkenberg. Approaches to Semiotics 29. The Hague: Mouton. P. 407–411.

1978 The methods of language description (In Russian) // Romance and German linguistics. Issue 1. Minsk. P. 106–110.

1977 The limits and possibilities of typology (In Russian) // Studies of Linguistic Typology. Acta Universitatis Carolinae. Philologica 5. Linguistica generalia. Praha: Univerzita Karlova. P. 67–82.

1977 Some theoretical problems of computational linguistics (In Russian) // Computational and mathematical linguistics. Pisa. P. 695–703.

1976 The functional model of linguistic intuition (In Russian) // Modeling of informational processes of purposeful behaviour. Summary of symposium. Tbilisi. P. 533–535.

1976 Static and dynamic approaches to the problem of the linguistic universalia (In Russian) // Abstracts of papers for the Conference in syntactic semantics. Moscow. P. 237–238.

1976 Linguistics and Computers (In Russian) // The Herald of Higher Educational Institutions. N 4. P. 25–28 (Together with W. Morosenko).

1976 Referential classification of Russian nouns (In Russian) // Linguistic papers of the Leningrad Branch of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR. Issue 3. P. 126–140 (Together with T. Zujewa).

1976 Linguistics as a Branch of Semiotics (In Russian) // Automatic analysis of the texts. Minsk. P. 6–13.

1975 The automatic recognition of semantic connections in Russian (In Russian) // The methods of the analysis of the texts. Minsk. P. 128–139.

1975 Aspects of Deep Structure (In English) // Proceedings of the 11th International Congress of Linguists. T. 2. Bologna – Florence, Aug. 28 – Sept. 2, 1972. Ed. By Luigi Heilmann: Societa editrice il Mulino Bologna. P. 507–510.

1975 Aspects of Deep Structure (In Russian) // The theoretical problems

of the syntax of the Indo-European languages. Leningrad. P. 56–60.

1975 The notion of syntactic structure in the contemporary linguistic (In Russian) // The materials of the seminar on the theoretical problems of syntax. Perm'. P. 60–63.

1975 The category of case in Zulu (In Russian) // The actual problems of the development of the languages and the literatures of Africa. Leningrad. P. 34.

1975 The localisation of the events in time and space of Zulu tales (In Russian) // The actual problems of the development of the languages and the literatures of Africa. Leningrad. P. 35–36.

1975 The hierarchy of the grammatical categories under the constructing the theory of voice (In Russian) // The Peoples of Asia and Africa. Moscow. P. 181–185.

1975 Linguistics and modelling of the process of cognition (In Russian) // Romance and German linguistics. Issue 5. Minsk. P. 181–185.

1975 The mathematical methods in the theory of cognition (In Russian) // The problems of general and applied linguistics. Moscow. P. 8–27.

1974 The epistemological and methodological problems of structural linguistics (In Russian) // The structure of the sentence and the classes of the words in the Romanian and German languages. Issue 3. Kalinin. P. 5–21.

1974 The method a priori and a posteriori for constructing the linguistic definitions (In Russian) // The structure of the sentence and the classes of the words in the Romanian and German languages. Issue 3. Kalinin. P. 185–189.

1974 The text as the result of the verbal reflection of the reality (In Russian) // The linguistics of text. The materials of the scientific conference. Part 2. Moscow. P. 66–72.

1974 A structural – syntagmatic invariant (In English) // Linguistics. N 125. P. 73–89.

1974 The formalisation of semantics (In Russian) // The linguistic security of the automatic systems of governing and automatic retrieval of information. Makhachkala. P. 110–114.

1974 The unification of the thesaurus of different branches by a computer (In Russian) // The linguistic security of the automatic systems of governing and automatic retrieval of information. Makhachkala. P. 10–12 (Together with V. Motyljow, R. Piotrowskij, W. Shabes).

1974 The automatic recognition of the semantic phenomena in syntax (In Russian) // Statistics of language and automatic analysis of text 1974. Leningrad. P. 66–93.

1974 The mechanism generating the syntactic conceptions (In Russian) // Statistics of language and automatic analysis of text 1974. Leningrad. P. 401–404.

1974 The deep structure and the invariant of translation (In Russian) // The structure of the sentence and the classes of the words in the Romanian and German languages. Issue 2. Kalinin. P. 301–303.

1974 The correlation of form and meaning in syntagmatics (In Russian) // The structure of the sentence and the classes of the words in the Romanian and German languages. Issue 2. Kalinin. P. 19–33.

1974 The principles of linguistic constructivism (In Russian) // The linguistic statistics and automatic analysis of texts. Minsk. P. 20–40.

1974 Some theoretical problems of computational linguistics (In English) // Computational and Mathematical Linguistics. Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics. Piza: Leo S. Olschki Editore-Firenze-MCMLXXVII. P. 695–703.

1973 Ideophones in Zulu (In Russian) // The main problems of African philology. Moscow. P. 372–378.

1973 Induction and deduction in constructing of the linguistic theory (In Russian) // The theory of language and computational linguistics. Leningrad. P. 121–133.

1973 The formal connections in Russian (the definitions) (In Russian) // The problems of structural linguistics. Moscow. P. 527–542.

1972 Chronicle notes (In Russian) // Problems of Linguistics. N 3. Moscow. P. 156–159 (Together with A. Liberman).

1972 The connection between subject and predicate in Zulu (In Russian) // *Africana IX*. Leningrad. P. 160–180.

1972 Dualism of syntactic structure (In Russian) // The structure of the sentence and the classes of the words in the Romanian and German languages. Issue 1. Kalinin. P. 9–28.

1972 Some antinomies connecting to the problem *language-speech* (In Russian) // The structure of the sentence and the classes of the words in the Romanian and German languages. Issue 1. Kalinin. P. 224–230.

1971 The functions of the suffix *-isa* in Zulu (In Russian) // *Africana VII*. Leningrad. P. 127–150.

1971 The structural-and-syntagmatic invariant (In Russian) // *Acta linguistica XXI*. V. 3–4. P. 267–281.

1971 The units of language and the units of the syntactic description (In Russian) // The theoretical problems of the syntax of the Indo-European languages. Abstracts. Leningrad. P. 25–26.

1970 Typology and Semiotics (In English) // *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*, Bucarest, 28 Août – 2 Septembre 1967. V. 3. Bucarest. P. 557–563.

1970 Linguistics & Metalinguistics (In English) // *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*, Bucarest, 28 Août – 2 Septembre 1967. V. 1. Bucarest.

1970 Is a set of typological definitions a system (In English) // Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages. Budapest. P. 93–94.

1970 Analytical linguistics (In Russian). Moscow. 255 p.

1969 Versuch einer Klassifikation der Sprachen auf der Grundlage von Typen binärer Wortverbindungen (In German) // *Linguistics*. N 53. The Hague. P. 93–99.

1969 The valence and the transitivity from the point of view of the linguistic dualism (In Russian) // *The language universalia and the linguistic typology*. Moscow. P. 244–250.

1969 Configurative syntax of Zulu. Part 2 (In Russian). Leningrad. 300 p.

1968 Configurative syntax of Zulu. Part 1 (In Russian). Leningrad. 255 p.

1967 Typology and Semiotics (In Russian) // *Resumes des communications (X-eme Congrès International des Linguistes)*. Bucarest. P. 345.

1967 Semiology and linguistics (In Russian) // *The language as the sign system of special type*. Moscow. P. 69–72.

1966 The dualism of the linguistic sign (In Russian) // *The peoples of Asia and Africa*. N 6. Moscow. P. 91–98.

1966 Semiotics and typology (In Russian) // *The Conference on problems of universal and areal characteristics of languages. Abstracts*. Moscow. P. 69–74.

1966 The language intuition and form-meaning (In Russian) // *Important problems of language evolution*. Samarkand. P. 186–190.

1966 The defective verbs in Zulu (In Russian) // *The peoples of Asia and Africa*. N 4. P. 184–194.

1966 The correlation of the language subsystems to the speech ones (In Russian) // *The languages of Africa*. Moscow. P. 205–218.

1965 The constructing of the linguistic formalisms (In Russian) // *The problems of synchronic researches of languages*. Moscow. P. 185–188.

1965 The correlation of the linguistic subsystems (In Russian) // *The linguistic typology and the oriental languages*. Moscow. P. 235–238 (Together with V. Khrakovskij).

1965 The approaches to the classification of the languages on the basis of the types of binary phrases (In Russian) // *The linguistic typology and the oriental languages*. Moscow. P. 229–234.

1965 The verb classes in Zulu (In Russian). Leningrad: Nauka. 15 p.

1963 The causative transformation as the tool for typologic classification of the languages (In Russian) // *The conference on typology of the oriental language*. Moscow. P. 82.

1961 The syntactic synonyms in the machine translation (In Russian) // *The papers of the conference in the automatic treatment of information*. Moscow. P. 1–16.

Неопубликованные монографии:

Л. З. Сова. Аналитическая морфология языка зулу. 20 а. л. Отв. редактор – член-корр. АН СССР, проф. Д. А. Ольдерогге. Работа завершена в 1970 г. Рекомендована к печати в 1971.

Л. З. Сова. Сопоставительная грамматика языков банту. 20 а. л. Отв. редактор – член-корр. АН СССР, проф. Д. А. Ольдерогге. Рецензенты – доктор филол. наук, проф. А. Л. Грюнберг и доктор филол. наук, проф. А. А. Жуков. Работа завершена в 1976 г. Рекомендована к печати в 1978 г.

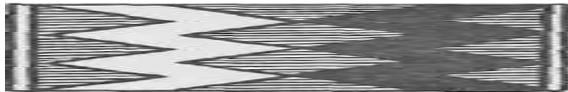
Л. З. Сова. Денотатная классификация русских существительных. Работа завершена в 1985 г.

Unpublished monographs

L. Z. Sova. Analytical morphology of Zulu (1971).

L. Z. Sova. Comparative grammar of Bantu (1976).

L. Z. Sova. Referential classification of Russian nouns (1985).

Именной указатель

- Р. А. Агеева 147
А. А. Азер 71
С. Акалафуа 177
П. Александр (P. Alexandre) 155
Н. М. Александров 39
Дж. Ашплерд 106, 179
Г. Барт 179
Г. Бауманн (H. Baumann) 149
П. Беннетт (P. Bennett) 147, 148, 153, 179
Д. М. Бич (D. M. Beach) 144
Г. Ф. Благова 193
В. Блик (W. H. Bleek) 152, 179
В. Бойс 106
М. А. Брайан (M. A. Bryan) 158, 159
С. И. Брук 164, 174
Ф. И. Буслаев 39
П. Вангер (P. W. Wanger) 22
К. Ф. Веглин (C. F. Voegelin) 158, 164, 165, 172
Ф. М. Веглин (F. M. Voegelin) 158, 164, 165, 172
В. Е. Вельмерс (Wm. E. Welmers) 158
Д. Вестерманн (D. Westermann) 149, 158, 159
Е. О. Вестфаль (E. O. Westphal) 126, 127, 144, 147, 158, 164, 179
Б. В. Вилакази (B. W. Vilakazi) 25, 51, 107, 197
В. В. Виноградов 36
П. де Вольф (P. de Wolf) 147, 179
Г. Габеленц 178
Н. З. Гаджиева 5, 174
М. Гасри (M. Guthrie) 76, 143, 146, 152, 154–159, 163–165, 172, 174–179,
183
Й. Гензор (J. Genzor) 144
А. С. Герд 127
Л. Граут (L. Grout) 22, 49, 51, 79
Дж. Гринберг (J. H. Greenberg) 142–153, 158–163, 174, 179
Н. В. Громова 106
А. Л. Грюнберг (A. L. Grunberg) 196, 202, 208, 209
Г. Гуарисма (G. Guarisma) 164
Н. Гуэнье (N.–J. Gueunier) 204
Е. Дамман (E. Damman) 76
А. В. Десницкая (A. V. Desnizkaya) 202

Г. Г. Джонстон (H. H. Johnston) 152, 179
Р. Р. Дломо (R. R. Dhlomo) 25
К. Док (C. M. Doke) 22, 24, 25, 49, 51, 57, 89, 107, 126, 132, 135, 138, 146,
151, 163, 158, 191, 194, 197, 223, 224
Л. Дроздик (L. Drozdík) 144, 164, 167
М. Дрознин (M. Drosnin) 202
Л. Ельмслев 7
А. А. Жуков 164, 167, 208
К. Б. Зиннатуллина 71
Т. Р. Зуева (T. R. Zujewa) 204
Д. Иттман (J. Ittman) 174
С. Д. Кацнельсон 6, 106
Д. Кнапперт (J. Knappert) 146–149, 152, 169, 179
Дж. Коленсо (J. W. Colenso) 76
Ф. В. Кольб (F. W. Kolbe) 179
Д. Т. Коул (D. T. Cole) 146, 163
А. Т. Коуп (A. T. Cope) 106
М. Коэн (M. Cohen) 158
В. Крупа (V. Krupa) 144, 164, 167
А. И. Кутузов 167, 169
Г. Кэллауэй (H. Callaway) 25, 51
Р. К. Кэст 179
Д. Т. Лангенден (D. T. Langendoen) 190
Р. Лепсиус 165, 179
А. С. Либерман (A. S. Liberman) 206
В. А. Лившиц 4, 195
К. В. Ломтатитзе 71
Н. С. Лоу (N. S. Law) 199
Д. Лув (J. A. Louv) 22
К. М. Любимов 71
А. Мейе (A. Meillet) 158
К. Мейнхоф (K. Meinhof) 74, 151, 152, 164, 165, 174, 179–183
И. А. Мельчук 36
И. И. Мещанинов 7
В. Морозенко (W. Morozenko) 204
В. М. Мотылев (V. Motyl'jov) 205
М. Мудзи 56
Г. П. Мэрдок (G. P. Murdock) 159
Е. Н. Мячина 71
Ю. Найда (E. A. Nida) 190
Дж. Нгубане (J. K. Ngubane) 25, 51
В. П. Недялков 97
Ф. Нтули (F. L. Ntuli) 51

С. Ньембези (S. Nyembezi) 25
Д. А. Ольдерогге (D. A. Olderogge) 6, 167, 178–180, 186, 204, 208
Л. Ольшки (L. Olschki) 206
Р. Оглы (R. Ohly) 189
Ж. Офунене 177
Н. В. Охотина (N. W. Ochotina) 5, 142, 157, 174–183, 191, 192, 194
Б. Л. Пастернак (B. L. Pasternak) 202
А. М. Пешковский 106
Р. Г. Пиотровский (R. Piotrowskij) 205
А. А. Потебня 39, 43, 106
А. Ф. Потт 178
Р. К. Раск 178
Ч. Сакле (Ch. Sacleux) 167, 204
Ч. Самюэльсон (R. C. A. Samuelson) 22
Т. А. Себеок (T. A. Sebeok) 143, 144, 147, 148, 158, 163, 165, 166, 172, 179
Силомо (Silomo) 25
Дж. Стерк (J. Sterk) 147, 148, 153, 179
Р. Стюарт (R. Stewart) 147, 149
А. Н. Такер (A. N. Tucker) 158, 159, 163
Л. Теньер (L. Tesnière) 28, 37
Г. Б. Тиндалл (G. B. Tindall) 144
Р. Турнвальд (R. Thurnwald) 149
М. Тшабалала 56
Ч. Филлмор (Ch. Fillmore) 190
И. Фодор (I. Fodor) 147, 153, 164, 179
Г. Форгс (G. Forges) 164
Г. Форчен (G. Fortune) 76
Л. Н. Харитонов 71
Л. Хельман (L. Heilman) 204
А. А. Холодович (A. A. Xolodovič) 6, 21, 106, 146, 185
В. С. Храковский (V. Khrakovskij) 20, 184, 207
Л. Хэррис (L. Harries) 76
Н. Н. Чебоксаров 176
И. А. Чебоксарова 176
С. Четман (S. Chatman) 204
В. Я. Шабес (W. Shabes) 205
М. А. Шаманга (M. A. Chamanga) 167, 204
И. Шапера (I. Shapera) 144
А. А. Шахматов 36
П. Шахтер (P. Schachter) 153
М. А. Шолохов (M. A. Sholokhov) 203
Г. А. Шпажников 158, 167, 168
Г. Штейнталь 178

Шультце (Schultze) 144

Л. В. Щерба 7

У. Эко (U. Eco) 204

В. Н. Ярцева 5, 142

С. Е. Яхонтов 7

Индекс языков и диалектов

- Абакпа (Абакра, Асqua) 162
Або (Abo) 166, 171
Абхазский 71
Адееях (Adeeyach) 170
Адума 164
Адьюмба (Aduumba, Adjumba) 166, 170, 172
Азербайджанский 71
Аква 166
Алеги (Alegi) 171, 172
Амбо 170
Аму 170
лиАнгба 170
Анги (Angie) 170
Английский (English) 88, 150, 159, 165, 167, 168, 176, 178
Апакибети 171
чиАсу (G22) (Asu, Athu) 170
Аустроазиатский 142
Ауши 165
Афразийский 142, 143, 148, 161
Африканский (African) 5, 142–154, 157, 159–164, 166–168, 170, 172–174, 178, 179, 182, 196, 223
Африки 38, 80, 140, 141, 147, 153, 157, 158, 163, 164, 167, 169, 176, 178, 179
Афро-азиатский (Afroasiatic) 143
Баакпе 156
Бабоа 175
Баджун, Баджуни (Bajuni) 171
Баджуэ 170
Баквеле 171
Баквил 171
Баквири 156
Бакоко 155, 156
Бакота 156
Бакуба 175
Балали 155
Бамбиеро 171
Банги–Нтумба 163, 175

Баноо (Banoo) 172
Бантоидный (Bantoid) 152, 147
Банту (Bantu) 5, 22, 71, 73, 74, 76, 117, 119, 126, 132, 139, 140, 143, 146, 152, 154, 155, 157–159, 162–170, 172, 174, 176, 177, 179, 184, 186, 195, 200, 203, 208
Баруэ 164
Баса (Basa, Basaa) 156, 170, 171
Бафия (Bafia) 164, 174
Баха 175
Бвала 166
Бванума 164
Бвенде (Bwende) 156, 166
Бемба (Bemba) 176, 177
Бембе–Кабвари 175
Бена 164
Бена–Кинга 163
бене (Bene) 164
Бенуэ–Конго (Benue–Congo) 150–153, 162, 168, 169
Берберский 143
Берта 143
Бесписьменный 157
Бииса, Биса 177
Бобанги (Bobangi) 175
Богонго 164
еБое 172
Боки (Voki, Vokyi) 171, 172
Бомвали 166
Бондеи 164
Бонкенг 155
Бонкенг–Пендиа 172
Боон 164
Боритсу 172
Бубе–Бенга 155
Бушменский 144
Ванда 166
Ванджи 166
Венда 126
Вольтийский 147
Вонго 166
Восточносуданский 143, 145
Восточный 19, 20
Галва 155

Ганда (Ganda) 140, 176
Гайи (Gayi) 171, 172
Гвамба 166
Гве 166
Гвено 166
Гвере 166, 168
Гере 168
Германский 150
Гикую 176
Гирьяма 164
Гого 176
Гуере 166–168
Гуха 164
Дзинг 175
Дуала 174
лиДума 155
Дьюмба (Dyumba) 172
Евразийский (Eurasian) 206
Египетский 142
Зигула 176
киЗомбо 156
Зулу (Zulu) 1, 3–6, 9, 10, 12, 15–18, 21–26, 35–38, 46–53, 65, 66, 70, 71, 73–76, 78, 88–90, 103–107, 110, 113–115, 117, 119, 120, 122, 123, 126–128, 132, 134, 135, 138–141, 154, 155, 184–189, 191, 192, 194–198, 202, 205–208, 223–225
Иберийско-кавказский 71
Индейский 142
Индоарийский 150
Индоевропейский (Indo-European) 132, 144, 150, 195, 205, 206
Йела (Yela) 170
Йергум (Yergum) 170, 172
Йомбе 156
Кабвари 164
Како 164
Карагве 165
Каума 164
Ква (Kwa, Kwaа) 147, 161, 162, 168, 169
Квакум 166
Квала 166
Квамби 166
Квангари 166

Квангва 166
Кваньяма 166
Квая 166
Кве 166
Квесе 166
Кее 164
Кела (Kela) 164
ичиКига 155
Киконго (Kikongo) 76, 176, 177
Кикую 170
Кикую–Камба 176
Кингвана 167
Кликсовый (Click) 144, 147, 179
Кого 156, 164
Конго (Congo) 170
киКонго 176, 177
кишиКонго 156
Конго-кордофанский 143, 145
лиКондо 155
Кордофанский (Kordofanian) 145
диКота (C17) 155, 175
К'оса 155, 170
Куа 162, 169
Кукуя 170
Кунама 143
Кунда 155
Куриа 177
Кутсве 166
киКууму 155
Кушитский 161
Кхумби 164
Лаади 156, 170
Лаали (Laali) 170
ичиЛала 170, 177
Ламба 176, 177
Ламу (Lamu) 169
Лвена (Lwena) 166
Лега–Каланга 175
Ленгола 175
муЛимба 155
Лингала 140, 177

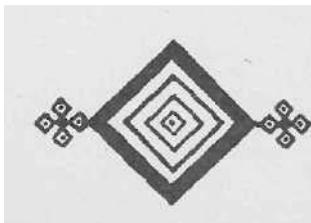
Лози 177
Ломве 166
Луба 177
Луба–касаи 163
Луба–катанга 163
Луганда (см. ганда)
Лунда 177
чиЛуимби 170, 177
Лучази 177
Луяна 176, 177
Маба 143
Мабинджа 175
Мака–Нджем 174
Маконде (Makonde) 178
Макуа (Makua) 178
Мамбве 166
Мамбукшу 172
Манде (Mande) 145, 148
леМанде (Mande) 155
Манди 164
Матумби 169
Махонгве 166
киМбала 176
киМбамба (kiMbamba) 171, 172
Мбангве 166
Мбанги–Нгумба 175
Мбака (Mbaka) 171, 172
Мбвела 166
Мбвера 166
Мбене 156
Мбете 175
Мбием 164
Мбугве 166
Мбуджа 175
киМбунду (kiMbundu) 170–172, 176
куМбути 155
киМвали 167, 169
Мванга 166, 177
Мвера (Mwera) 76, 166
киМвита 167, 169
Мероитский (Meroitic) 146
Меру 176
чиМиини 164

Младописьменный 157
Монго 175
Монгольский 132
Мпонгве 155, 166, 175, 185
Мпумпум 156
Мфину (Mfinu) 76
Мьене 155, 156, 175–177
Нама 144
Нбунду (Nbundu) 171
Нбундо (N’Bundo) 171
Нгала (С3ба) 140, 177
Нгангела 166
Нгандьера 164
Нгвана 166
Нгвато 166
киНгози 164
Нгомбе 175
Нгунгвел (Ngungwel) 166
Нгунгулу 156
Нгунди 175
Нгуни 155
Нгхвеле 166
Нджаби 175
Нджинга (Njinga) 171, 172
киНдонго (kiNdongo) 155, 171
Ндуумо 170
Не-банту (Non-Bantu) 44, 152, 158
Негрский 149
Немецкий (German) 165, 202–207
Нзеби 175
Нигер–Конго (Niger–Congolese, Niger–Congo) 143, 145, 147, 148, 152, 153, 161, 162, 171, 179
Нигеро-кордофанский (Niger-Kordofanien, Kordofan) 148, 161
Нило-сахарский (Nilo-Saharan) 143–146, 148, 161
Нилотский 144, 145
боНкенг 155
боНкенг–Пендиа 172
Нкоя 176, 177
баНоо (Banoo) 172
баНох (baNoh) 172
Нохо (Noho, Noko) 172
Нубийский 144, 145

Ньика (Nyika) 176
Ньика–Сафва (Nyika–Safwa) 177
Ньоро (Nyoro) 176
Ньюнгве 166
Овамба 155
олуНгкумби (Olunghumbi) 164
Пангва 166
Пангве 166
Пате (Pate) 169
Пахуин 155
Плато 147
Погоро 164
Полубанту (Semi-Bantu) 152
Прото-Бенуэ-Конго (Proto-Benue-Congo) 147, 179
Прабанту, Пра-банту (Ur-Bantu) 74
Протобанту 180, 181
иПуну 155, 175
Рво 166
Реки Кросс 147
Родной 88, 150, 167
Романский (Romanian) 150, 205, 206
Руанда (Ruanda, Rwanda) 156
Рунгва 166
Рунди (Rundi) 169, 175
Русский (Russian) 22, 25, 37–40, 60, 71, 88, 99, 113–116, 136, 146, 150, 152, 157, 159, 167–169, 173, 177, 179, 180, 182, 185, 192–194, 196, 202–208
Руэ 170
Саката 175
Сахарский 143
экиСвага 155
Свази 166
Свака 166
Свати 166
Семито-хамитский 149
Семитский 143, 195
Сенгеле 175
Симба 155
иСира 155
Сиу (Siu) 169
Славянский 150
Сонгаи 143
220

киСуахили (Swahili) 71, 117, 119, 140, 164, 169, 171
Сугулу 156
киСуунду 156
Табва 166, 177
баТанга 172
Тасмании 142
Татарский 71
Теке 135, 156
Тетела 175
Тив 159, 165
Тикуу 156
Тонгве (Tongwe) 166
Тсааи 170
Тсаанги (Tsaangi, Tsangi) 156, 175
Тсвана 169
Тунгусо-манчжурский 132
Турецкий 71
Узбекский 71
Украинский 150
Фанг 174
иФанде 155
Физере 172
Финно-угорский 132
ичиФипа 172, 177
Фольклора 167, 196
Французский (français) 165, 167, 177, 204
Фула (Fula, Peul) 159
Фур 143
Хаи 176
Хемба 164
Хехе (Hehe, ekiEhe) 156, 164
Центральносуданский 144
Чадский 142, 143
Чвабо 166
Чвана 169
Чева 169
Чина-мукуни 165
Чокве (Chokwe) 166, 177
Шамбаа 176
Шенгве 166
Шира–Пуну 175
Шона (Shona) 74, 76

Шумбва (Jumbwa, Sumbwa) 156
Южноафриканский 144, 161
Юкуноидный 147
киЯка 176
Якутский 71
ваЯо (Jao, Yao, waJao) 165, 166, 178
Японский 132
Яунде (Jaunde, Yaunde) 166, 170

Аннотированное оглавление

Классы глаголов

Работа представляет собой автореферат кандидатской диссертации автора. В нем представлена программа исследований по грамматике языка зулу, реализованная в статьях и монографиях, фрагменты которых приводятся ниже.

«Дефективные» глаголы

В монографии «Конфигурационный синтаксис языка зулу. Ч. 1–2» описание предложений языка зулу строится в терминах синтаксических конфигураций, которые состоят из ядер и зависящих от них членов предложения. Всего зафиксировано 40 конфигураций и соответственно классов ядер. Тридцать семь из них являются глаголами. Характеристика каждой конфигурации строится однотипно. Данная статья описывает конфигурацию, ядром которой являются, по терминологии К. Дока, «дефективные» глаголы.

Связь подлежащего и сказуемого

Цель работы – найти и описать все элементарные значения, которые свойственны субъектно-предикатной связи в языке зулу. Полученные результаты используются для построения фрагмента семиотической теории синтагматических классов слов.

Каузативный залог

Целью статьи является определение понятия каузативного залога в зулу. В качестве показателя каузативного залога выбирается суффикс *-isa*. Контекстные значения суффикса *-isa* классифицируются в терминах элементарных составляющих на основании их значимости по отношению к другим залоговым суффиксам. Инвариант этих значений, присутствующий во всех примерах с суффиксом *-isa*, принимается в качестве характеристического признака каузативного залога в зулу.

Глагол как грамматическая категория

В статье дается определение глагола как формально-смысловой категории языка зулу на основании исследования микросинтагматических связей между глагольными морфемами в составе слова (план выражения) и передаваемых ими категориальных значений (план содержания). Изучение корреляции глагольных морфем результируется описанием их парадигма-

тики (парадигматические ряды, дополнительная дистрибуция, значимость в составе слова). При обращении к плану содержания особое внимание уделяется пространственно-временным значениям и способам их регистрации в глаголах языка зулу.

Таблицы частей речи

Приводятся фрагменты из неопубликованной монографии автора «Аналитическая морфология языка зулу», в которой описываются девять частей речи: глагол, существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение, союз, междометие, идеофон, а также частицы речи (форманты, энклитики и проклитики, самостоятельно не употребляющиеся). Итоги характеристики частей речи суммируются в таблицах 1–9. Каждая часть речи представляет собой совокупность слов, имеющих одинаковую микроструктуру в виде цепочки классов формантов, которые выделяются в составе слова и могут соподчиняться в микросинтагматической цепи. Для каждого класса формантов фиксируется определенное место в микроструктуре. На одном и том же месте могут стоять только взаимозаменяемые аффиксы, которые образуют парадигму формантов, связанную с одним и тем же значением. Примером описания частей речи в соответствии с указанными таблицами являются идеофоны (см. с. 131) и глаголы (с. 124).

Идеофоны

Приводятся примеры функционирования идеофонов. Отмечается, что они являются одной из отличительных черт африканских языков и могут быть объединены в особую часть речи как слова, имеющие одну и ту же микроструктуру (см. таблицу на с. 131).

Summary

Verb classes

The publication is an abstract of my candidate dissertation (PhD-thesis), where a program for studies of Zulu grammar has been presented. This program has been realised in books and articles, the fragments of which are adduced below.

„Defective“ verbs

The description of Zulu sentences in my book "Configurative syntax of Zulu. P. 1. Leningrad, 1968. Part 2. Leningrad, 1969" is given in terms of syntactic configurations consisting of nuclei and constituents of sentence depending on them. Forty configurations and accordingly forty classes of nuclei have been discovered, thirty seven of them are verbs. Every configuration is characterized in the same way. The article describes the configuration with „defective verbs“ (terms of C. M. Doke) as nuclei.

The subject-predicate connection

The aim of the article is to find and to describe all elementary meanings connected with the subjective concord in Zulu. The results are used to construct a fragment of the semiotic theory of syntagmatic word-classes.

The Causative Voice

The article aims to define the notion of causative voice in Zulu. The suffix *-isa* is analysed as a mark of the causative voice in Zulu. Context meaning of this suffix is analysed and classified according to its inner structures. The structures are described in terms of elementary meaning units. The invariant semantic feature, i. e. the meaning unit that can be connected with every use of the suffix *-isa*, is postulated as a characteristic feature of the causative voice in Zulu. It is taken as an essential part of the definition of the causative voice.

Verb as a grammatical category

The definition of a verb as formal – semantic category in Zulu is given on the basis of research of microsyntagmatic connections between the verbal morphemes in word (plan of form) and their meanings (plan of content). The study of correlation of verbal morphemes is resulted in the description of their paradigmatics (paradigmatic rows, complementary distribution, and value in word structure). In the plan of content the special attention is given the spatial – and – temporal meanings and ways of their expression in Zulu verbs.

The tables of parts of speech

The fragments from the unpublished monograph of the author "Analytical morphology of Zulu" are represented, in which nine parts of speech (verb, noun, adjective, adverb, numeral, pronoun, conjunction, interjection, ideophone) and particle of speech (enclitics and proclitics) are described. The results of the characteristics of parts of speech are summarised in the tables 1–9. Every part of speech is a set of words having identical microstructure (a chain of affixes, which are connected in structure of a word). For every paradigm of affixes with the same meaning a certain place in the microstructure is established. As an example of the description of parts of speech according to the characteristic tables ideophones (see P. 131) and verbs (P. 124) are used.

Ideophones

The examples of usage of ideophones in Zulu sentences are given. It is mentioned that they distinguish the African languages and can be defined as a special part of speech (group of words with the same microstructure according to the table on P. 131).

